

Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований им. В.И. Абаева –
филиал федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»

Е.И. КОБАХИДЗЕ

Н.А. ЛАДОНИНА

**РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ОСЕТИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Владикавказ 2017

ББК 74.04(2)

К 55

Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века: монография. — Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. — 321 с.

ISBN 978-5-91480-282-7

Рецензенты:

Т.А. Невская, доктор исторических наук, профессор СКФУ

З.В. Канукова, доктор исторических наук, профессор,
директор СОИГСИ ВНЦ РАН

В книге впервые ставится и анализируется проблема становления и развития образовательного потенциала Осетии как интегративной характеристики социокультурной ситуации, сложившейся здесь во второй половине XIX в. Показано, что местная образовательная среда формировалась в ходе противоречивого взаимодействия государства и общества, выступавших как взаимодополняющие системы. Процессы, происходящие в регионе в сфере народного просвещения, привели к тому, что уже к концу столетия Осетия оказалась полностью интегрирована в общероссийское образовательное пространство, а стремление к образованию, отличавшее ее население, оформилось в мощный социальный запрос, объединивший все общественные слои.

Книга предназначена для историков, этнологов, юристов и всех тех, кого интересуют вопросы развития народного образования на Северном Кавказе и в частности в Осетии. Выводы, сделанные в ходе работы, будут полезны при разработке практических рекомендаций федеральным и региональным ведомствам, ответственным за реализацию государственной образовательной и национальной политики на Северном Кавказе, что может помочь минимизировать социальные риски в разработке долгосрочной стратегии развития Северо-Кавказского федерального округа

Печатается по решению Учёного совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ББК 74.04(2)

ISBN 978-5-91480-282-7

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017

© Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А. 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСЕТИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД	26
Административные преобразования на Северном Кавказе во второй половине XIX в.	26
Социально-экономическое развитие Владикавказа	47
Сословия ремесленников, мещан и купцов как основные категории городских обывателей	69
Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. — НАЧАЛЕ 1870-х гг.	93
Начальные этапы формирования образовательной среды на Кавказе	93
Учебное дело в Осетии в 60-х гг. XIX в. в контексте правительственной образовательной политики	114
Реформы Министерства народного просвещения 1870-х гг. и их влияние на образовательный процесс в Осетии	147
Глава 3. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ОСЕТИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.	182
Осетия в системе кавказской школы во второй половине 1870-х — 1880-х гг.	182
Образовательный процесс в Осетии в условиях российских контрреформ (вторая половина 80-х — 90-е гг. XIX в.)	210

Глава 4. УЧРЕЖДЕНИЯ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ	262
Библиотеки и читальни	262
Музеи Владикавказа как просветительские учреждения	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	300
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	308

ВВЕДЕНИЕ

Тема, рассматриваемая в предлагаемой вниманию читателей книге, является частью более широкой проблемы интеграции народов Северного Кавказа в российскую государственность. Наиболее активно эти процессы протекали в пореформенный период, для Северного Кавказа ставший временем формирования новой культуры: гражданской, политической, хозяйственной и т.п. В этой связи актуальным становится вопрос о действии государственных интересов в интеграционных процессах и конкретных задачах формирования общегосударственного пространства не только в административном, правовом, политическом, экономическом, но и в социокультурном отношениях.

Одним из важнейших инструментов реализации правительственных установок по включению Северного Кавказа в российскую государственность явилось образование. С другой стороны, образование стало и одним из наиболее востребованных средств достижения социального благополучия для местных народов, фактором их более или менее успешной адаптации к быстро меняющимся условиям быта и хозяйствования. Утилитарные запросы основной массы населения региона предопределили формирование мощного социального запроса на образование, в целом характеризующего социокультурную ситуацию на Северном Кавказе в пореформенный период.

Как неоднократно подчеркивалось современниками, особой тягой к образованию отличалось население Осетии. В ходе становления и развития здесь системы народного просвещения формировался и накапливался ее образовательный потенциал. Уточним, что мы имеем в виду под этим понятием.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть интегративную суть самого понятия «образовательный потенциал» и его более широкое содержание по отношению к образовательной системе или образовательному процессу. Обра-

зовательный потенциал создается, генерируется системой образования в ходе реализации образовательной политики. Он формируется и наращивается в результате той или иной деятельности в сфере просвещения не только образовательных учреждений, но и общественных организаций или отдельных лиц. Как отчасти показано в книге, на формирование и развитие образовательного потенциала Осетии работала общественная инициатива, направленная как на поддержку и расширение сети образовательных учреждений, так и на участие в образовательной и просветительской деятельности.

К формированию и развитию образовательного потенциала имеют отношение и разнообразные аспекты управления образованием, его финансирования, других форм поддержки образовательной деятельности — и со стороны государства, и со стороны общества и его институтов. Следовательно, сам образовательный потенциал заключается не только и не столько в образовательном процессе, но и в институциональной системе образования, в результатах образовательной деятельности и в широко понимаемых образовательных ценностях. Для его оценки привлекаются разнообразные количественные показатели — это и кадровый состав, и контингент обучающихся, и материальные условия и т.д.

Основными социальными технологиями формирования образовательного потенциала являются следующие: развитие образовательного процесса, модернизация институциональной системы образования, повышение качества и расширение практики использования результатов образовательной деятельности и совершенствование образовательных ценностей.

Развитие образовательного потенциала является по сути своей процессом социальным. Оно ведет к достижению более высоких количественных и качественных показателей образовательного потенциала. Процесс этот протекает под воздействием целого комплекса факторов

объективного и субъективного свойства. В различных регионах и в различные исторические периоды образовательный потенциал имеет свою специфику. Обусловлено это тем, что он формируется и развивается под влиянием своеобразия социально-экономического и политического развития региона¹.

Исходя из содержания самого понятия, его ключевых характеристик, мы ставили перед собой задачу прежде всего комплексного изучения процессов, определяющих развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX в., рассматриваемых сквозь призму правительственной образовательной политики в России в целом и на Северном Кавказе как ее неотъемлемой части.

Исследуемая нами тема тесно связана и даже пересекается с изучением региональной системы народного просвещения. Отметим сразу, что историография этой проблемы обширна и многоаспектна. В ней представлены труды, касающиеся исторических, педагогических, культурологических, общетеоретических вопросов формирования и развития системы образования в регионе. В кратком обзоре основной литературы мы остановимся лишь на работах исторического характера, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме, где так или иначе освещаются отдельные аспекты интересующей нас проблемы. При этом мы пойдем по традиционному пути и всю группу этих работ отнесем к крупным хронологическим периодам: дореволюционному, советскому и постсоветскому.

В дореволюционной историографии по проблемам образования в Российской империи следует выделить такие значимые для нашей темы работы, как очерк Л. Н. Модзалевского «Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802

¹ См. подробнее: Шафиков М. Т. Научно-образовательный потенциал как социальный феномен: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Уфа, 2006.

по 1880 год»² и фундаментальный труд С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902»³. По обширности и разнообразию привлекаемого документального материала, обилию конкретных фактов и сведений эти труды можно воспринимать как ценный исторический источник по истории образования в России в целом и на Северном Кавказе в частности, и, действительно, ни одно серьезное современное исследование по образовательной тематике не обходится без привлечения богатейшего материала, представленного в их трудах. Очерк Льва Николаевича Модзалевского, бывшего инспектором Кавказского учебного округа, посвящен процессам развития системы образования на Кавказе, которые показываются им с точки зрения деятельности кавказской администрации. Этапы становления регионального образования связываются автором с изменениями в законодательстве, регулирующем образовательную деятельность в крае. В целом эта работа, насыщенная большим количеством статистических сведений, дает достаточно четкое представление об основных направлениях правительственной политики в области народного просвещения за период с начала XIX в. до 1880 г.

Сергей Васильевич Рождественский работал в Министерстве народного просвещения, входил в Ученый комитет министерства. В его фундаментальном труде история народного просвещения в России рассматривается в контексте правительственной политики в сфере образования. Этот труд, основанный исключительно на документальных данных, вобрал в себя практически все материалы Министерства народного просвещения за столетний период (1802-1902). Перемены, происходившие в системе народного просвещения, связываются автором с правитель-

² Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.

³ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902.

ственной инициативой, благодаря которой и развивалось народное образование в Российской империи. Основываясь на законодательных актах, документах Министерства народного просвещения, материалах правительственных совещаний, ведомственной переписке, разнообразных фактических данных и т.п., С.В. Рождественский создает широкую панораму развития народного образования в Российской империи на всех его уровнях — от низшей школы до университетов и академических учреждений, прослеживает эволюцию типов и видов образовательных учреждений в разных регионах страны, обозначает основные ориентиры в правительственной школьной политике на отдельных этапах ее развития. В целом же эта его работа является одним из наиболее полных трудов по истории правительственной образовательной политики.

Примыкает к названным трудам работа А.И. Георгиевского — председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения, который анализирует деятельность Комитета со времени его создания до 1902 г.⁴ Здесь можно найти сведения, касающиеся отдельных сторон функционирования Комитета, в том числе относительно цензуры и библиотечного дела как существенных направлений его работы, проследить за динамикой правительственных установок в сфере народного просвещения, оценить неоднородность и противоречивость мнений правительственных чиновников, ответственных за ход учебного дела в стране.

Истории воскресных школ в России посвящено исследование Я.В. Абрамова «Наши воскресные школы»⁵. Эта работа имеет безусловную значимость для формирования целостного представления о развитии в стране начального образования и о его проблемах. В центре внимания автора такой специфический образовательный институт, как воскресная школа: ее место и роль в обучении беднейших

⁴ Георгиевский А. И. К истории Ученого Комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902.

⁵ Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900.

слоев населения страны, история ее возникновения и развития сначала в условиях пореформенной либерализации, а позже — в условиях российских контрреформ. Все эти вопросы анализируются автором на основе законодательных актов, обширного фактического материала и данных статистики. Несмотря на то, что Кавказ не выделен в работе в качестве региона исследования, в ней можно найти немало сведений о положении воскресных школ в крае, в том числе в Терской области и в частности во Владикавказском округе.

Для воссоздания цельной картины развития народного образования на Кавказе в исследуемый период большую роль играют труды авторов либерального направления, среди которых можно назвать М. В. Краснова⁶, В. Чарнолуского⁷, Н. В. Чехова⁸, П. К. Услара⁹ и др. Несмотря на то, что работам этих авторов присуща описательность, недостаточная документальная база, отсутствие широкого взгляда на образовательный процесс в целом, они представляют несомненный интерес. Так, например, в трудах М. В. Краснова скрупулезно исследуется история народного образования на Кавказе, показанная на примере старейшей в крае Ставропольской гимназии, анализируется выдающаяся роль русских просветителей в качестве организаторов региональной системы образования. В известной работе П. К. Услара обосновывается идея необходимости развития системы светского образования среди горцев, в котором автор видит один из путей духовного сближения народов Северного Кавказа с Россией.

⁶Краснов М. В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь, 1887; Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913.

⁷Чарнолуский В. И. Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909.

⁸Чехов Н. В. Народное образование в России с начала 60-х годов XIX века. М., 1912.

⁹Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. Отд. IV. С. 1-30.

В советской историографии наряду с фундаментальными исследованиями русской школы¹⁰ появляются работы, где изучаются процессы формирования системы образования на Северном Кавказе¹¹ и в его отдельных национальных регионах¹². В них главным образом речь идет об истории становления национальной школы и педагогики. В контексте нашей проблемы интерес представляют труды М. С. Тотоева, Х. С. Черджијева, А. Я. Габеева, а также диссертационные исследования В. Д. Магометовой и С. Р. Чеджемова, в которых обобщается исторический опыт развития образования и — шире — просветительства в Осетии¹³. Несмотря на идеологические клише, ра-

¹⁰ См., например: Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 1954.

¹¹ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX — начале XX века. Нальчик, 1991; Невская В. П. Духовная жизнь и просвещение народов Ставрополья в XIX — начале XX вв. // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. В 2-х ч. Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 85-95.

¹² Гонгарева Е. Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965; Казарина М. А. Из истории развития образования в Кабарде в конце XIX — начале XX вв. // Уч. зап. Кабардино-Балкарского государственного пед. ин-та. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 161-180; Каймаразов Г. Ш. Из истории народного образования в Дагестане в XIX веке // Уч. зап. ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Махачкала, 1964. Т. 12. С. 58-63; Копачев И. П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII в. — 30-е годы XX в.). Нальчик, 1964 и др.

¹³ Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 3-24; Магометова В. Д. Просвещение и школа в Северной Осетии во второй половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1973; Тотоев М. С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1962; Чеджемов С. Р. Интеллигенция и просвещение в Северной Осетии

боты советских историков по-прежнему актуальны, т.к. их отличает внимание к деталям, опора на документальные источники, стремление к выявлению региональной специфики. Что же касается правительственной активности в сфере народного просвещения, то она историками национальной школы оценивается однозначно негативно, интерпретируясь как фактор, тормозивший развитие кавказской школы и препятствовавший просвещению широких народных масс.

Вопросы, связанные с народным образованием на Северном Кавказе, затрагиваются и в работах более широкого тематического охвата, посвященных проблемам культурного развития¹⁴ и российско-кавказских культурных связей¹⁵. Состояние культуры и образования показывается в них на фоне общего социально-экономического положения народов региона. Основой, обеспечивающей развитие народного образования, становится просветительство, которому посвящена деятельность передовой северокавказской интеллигенции. Соответствующие разделы содержатся и в обобщающих трудах по истории Северного Кавказа и отдельных северокавказских республик¹⁶. В силу специфики подобных изданий, про-

в конце XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Владикавказ, 1992; Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958 и др.

¹⁴ Кумыков Т.Х. Культура и общественная мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991; Он же. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965; Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.

¹⁵ См., например: Мельниченко Е.Х. Развитие русско-осетинских культурных связей во второй половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1984.

¹⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 г.). М., 1988. Т. 2; История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе, 1987. Т. I; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 1;

блема становления и развития региональной системы образования освещается в них фрагментарно, со значительными лакунами, на фоне событий социально-политической истории, что не позволяет составить целостное представление о динамике самих этих процессов. Правительственная политика как комплекс мероприятий в сфере народного просвещения остается за рамками изложения.

Накопленный советскими историками опыт изучения народного образования в России представлен в фундаментальных трудах по истории школы и педагогической мысли народов СССР¹⁷. Особенностью подобных изданий является акцент на педагогической составляющей образовательной деятельности, истории педагогики и вкладе в российское образование выдающихся педагогов-просветителей. В соответствии с этой исследовательской доминантой показывается и развитие школьного дела в национальных регионах.

Таким образом, советская историография по развитию народного образования на Кавказе и в его отдельных областях представляется внушительной базой для углубления и расширения научных поисков, выявления закономерностей в становлении образовательной среды в регионе и объяснения региональной специфики.

В постсоветский период в изучении всего комплекса вопросов, связанных с развитием региональной образовательной системы, наметились новые направления. Одно из них представлено содержательным исследованием Л.С. Гагаевой, где впервые ставится проблема правительственной политики как фактора развития народного

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Грозный, 1967. Т. 1. С древнейших времен по март 1917 года.

¹⁷ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. М., 1991; Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: В 3 т. М., 2002.

образования на Кавказе¹⁸. Автор внимательно прослеживает пути формирования и эволюции правительственной программы развития народного образования в регионе. Основываясь на комплексном анализе политических, социальных, религиозных, личностных и иных факторов, определявших правительственную образовательную политику, Гатагова приходит к выводу о значительном подъеме культуры в регионе к концу XIX в., который стал следствием правительственной активности. Однако, на наш взгляд, за рамками исследования осталась сама система образования, прошедшая длительный путь от отдельных образовательных учреждений до сложной сети, в которую входили различные типы и виды учебных заведений разного уровня. Между тем, идеи автора о созидательном в целом характере правительственной политики в сфере народного просвещения свидетельствуют о продуктивности смещения исследовательских акцентов и делают саму работу актуальной и современной.

Как представляется, монография Л. С. Гатаговой востребована исследователями еще и потому, что она является, пожалуй, одной из немногих (если не единственной) крупных работ в современной исторической науке, посвященных проблемам государственной образовательной политики на Северном Кавказе и ее роли в формировании региональной системы образования. Постсоветская историография, по-видимому, еще не накопила достаточных оснований для столь серьезных обобщений по проблеме образования, сделанных на иной методологической базе. Тему правительственной политики на северокавказской окраине развивает лишь монография Д. С. Ткаченко, в которой начальное образование на Северном Кавказе рассматривается как одно из направлений этнокультурной политики государства¹⁹.

¹⁸ Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.

¹⁹ Ткаченко Д. С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начала XX вв. Ставрополь, 2009.

В последнее двадцатилетие историография интересующей нас проблемы пополнилась большим количеством статей, в которых обсуждаются различные аспекты образовательного процесса в регионе и в частности в Осетии. Отдельным предметом изучения стало женское образование²⁰, начальные школы²¹, школьная благотворительность и ее институты²², просветительские учреждения, дополняющие систему начального образования²³, процессы урбанизации и их влияние на постановку учебного

²⁰ Воротникова М. В. Женское образование в Северной Осетии во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 30-33; Воротникова М. В., Шаламов В. В. Образование женщин на территории Северного Кавказа во второй половине XIX — нач. XX вв. // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 6-13.

²¹ Бекоева Е. Д., Кусова Л. Б. Становление и развитие начального образования в Северо-Кавказском регионе (конец XVIII — начало XX столетий) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 2. С. 292-296; Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 30-77.

²² Блейх Н. О. Роль просветительских организаций в развитии школьного образования на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX века // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 217-219; Марзоев И. Т. Общество по распространению образования и технических знаний среди горцев Терской области // Материалы международной Юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ». Владикавказ, 2010. С. 82-84; Туаева Б. В. Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5. С. 207-2013; Шаповалов В. А., Любушкина Е. Ю. Общественные организации в социокультурной жизни Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41). С. 138-141.

²³ Дзалаева К. Р. Народные чтения как социокультурный феномен северокавказского общества во второй половине XIX — начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 14 (53). С. 21-25.

дела²⁴ и т.п. Интерес исследователей вызывают и вопросы, касающиеся образовательной политики в Кавказском наместничестве в отдельные периоды (например, в годы правления М. С. Воронцова) и роли просвещения как фактора преодоления конфликтного потенциала региона²⁵.

Как и в предшествующий период, в современной историографии особое внимание уделяется молодой северокавказской интеллигенции, ставшей выразителем зарождающегося и кристаллизующегося национального самосознания. Искренняя любовь и сочувствие к своему народу, активная жизненная позиция, выразившаяся в беспрецедентном подвижничестве, горячее стремление вывести народ из невежества путем образования, познакомиться с лучшими образцами иной культуры, иной цивилизации предопределили содержание просветительской деятельности представителей северокавказской интеллигенции, которая интерпретируется в исследованиях как важнейший фактор модернизационного развития северокавказского социума, а само образование — как необходимое условие интеграции Северного Кавказа в общероссийское социально-культурное пространство²⁶.

²⁴ Канукова З. В., Гутиева Э. Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 71-82.

²⁵ Урушадзе А. Т. Просвещение в политике М. С. Воронцова на Кавказе // История в подробностях. 2013. № 9 (39). С. 92-98; Пащенко И. В., Урушадзе А. Т. Образовательная политика Российской империи на Кавказе как фактор преодоления конфликтного потенциала // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2012. С. 95-100.

²⁶ Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX — начало XX вв.). 2-е изд., перераб. Владикавказ, 2012; Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX — начале XX века. Нальчик, 1996; Саблиров М. З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX в. Нальчик, 2001; Магометов А. А.,

Становление образовательной системы в регионе как один из аспектов его пореформенного модернизационного развития рассматривается в монографии С. А. Айларовой²⁷. В исследовании Л. К. Гостиевой подробно освещается многогранная миссионерская и духовно-просветительская деятельность православной интеллигенции Осетии, оказавшей огромное влияние на развитие национальной культуры²⁸. Вопросы формирования городской образовательной среды и роли в этих процессах передовой интеллигенции поднимаются и в известном труде З. В. Кануковой «Старый Владикавказ»²⁹, а также в соответствующих разделах последнего издания «Истории Осетии»³⁰.

Достаточно обширный пласт исследований комплекса проблем народного образования на Северном Кавказе и в его отдельных областях, в том числе в Осетии, представлен диссертационными работами. В них рассматриваются гендерные аспекты образования³¹, анализируется взаимосвязь между благотворительностью и развитием на-

Чеджемов С. Р. Культура, интеллигенция, образование: история и теория (на материалах осетинского народа). Владикавказ, 2014.

²⁷ Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.

²⁸ Гостиева Л. К. Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ, 2014.

²⁹ Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Изд. 2-е. Владикавказ, 2002.

³⁰ История Осетии. В 2-х томах. Владикавказ, 2012. Т. 2. История Осетии в XIX — начале XX века.

³¹ Апшоева Л. М. Становление и развитие женского образования в Терской области (вторая половина XIX — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008; Дзампаева Ж. Т. Развитие женского образования и воспитания у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2004.

чальной школы в регионе³², изучается роль национальной интеллигенции, отдельных городских сословий и представителей управленческой элиты в развитии школьного дела³³, обсуждаются вопросы российско-кавказского взаимодействия, в котором образование выступает в качестве ведущего фактора развития национальной культуры³⁴. В последние годы стали исследоваться и вопросы, касающиеся становления национальной школы как специфического общественно-педагогического института³⁵.

Как видно, интерес современных авторов вызывают преимущественно отдельные аспекты образовательной и просветительской деятельности в национальных регионах Северного Кавказа, которая рассматривается, как правило, в отрыве от общего российского контекста и вне правительственной программы развития народного просвещения в регионе. Отчасти этот пробел восполняется единичными диссертационными исследованиями последних

³² Макоева Л. С. Вклад культурно-просветительских и благотворительных обществ в становление и развитие образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX — начало XX веков): Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2006.

³³ Дзалаева К. Р. Осетинское городское население в условиях пореформенной модернизации (вторая половина XIX — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005; Корнилов А. А. Купечество Терской области во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012; Уадати А. С. Владикавказская Городская дума (1875-1917): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.

³⁴ Саблиров М. З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999; Туаева Б. В. Социальные и культурные факторы российско-кавказского взаимодействия: Автореф. дисс. докт. ист. наук. Владикавказ, 2010.

³⁵ Ткаченко Д. С. Национальное образование в Российской империи XIX — начала XX в. (на материалах северокавказского региона): Дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2006; Хубаева Л. К. Национальные школы в Северной Осетии второй половины XIX — первой трети XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013.

лет, в фокусе которых находится проблема складывания системы народного просвещения на Северном Кавказе и в его отдельных областях в пореформенный период. В решении поставленных задач авторы исходят из возможностей комплексного подхода, позволяющего анализировать систему народного просвещения в крае в единстве ее компонент, становление и развитие которой происходило под активным воздействием государства³⁶.

Таким образом, современная историография свидетельствует о заметном оживлении интереса к истории образования на Северном Кавказе, выявлению и исследовании малоизученных ее аспектов. Однако столь же очевидно, что проблема формирования и развития образовательного потенциала как интегративной характеристики образовательного и шире — социокультурного пространства до сих пор не ставилась ни в общекавказском контексте, ни в контексте региональном³⁷. Что касается Осетии, то работ, где развитие ее образовательного потенциала рассматривалось бы в русле правительственной образовательной политики и было бы представлено как единый процесс, анализируемый в его динамике, с одной стороны, и в комплексе его составляющих — с другой, пока нет.

Не претендуя на исчерпывающую полноту в освещении поставленной проблемы, в предлагаемой книге мы стараемся в той или иной степени решить эти задачи, опираясь не только на достижения отечественной историографии, но и на широкий круг источников, среди которых

³⁶ Бозиев Р.С. Развитие образования народов Северного Кавказа в XIX — начале XX веков: этапы, движущие силы и механизмы: Дисс. ... докт. пед. наук. М., 2009; Созаев А.Б. Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. — 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.

³⁷ Между тем, сама постановка проблемы уже назрела. Об этом свидетельствует, например, монография Д.Л. Сапрыкина, представляющая системное исследование образовательного потенциала Российской империи, анализируемого в сравнительно-исторической перспективе (Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009).

как опубликованные, так и неопубликованные документы и материалы, частью впервые вводимые в научный оборот.

Среди опубликованных источников для нашей темы наибольшую ценность представляют официальные материалы законодательного характера. Это положения об учебной части, указы правительствующему Сенату, рескрипты, правила и инструкции, планы и проекты Министерства народного просвещения, Главного управления кавказского наместника, мнения государственного Совета. Большая часть указанных источников опубликована в Полном собрании законов Российской империи, Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения, Сборниках распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом, Журналах Министерства народного просвещения³⁸.

Отдельную группу официально-документальных источников составляют делопроизводственные материалы. Прежде всего это отчетная документация, представленная годовыми отчетами Министерства народного просвещения, кавказского наместника, попечителя Кавказского учебного округа, инспекции Общества восстановления православного христианства на Кавказе, сводные отчеты самого этого общества, отчеты директоров и инспекторов народных училищ, администрации Терской области

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 12, 27, 44; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830-1884. Т. 1-55; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885-1904. Т. 1-22; Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Ч. LIV. Отд. 1-е. Июнь; Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1869. Ч. CXVIII. Июнь; Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. Ч. CXVIII. Октябрь; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2-е. Т. 3: Царствование императора Александра II. 1855-1864. СПб., 1876; Сборник распоряжений, напечатанных в Циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Тифлис, 1890-1897. Т. 1-6.

и Владикавказского округа³⁹. К этой же группе источников относятся распорядительные документы: циркуляры министров народного просвещения, пояснительные записки к законодательным актам и положениям, а также ведомственная и межведомственная переписка.

Важный для нашей темы материал содержится в ряде документальных сборников. Среди них насыщенностью и информативностью выделяется пятый том «Материалов по истории осетинского народа», где помещены документы по истории народного образования в Осетии с 1740 по 1917 гг.⁴⁰ Несмотря на то, что издание вышло в свет в 1942 г., оно сохраняет свою научную ценность не только потому, что представляет значительный комплекс документов, освещающих различные аспекты истории народного образования в Осетии, а также деятельность отдельных духовных и светских образовательных учреждений, но и благодаря своей уникальности, т.к. до сих пор он остается единственным тематическим сборником документов по истории развития образования в Осетии. В работе использовались также материалы, имеющие прямое отношение к различным аспектам исследуемой нами темы, извлеченные из ряда других сборников документов⁴¹.

³⁹ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870; Всеподданнейшие отчеты начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892-1899 гг. Владикавказ, 1893-1900; Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880-1901. Тифлис, 1903; Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказскою армией. 1857, 1858, 1859. Тифлис, 1861; Отчет по управлению Кавказским краем за 1846, 1847 и 1848 годы. Тифлис, 1849.

⁴⁰ Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V.

⁴¹ Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии). Владикавказ, 2012; Русско-осетинские отношения в

Неопубликованные документы и материалы извлечены нами из архивохранилищ. Прежде всего это Центральный государственный архив РСО-А, фонды которого содержат массу документов по интересующей нас проблеме. Особую значимость для нашей темы имели фонды органов просвещения и учебных заведений Терской области. Среди них выделим фонд 123 «Дирекция народных училищ Терской области», в котором отложились распорядительные документы (приказы, циркуляры и т.п.) администрации Кавказского учебного округа, управления кавказского наместника, журнальные постановления Владикавказской городской думы. Здесь же находится отчетная документация дирекции народных училищ Терской области, инспекторов народных училищ и учебных заведений, а также документы, имеющие отношение к учебному процессу (учебные программы, правила для учеников городских училищ Терской области 1888 г.). Значительную часть документов фонда составляет делопроизводственная переписка: доклады, донесения, рапорты о состоянии учебных заведений, о воскресных школах и т.п. Интерес представляют и материалы фонда 125, из которого извлечены документы о состоянии воскресных школ в Терской области.

Весьма содержательны и информативны документы фондов, посвященных деятельности отдельных учебных заведений во Владикавказе. Так, в фондах 127 «Владикавказская Ольгинская женская школа» и 129 «Владикавказ-

XVIII в. В 2-х т. Орджоникидзе, 1976-1984; История Владикавказа (1781-1999 гг.). Майкоп, 1991; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб., 2005; Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом. Орджоникидзе, 1942. Т. II; Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Дзауджикау, 1950. Т. III; Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX — начале XX в. Владикавказ, 2014; Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Исторический ракурс. Владикавказ, 2012.

ское реальное училище» можно обнаружить документы по управлению этими учебными заведениями (циркуляры попечителя Кавказского учебного округа, приказы по управлению кавказского наместника, переписка по методическим и текущим вопросам, их учебной деятельности (отчеты о состоянии школ, статистические сведения, учебные программы и т.п.). Документы аналогичного характера содержатся также в фонде 130 «Владикавказское 1-е реальное училище». Среди фондов учебных заведений следует выделить фонд 132 «Владикавказское горское окружное училище». Его материалы дают представление о начальных этапах становления светского образования в регионе.

Материалы всех этих фондов в значительной степени исследованы, однако они содержат множество все еще неизученных и не введенных в научный оборот документов, углубляющих и расширяющих наше представление о ходе развития образовательной системы в Осетии.

Не менее значимым для раскрытия темы представляется фонд 10 «Образование» Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН (НА СОИГСИ), который, к сожалению, мало востребован исследователями проблем образования в Осетии. Между тем, в этом фонде нами обнаружены весьма информативные документы, раскрывающие содержательные стороны процесса становления народного просвещения в регионе. Здесь отложились не только документы официального характера, но, что особенно важно, материалы, свидетельствующие об активной общественной поддержке школьного дела: общественные приговоры сельских обществ Осетии об открытии у них школ, о готовности предоставить содержание сельским учителям, прошения о том, чтобы в сельские школы прислали учителей, рапорты местного училищного начальства о состоянии школ ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе, переписка по по-

воду открытия новых школ не только в плоскостных селениях, но и в самых отдаленных уголках края и т.п. В основе своей эти документы раскрывают отдельные стороны процесса формирования школьной сети во Владикавказском округе и дают возможность оценить степень заинтересованности в получении образования самого населения Осетии.

Расширяют источниковую базу исследования материалы региональной периодики того времени. В отдельных выпусках таких журнальных изданий, как «Кавказский календарь», «Терский календарь», «Терский сборник», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Северном Кавказе» можно найти материалы, свидетельствующие об экономическом и социальном развитии Терской области и города Владикавказа, о состоянии школьного дела в крае, статистические данные по ряду направлений экономического и культурного развития Осетии и т.п. На страницах официальных газетных изданий («Терские ведомости», «Тифлисский вестник», «Северный Кавказ») публиковались статьи, освещающие текущие события, связанные с развитием системы народного просвещения в крае, обсуждались дискуссионные проблемы образования горцев.

Таким образом, и обширная историография, и разнообразная источниковая база позволяют не только поставить вопрос о необходимости исследования образовательного потенциала Осетии, но и подойти к его решению с позиций комплексного подхода, позволяющего рассматривать сам образовательный потенциал как некую интегративную характеристику социокультурной среды, генерируемую системой образования в ходе реализации образовательной политики. Как будет показано в книге, основная цель мероприятий правительства, имеющих отношение к сфере народного просвещения, заключалась в формировании единого образовательного пространства Российской империи. Включение в него Осетии рассма-

тривается в книге в хронологической последовательности, на фоне правительственных инициатив и практик реализации государственной образовательной политики в стране в целом и на Северном Кавказе в частности.

Представляется, что выводы, сделанные в ходе нашей работы, будут полезны при разработке практических рекомендаций федеральным и региональным ведомствам, ответственным за реализацию государственной образовательной и национальной политики на Северном Кавказе, что может помочь минимизировать социальные риски в разработке долгосрочной стратегии развития Северо-Кавказского федерального округа.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСЕТИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Административные преобразования на Северном Кавказе во второй половине XIX в.

В истории Северного Кавказа XIX столетие отмечено крупными и радикальными переменами в самых разных областях политической, хозяйственной и общественной жизни. В течение всего этого периода шло активное освоение Российской империей ее северокавказской окраины. Основная цель проводившихся в регионе правительственных преобразований сводилась к включению его территории и населения в общегосударственную систему социально-экономических отношений. Скорому осуществлению намеченных планов мешали активные боевые действия, ведущиеся в отдельных районах Северного Кавказа в ходе Кавказской войны. Война отвлекала и силы, и средства обеих противоборствующих сторон и тормозила процесс распространения в крае общероссийского управления. Правительственные мероприятия, проводившиеся на Северном Кавказе в 30-40-е гг. XIX в., в той или иной степени определялись общим ходом военных действий.

К началу 1860-х гг. обстановка на Северном Кавказе изменилась. Значительные успехи российского оружия в противоборстве с движением под руководством Шамиля на Северо-Восточном Кавказе создали предпосылки для пересмотра основных направлений кавказской политики правительства. По мнению самого императора Александра II, теперь настало время «мирных результатов», когда останется лишь «упрочить наше владычество: 1) введением сколько возможно правильной и справедливой администрации во вновь покоренных племенах, 2) прочным укреплением важнейших пунктов стратегических и

3) проложением надежных и во всякое время удобных путей сообщения...»⁴²

После завершения активных боевых действий усилия кавказской администрации сосредоточились на мирном развитии края в целях его скорейшего сближения с остальной частью империи. В новых социально-политических обстоятельствах перед властями вставала насущная задача развития гражданских начал в управлении «покорными горцами». «Устройство окончательного управления горскими племенами» кавказский наместник А.И. Барятинский считал теперь «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе»⁴³. В декабре 1857 г. на основании высочайше утвержденного положения Кавказского комитета «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» был проведен ряд территориально-административных преобразований. В результате на карте Кавказского наместничества появился Военно-Осетинский округ в составе Левого крыла Кавказской линии⁴⁴. Он стал не только самой крупной административно-территориальной единицей Левого крыла, но и самым разнородным по этническому составу населения, основную массу которого составляли горцы: осетины, кабардинцы, ингуши и пр. — «9 различных народностей, живущих в горах и на плоскости, находились в ведении владикавказского коменданта»⁴⁵.

По замыслу наместника Барятинского, эти изменения должны были содействовать развитию «полной системы экономических мер для устройства народного благосо-

⁴² Записка императора Александра II о постепенном уменьшении войск Кавказской армии, 1860 // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв.: СПб., 2005. С. 165-166.

⁴³ АКАК. Т. XII. С. 1278.

⁴⁴ ПСЗ-II. Т. XXXII. Отд. 1-е. №32541. С. 995-996.

⁴⁵ Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1960. С. 134.

стояния»⁴⁶. Прочность российских политических позиций в регионе подтвердилась отказом от прежней военно-административной структуры в виде Кавказской линии, которая почти сто лет служила отправной организационной формой административно-территориальных преобразований в крае⁴⁷. 26 января 1860 г. из Правого и Левого флангов упраздненной Кавказской военной линии образовывались Кубанская и Терская области⁴⁸.

Центром Терской области стала крепость Владикавказ, к тому времени «сделавшаяся основным и главным пунктом прочного владычества России на Кавказе»⁴⁹. По ходатайству наместника именным указом от 31 марта 1860 г. крепость Владикавказ преобразовывается в город⁵⁰. В указе была четко сформулирована цель преобразования — «в видах развития на Кавказе торговли и промышленности и водворения начал мирной гражданской жизни между покорными горскими племенами...»

Тем же указом утверждалось «Положение об управлении городом Владикавказом»⁵¹. Прежде Владикавказ находился в управлении коменданта, теперь же город причислялся к ведомству командующего войсками Левого крыла Кавказской линии, который в свою очередь находился в подчинении кавказского наместника. Управление Владикавказом осуществлялось полицией, Городовым судом и «особыми чинами», среди которых значились городской архитектор, врач и стряпчий. Во главе полицейского управления находился городничий, на должность которого временно был назначен бывший по-

⁴⁶ АКАК. Т. XII. С. 1289.

⁴⁷ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII — начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010. С. 223.

⁴⁸ АКАК. Т. XII. С. 58.

⁴⁹ Там же. С. 1185.

⁵⁰ ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648. С. 351-352.

⁵¹ Там же. С. 352-359.

лицмейстер Владикавказа поручик Циклауров, впоследствии же предполагалось избрать городничим особого штабс-офицера⁵².

Функции Городового суда определялись довольно широко: от хозяйственно-распорядительных до судебных. Работу, структуру и штат Владикавказского городского суда определяли установления Свода гражданских законов (изд. 1857 г.), предназначенные для внутренних губерний России. Присутствие суда составляли его председатель, два неперменных (т.е. постоянных) члена и два заседателя, «из коих один избирается обществом из среды жителействующим в Владикавказе потомственных или личных дворян, а другой из местных Осетин или других горных инородцев». К ведению председателя суда были отнесены «все те предметы, кои возложены действующими законами на личную обязанность Городских Голов»⁵³.

Уже 3 июня 1860 г. Владикавказский комендант полковник Наумов докладывал начальнику Терской области генерал-адъютанту графу Н. И. Евдокимову о том, что высочайший указ и Положение о городе Владикавказе доведены до сведения всех его жителей⁵⁴. Наумов предлагал не медлить с открытием Городового суда, поскольку «порядок подачи просьб о приписки к Владикавказу жителей начинает поступать в Городской суд»⁵⁵. Вскоре после обращения Наумова, 17 июня 1860 г., Евдокимов утвердил состав Городового суда. Председателем был назначен моздокский купец 1-й гильдии Ефим Лебедев, а неперменными членами купец 3-й гильдии Николай Требников и моздокский купец Павел Газалов⁵⁶.

Кроме них, в состав суда входило два заседателя. Они избирались на месте сроком на два года и о результатах выборов докладывалось начальнику Терской области;

⁵² ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1927. Л. 5, 6-6об.

⁵³ ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648. С. 353.

⁵⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1927. Л. 1-1об.

⁵⁵ Там же. Л. 1об.

⁵⁶ Там же. Л. 5, 6-6об.

сами заседатели должны были избираться из представителей «жительствоющих во Владикавказе потомственных или личных дворян и одного из местных осетин, без которых суд не может рассматривать и решать гражданских и уголовных дел»⁵⁷. Право выбора предоставлялось «уважаемым жителям города», главным образом купеческого сословия, которые в письменной клятве заверяли, что избирают лиц «из наших собратьев таких, которых по качествам ума и совести их» находят достойными⁵⁸. В результате выборов заседателями городского суда «от дворян» были утверждены отставной поручик Сопин, «и от местных туземцев» юнкер Беса (Василий) Коченов (Кочиев)⁵⁹, избранный в Тагауро-Куртатинском участке аульными старшинами «в том внимании, что он хорошо знает русский язык»⁶⁰.

1 июля 1860 г., после приведения к присяге избранных должностных лиц, Владикавказский городской суд «открыл свои действия»⁶¹. Но широта полномочий Городового суда, который исполнял функции городского управления, вела к тому, что суд не справлялся с возрастающим потоком гражданских дел. Кроме того, суду приходилось работать в постоянно изменявшихся обстоятельствах, связанных с притоком городского населения и усложнением городской инфраструктуры. Поэтому местные чиновники активно ходатайствовали перед вышестоящими инстанциями о расширении штата суда за счет местных уроженцев⁶², но так этого и не добились. Власти ссылались на недостаток средств для расширения штата Городового суда. Но несмотря на сложности, с которыми приходилось сталкиваться Владикавказскому городскому суду, его учреждение стало во значительной вехой в формировании

⁵⁷ Там же. Л. 11-11об.

⁵⁸ Там же. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Л. 27.

⁶⁰ Там же. Л. 30.

⁶¹ Там же. Л. 16об.

⁶² Там же. Л. 52, 54, 58-58об., 60.

системы гражданских учреждений в самом городе и во всем регионе.

Административное переустройство Северного Кавказа в начале 60-х гг. требовало пересмотра структуры и порядка управления вновь созданных областей, адекватных новым социально-политическим условиям. Именным указом от 29 мая 1862 г. было принято Положение об управлении Терской областью⁶³. Границы области определялись «к северу землями 4-й бригады Кубанского казачьего войска и Ставропольскою губерниею, к востоку — Каспийским морем и р. Сулаком, к югу — Андийским и главным Кавказским хребтами, к западу — Кубанскою областью, от которой отделяется горою Эльборусом и водораздельною линиею, идущею от этой горы до истоков р. Кумы». Терскую область населяли Терское казачье войско, горские народы, жители города Владикавказа, немецкие колонисты и жители военных слободок. Область в порядке управления разделялась на три военных отдела (Западный, Средний и Восточный), одно Отдельное управление (для округа Кавказских минеральных вод) и одно Городовое управление (для города Владикавказа).

Каждый из военных отделов делился на округа по принципу «племенного различия жителей Терской области»⁶⁴: Осетинский (вместо упраздненного Владикавказского), Кабардинский, Ингушский — в Западном отделе, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский — в Среднем отделе, Кумыкский и Нагорный — в Восточном отделе⁶⁵. Округа в основном назывались «по народностям, их населяющим»⁶⁶.

По «Положению» управление в Терской области делилось на военное, гражданское и управление местными народами «на особых правах». Областным начальником назначался военный офицер в чине полковника или ге-

⁶³ ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. №38326. С. 497-502.

⁶⁴ НА СООГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

⁶⁵ ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. №38326. С. 498-499.

⁶⁶ Административные отделы Кавказского края // ИКОИРГО. Тифлис, 1877-1878. Т. V. С. 108.

нерала, и он имел практически те же полномочия, что и генерал-губернаторы российских губерний. Начальник области командовал войсками как командир корпуса и одновременно исполнял административные функции: контролировал работу суда, начальников округов, полицейских сил, распоряжался финансами области и руководил ее хозяйственной частью.

Каждый из отделов возглавляли военные начальники в чине генерал-майора; каждый из военных начальников отделов руководил и одним из входивших в отдел округов. Так, начальник Западного отдела являлся также начальником Осетинского округа. Вся полнота власти в округе («административной, хозяйственной, финансовой, судебной и военной») передавалась окружному начальнику — «впредь до того времени, пока край будет находиться на военном положении».

Округа в свою очередь делились на участки. В Осетинском округе было создано три участка, являвшихся административными единицами Осетии «к северу от главного хребта»: Тагауро-Куртатинский, Алагиро-Мамисонский, Дигорский. Остальные административно-территориальные единицы, которые прежде входили во Владикавказский военный округ, были преобразованы и переданы под начало других администраций⁶⁷. Управление участками осуществляли приставы.

В новый аппарат управления допускались представители местного населения, занимавшие низшие должности в участковых администрациях — среди них были писари «по найму», помощники участковых начальников, заседатели участковых судов, представители охранной стражи, члены сельских управлений.

Таким образом, после завершения Кавказской войны на территории Северного Кавказа возникла система военно-народного управления: начальниками округов назначались российские военные чины, у которых была со-

⁶⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 6. Л. 36, 37.

средоточена вся полнота власти — военной, гражданской и судебной. При этом для горцев сохранялись элементы самоуправления, основанного на местных обычаях, а судебное разбирательство велось на основе адата и шариата при участии судей, избираемых из горских обществ. Военно-народное управление считалось временной мерой, необходимой, пока, как полагала администрация, местные народы не будут готовы к введению общегражданского устройства и принятию российского законодательства.

Новые веяния отразились и на организации управления городами. В связи с тем, что Владикавказ с 1863 г. становится юридически закрепленным центром Терской области⁶⁸, Владикавказский городской суд был переименован в Городское общественное управление. За ним сохранялся прежний круг обязанностей «за исключением дел судебных и опекунских и крепостной части» — они передавались Терскому областному суду, как это предусматривалось в Положении об управлении Терской областью⁶⁹.

Главный областной суд Терской области открылся во Владикавказе 28 октября 1864 г.⁷⁰ В его ведении находились судебные дела жителей самого города и всего гражданского населения области. Постепенно во Владикавказе сосредоточиваются главные административные и финансовые учреждения Терской области, а в сентябре 1865 г. из Моздока во Владикавказ переместился также центр управления Терского казачьего войска, канцелярия наказного атамана и войсковое дежурство⁷¹.

В результате административных реформ, проведенных на Северном Кавказе в начале 60-х гг., в крае постепенно стали распространяться общероссийские государ-

⁶⁸ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 60.

⁶⁹ См.: ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. № 40908. С. 458.

⁷⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 427. Л. 107-109об.

⁷¹ Ларина В. И. Указ. соч. С. 144.

ственные порядки. Они проникали в сферу управления и в целом определяли социально-политическую жизнь региона. Вдобавок к административным преобразованиям в 1867-68 гг. на Северном Кавказе были осуществлены крестьянская и земельная реформы. Их проведение открыло дорогу широкому проникновению капиталистических отношений в горское село и обусловило превращение городов в торгово-промышленные центры.

Теперь перед кавказской администрацией стояли вопросы совершенно иного свойства: экономического и политико-правового развития края, скорейшей интеграции его территории и населения в общегосударственный организм. Анализируя обстановку, сложившуюся на Северном Кавказе после его окончательного «замирения», кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич писал в своем отчете: «Над воинственным и пылким горским населением водворена власть твердая, энергическая и доброжелательная к управляемым, — власть, водворившая в горских обществах прочный порядок и подвинувшая, при содействии благоприятных обстоятельств, дело гражданского развития некоторых горских населений настолько, что ныне признано возможным подчинить их общим с русским населением гражданским административным учреждениям»⁷². Таким образом, новые требования к управлению краем заключались в создании условий для его экономического развития, освоению земельного фонда, расширению товарного рынка и оборота капитала. На повестку дня выдвинулась задача введения общегражданских установлений для всех без исключения категорий местного населения, что должно было ускорить процесс полного слияния края с Россией. «Введение единого гражданского управления диктовалось не только наличием единой территории, — отмечает В. И. Ларина, — но и общно-

⁷² Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870. С. 119.

стью экономической и культурной жизни народов, тяготением их к одному экономическому и культурному центру, каким для жителей Терской области был Владикавказ»⁷³.

Работа по реорганизации управления Кавказским наместничеством была возложена на особый Комитет по преобразованию административных и судебных учреждений на Кавказе, созданный в начале 1865 г. За короткий промежуток времени в регионе был проведен ряд административных преобразований, в ходе которых была видоизменена вся система высшего управления Кавказского и Закавказского края. В Терской области были упразднены Западный и Восточный военные отделы, а также реорганизована деятельность Терского областного суда, который стал называться Главным народным судом Терской области⁷⁴.

Именным указом от 30 декабря 1869 г. на Северном Кавказе вводилось новое Учреждение управления в Кубанской и Терской областях⁷⁵. Оно было разработано для того, чтобы привести в соответствие систему управления в крае «с современным его положением» и с теми изменениями, которые произошли в административном устройстве остальной территории империи. Теперь управление в Кавказском наместничестве организовывалось по аналогии с другими частями государства на основе общего для страны губернского учреждения с соответствующим делением территории наместничества на губернии, области, округа и уезды.

Терская область разделялась на семь полицейских округов, в числе которых был и Владикавказский. В его состав вошли прежние моноэтничные Осетинский и Ингушский округа. За городом Владикавказом закреплялась роль областного центра. Начальник округа объединял в своем лице не только гражданскую, но и военную и власть, буду-

⁷³ Ларина В. И. Указ. соч. С. 158.

⁷⁴ См. подробнее: Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 240-241.

⁷⁵ ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. №47847. С. 412-415.

чи наказным атаманом Терского казачьего войска. Теперь и гражданское (в том числе горцы), и казачье население Терской области подчинялось единому управлению.

Новая система была введена в действие с 1 января 1870 г. В областных и уездных городах Терской и Кубанской областей открылись административные и полицейские учреждения, окружные суды с прокурорским надзором во Владикавказе и Екатеринодаре, а также судебные мировые и следственные участки⁷⁶. Таким образом, все административно-территориальные единицы Кавказского наместничества были в той или иной степени интегрированы в общероссийскую административную систему.

Изменения коснулись и общественного устройства горских обществ. В том же указе от 30 декабря 1869 г. содержались рекомендации кавказскому наместнику постепенно применять по отношению к горскому населению правила общего положения от 19 февраля 1861 г. с учетом их соответствия местным обычаям. Наместник также обязывался самостоятельно разработать механизм «надлежащего устройства аульных обществ горского населения Кубанской и Терской областей и общественного их управления» и постепенно вводить здесь «мировые учреждения на одинаковых основаниях с занятыми русским населением местностями»⁷⁷.

В соответствии с принятым 30 сентября 1870 г. «Положением о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области»⁷⁸ в горских селениях учреждались сельская администрация и сельский суд. «Положение» определяло порядок формирования органов сельского управления, права и

⁷⁶ Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 245.

⁷⁷ ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. №47847. С. 415.

⁷⁸ НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 18-19; Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871.

обязанности должностных лиц, компетенцию сельского суда. Кандидатуры представителей сельской администрации рассматривались на сельском сходе и утверждались начальником округа. В их число входили сельские старшины, их помощники, писари, доверенные, судьи и сборщики податей (казначей), рассыльные, лесные и полевые сторожа, смотрители канав и пр.⁷⁹ Особую роль в общественной жизни горского села играл сельский сход, на котором решались наиболее важные для местного населения вопросы: выборы членов сельского управления, раскладка земских и мирских повинностей, приписка к сельскому обществу и наделение новопоселенцев землей из общинного земельного фонда, удаление «вредных» и «порочных» членов общества, взаимоотношения с соседними обществами и т.п.

Преобразования общинной жизни горцев также имели целью сблизить общественное устройство местных народов с общественным устройством крестьян центральных российских губерний. Поэтому в «Положении», разработанном для горцев Терской области, было много заимствований из общих положений, разработанных для крестьян Центральной России в ходе проведения крестьянской реформы 1861 г.

В результате активных действий правительства и высшего кавказского руководства, предпринятых в 60-х гг. в целях «слияния» Кавказа с Российской империей, возникли условия для учреждения здесь гражданского управления. Итогом этой деятельности стало постановление от 1 января 1871 г., которое вводило «гражданское устройство» в Терской и Кубанской областях⁸⁰. Это событие, как справедливо считал наместник, великий князь Михаил

⁷⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 680. Л. 11.

⁸⁰ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 99; см. также: Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказом и Закавказским краем. 6 декабря 1862 — 6 декабря 1872. Тифлис, 1873. С. XII, 60-61.

Николаевич,, имело огромное значение для областей, где вводились общие гражданские учреждения и судебные уставы 1864 г.⁸¹

Наиболее ощутимые изменения произошли в Осетии, которая, по свидетельству окружной администрации, находилась «в самых благоприятных условиях к развитию», а многие плоскостные села Куртатии и Тагаурии поражали своим «благосостоянием и порядком»⁸². О прогрессе в социальном развитии Осетии свидетельствует и то, что осетины, единственные среди кавказских народов, были изъяты из подсудности горских словесных судов, созданных по распоряжению наместника специально для горцев Северного Кавказа в каждом из округов Терской и Кубанской областей в конце 1870 г. С 28 октября 1871 г. по многочисленным ходатайствам населения Осетии на Владикавказский округ было распространено действие общероссийского законодательства⁸³.

Упразднение военно-народных округов и введение гражданского управления привело к тому, что горское население Терской области формально слилось в гражданско-правовом отношении с остальным населением края. Оценивая достигнутые результаты, начальник Главного управления кавказского наместника барон А. П. Николаи писал: «Успехи гражданского развития, со времени окончательного умиротворения края, говорят сами за себя; их признает каждый посещающий край; о них красноречиво свидетельствуют и с каждым днем возникающая общественная деятельность, и та жизнь промышленная, которая развивается только там, где воцарились безо-

⁸¹ Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем. С. 60.

⁸² Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Владикавказ, 2012. С. 318.

⁸³ См.: Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 245, 247.

пасность, порядок и законность»⁸⁴. После проведения реформ началась «ломка старых крепостнических порядков и замена их новыми, капиталистическими, тоже тяжелыми и мучительными для трудящихся масс, но являющими собой прогресс по отношению к феодализму»⁸⁵. В целом, проведенные на рубеже 60-70-х гг. XIX в. преобразования дали толчок развитию производительных сил края и заложили основы для формирования капиталистических отношений.

В дальнейшем действия правительства и высшей кавказской администрации были направлены на полное слияние Кавказа с Россией. Перед окружным начальством ставилась задача «содействия к скорейшему обрусению края». Особая роль при этом отводилась широкому развитию образования и торговли. Обозначенные задачи предполагалось решать расширением школьной сети и улучшением путей сообщения⁸⁶. «Аппарат управления занялся организацией социокультурного пространства, жизни и быта горских обществ, что, в конечном счете, и определило выбор народов Кавказа, — отмечает по этому поводу П. А. Кузьминов. — Порядок, организация, система, как синонимы мира, безопасности и благополучия, становятся для горцев ключевыми, жизненно важными идеями»⁸⁷. Но действия правительства отличались поспешностью и часто не достигали поставленной цели, хотя заметно способствовали продвижению края по пути капитализации всей системы социально-экономических отношений⁸⁸.

⁸⁴ Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX — начале XX в.: Сборник документов. Владикавказ, 2014. С. 79-80.

⁸⁵ Ларина В. И. Указ. соч. С. 159.

⁸⁶ Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 236.

⁸⁷ Кузьминов П. А. От войны к миру: Реформы на Северном Кавказе как альтернатива политического противостояния центра и периферии // Кавказская война: символы, образы, стереотипы / Отв. ред. Т. В. Коваленко. Краснодар, 2015. С. 188.

⁸⁸ См. подробнее: Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 250-253.

В общероссийскую административную систему постепенно вводились и кавказские города, которые все более превращались в крупные торгово-промышленные центры региона с постоянно растущим населением. В начале 70-х гг. в отдельных городах наместничества стало применяться новое Городовое положение, принятое 16 июня 1870 г.⁸⁹; с 1 января 1875 г. во Владикавказе⁹⁰, затем в Пятигорске⁹¹, Моздоке⁹². В этих городах учреждалось городское общественное управление, которое ведало широким комплексом вопросов, касающихся производственных, хозяйственных, финансовых, культурно-образовательных и иных аспектов городской жизни.

Средоточием хозяйственно-административной деятельности в Терской области становится город Владикавказ. К концу 70-х гг. в нем размещались все гражданские и военные областные учреждения: областное правление, канцелярия начальника области, межевое управление, Владикавказский окружной суд, съезд мировых судей Владикавказского округа, войсковое хозяйственное правление, Штаб войск Терской области, Владикавказское окружное полицейское управление, Комиссия для разбора сословных прав Кубанской и Терской областей и таможенный надзор в области; IV отделение управления Министерства путей сообщения; управления: губернского воинского начальника, Терской инженерной дистанции, 20-й артиллерийской бригады, атамана 2-го военного отдела Терского казачьего войска, инспектора Терской постоянной милиции и, наконец, штаб-квартиры расположенных в городе войск⁹³.

В начале 80-х гг. внутривластная обстановка в стране резко ухудшается в связи с убийством императора Александра II. В правительственных верхах решили отказаться от

⁸⁹ См.: ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. С. 821-839.

⁹⁰ Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. С. 63.

⁹¹ Там же. С. 72.

⁹² Там же. С. 84.

⁹³ Там же. С. 64.

такой специфической формы административного устройства, как наместничество. На рубеже 1881-1882 гг. Кавказское наместничество упраздняется и ликвидируется сама должность наместника⁹⁴. В результате Кавказ лишился административной автономии, а его отдельные регионы влились в общую административно-территориальную систему империи. Высшее руководство краем перешло главноначальствующему, который одновременно стал командующим войсками Кавказского военного округа. Все уровни управления на Кавказе были интегрированы в общегосударственный управленческий аппарат.

21 марта 1888 г. принимается новое Положение «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом»⁹⁵. Главная цель, стоявшая перед кавказской администрацией, заключалась в преобразовании управления Терской и Кубанской областями и Черноморским округом «на началах объединения административного их устройства с гражданским управлением поселенных в названных областях казачьих войск»⁹⁶. В результате введения нового Положения была серьезно изменена общая система управления Северным Кавказом: теперь не только войсковое сословие, но и гражданское население края поручалось ведению командующего войсками Кавказского военного округа, а в Кубанской и Терской областях — атаманов казачьих войск с правами генерал-губернаторов. Горское население подчинялось управлению командующего войсками округа. Терская и Кубанская области перешли в ведение Военного министерства, управляясь Войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск. Как администратор он получал все права и обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, а как военный начальник — права и обязанности командующего войсками Кавказского военного округа.

⁹⁴ См.: ПСЗ-III. Т. II. № 637. С. 28; № 638. С. 28-30.

⁹⁵ Там же. Т. VIII. №5077. С. 98-105.

⁹⁶ Там же. №5076. С. 97-98.

На Северном Кавказе вводилась иная по сравнению с существовавшей территориально-административная модель. Для гражданского (в том числе горского) населения сохранялась окружная система. Но наряду с округами учреждались еще и казачьи отделы, к которым в административном отношении причислялось и проживавшее там гражданское население. Так, Терская область была разделена на три казачьих отдела (Пятигорский, Кизлярский и Сунженский) и четыре округа (Владикавказский, Нальчикский, Хасав-Юртовский и Грозненский). С 1 января 1899 г. в границы области был включен четвертый казачий отдел — Моздокский⁹⁷. Города Владикавказ и Моздок находились в ведении областного управления.

Полицейское и административное руководство в округах осуществляли начальники округов в чине офицера, аналогичные функции в казачьих отделах выполняли атаманы отделов. Начальники округов получали неограниченные полномочия: они контролировали деятельность судебно-административных учреждений округа и назначали сельских старшин и их помощников в сельских управлениях.

Округа для удобства управления делились на участки, которыми руководили участковые начальники из низших офицерских чинов. Во Владикавказском округе находилось три административных участка. К первому относились населенные пункты, расположенные на левом берегу Терека (селения Ногкау, Гизель, Кадгарон, горские общества Даргавское, Хидикусское, Даллагкауское, Санибанское и Балтинское, Михайловская немецкая колония), ко второму — правобережные поселения (селения Тулатово, Хумалаг, Ольгинское, Зильги, Батако-Юрт, Шанаево, Дарг-Кох, Карджин, Эльхотово, Заманкул), третий, самый

⁹⁷ См.: Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1899 год. Владикавказ, 1900. С. 4.

крупный, включал слободу Алагир и ряд приходов и селений Алагирского ущелья⁹⁸. В каждый приход или общество входило несколько селений или отселков, где количество дворов варьировало от 10 до 50.

В результате административной реформы 1888 г. на Северном Кавказе была практически реанимирована система военно-народного управления, которая существовала здесь в 60-х гг. Теперь она лишь имела другие организационные формы (как гражданско-административные, так и судебные).

Говоря об административных преобразованиях на Северном Кавказе в пореформенные годы, нельзя не упомянуть и о мерах, предпринятых правительством в сфере налогообложения. Этот аспект государственной экономической политики также рассматривался как один из механизмов инкорпорации местных народов в хозяйственно-экономическую систему государства и являлся составной частью общей системы экономических мер «для устройства народного благосостояния». Как и другие аспекты политики правительства по отношению к окраинам империи, налогообложение на Северном Кавказе имело свои особенности, которые заключались во введении, помимо общеимперских налоговых установлений, особых норм, отвечающих в первую очередь интересам государственной казны.

Обострение проблемы пополнения государственного бюджета за счет налоговых поступлений в пореформенные годы в немалой степени обусловило усиление налогового пресса. На Кавказе эта практика обосновывалась необходимостью «покрытия расходов по содержанию военно-народных управлений» в округах, что, по мнению императора, «уравнивало в правах» кавказских жителей с остальными подданными русского государя⁹⁹.

⁹⁸ История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Орджоникидзе, 1987. Т. I. С. 380-381.

⁹⁹ Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Дзауджикау, 1950. Т. III. С. 155-156.

В январе 1866 г. была введена подымная подать, при расчете которой власти руководствовались как «местными условиями», так и «степенью зажиточности» населения¹⁰⁰. В 1871 г. вводились мирские повинности, основным элементом которых стало содержание сельского правления, а в 1882 г. — земские, имевшие наибольший удельный вес в структуре местных платежей и шедшие на удовлетворение потребностей народного образования, медицины, ветеринарной части, общественного призрения. Как и прежде, мирские повинности отбывались в денежной и в натуральной форме¹⁰¹.

Вышедшее в мае 1894 г. положение «Об устройстве земельных повинностей в областях Терской и Кубанской» регламентировало порядок взимания с местного населения казенных и земских повинностей. В их числе были подымная подать (для горцев), денежные сборы взамен воинской службы, содержание трактовых дорог, мостов, переправ, земельной почты и т.д.

На его основе было разработано новое «Положение о сельских (аульских) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в Терской и Кубанской областях», утвержденное в 1896 г. Теперь аульный сход стал формироваться на выборных началах: его участниками становились выборные — по одному из десяти дворов. Была расширена компетенция сельского суда, определено содержание сельских должностных лиц из общественных сумм, расширена административная власть окружных и участковых начальников¹⁰². Тогда же в сельских обществах была введена система круговой поруки.

¹⁰⁰ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. С. 52.

¹⁰¹ См. подробнее: Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 325-329.

¹⁰² Кобахидзе Е. И. От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С. 19.

Аппарат сельского управления состоял из старшины и его помощников, одного-двух писарей, казначея и пр. Сбором налогов занимались специально избираемые лица, которые отчитывались перед обществом о результатах своей деятельности. На сельском сходе решался довольно широкий круг вопросов: выборы должностных лиц сельской администрации; приговоры об удалении из общества «вредных» и «порочных» его членов или временное устранение от участия в сходах; назначение опекунов и попечителей; распоряжение общественными земельными угодьями; совещания и ходатайства об общественных нуждах аульного общества, о благоустройстве, призрении, обучении; принесение жалоб и просьб по делам аульного общества и избрание поверенных для хождения по этим делам; назначение сборов на общественные расходы; раскладка казенных, земских и общественных повинностей; проверка действий должностных лиц, избранных аульным обществом, назначение им жалованья или вознаграждения за службу; принятие мер к взысканию недоимок; назначение ссуд из аульных сумм; рассмотрение просьб об увольнении из общества для переселения на другое место или о принятии в общество новопоселенцев и пр.¹⁰³

В результате переустройства горская сельская община, по аналогии с крестьянским «миром» Центральной России, стала основным звеном в региональной системе налогообложения.

Таким образом, административная деятельность правительства наряду с некоторыми мероприятиями экономического характера вела к достижению главной цели внутренней российской политики на Кавказе пореформенных десятилетий — включение кавказской окраины в административную и хозяйственно-экономическую систему Российской империи.

Продолжением этой линии стало введение в 1896 г. в Терской области нового Городового положения, утверж-

¹⁰³ Там же. С. 20.

денного именованным указом 11 июня 1892 г.¹⁰⁴ В указе рекомендовалось вводить Положение постепенно, время его введения должен был определять министр внутренних дел, а «в местностях, подчиненных в порядке управления Военному министру», решение передавалось на усмотрение «сему последнему»¹⁰⁵. В историографии Городовое положение 1892 г. рассматривается в контексте городских контрреформ, поскольку новые правила ставили деятельность органов городского управления в зависимость от высшей администрации регионов — губернаторов или начальников областей. Но, тем не менее, Положение объективно сыграло значительную роль в развитии городского управления на Северном Кавказе и в частности во Владикавказе. Высокий имущественный ценз позволял пройти в избирательные собрания крупным торговцам и предпринимателям, которые были искренне озабочены судьбой города и много сделали для его хозяйственного и культурного развития в качестве гласных городской думы и управы.

Таким образом, к концу XIX в. в результате активных действий со стороны правительства и высшей кавказской администрации Осетия оказалась практически полностью интегрирована в административную систему Российской империи. Владикавказский округ являлся одной из множества административных единиц государства, а правовое положение его населения, в том числе и горского, в формальном отношении не отличалось от положения остального населения страны. В то же время отнесение округа, как и других округов Терской области, к Военному ведомству, определяло специфику административного управления, при которой и гражданское, и военное население подчинялось военно-административным властям. Существовавшие особенности в административно-правовом положении Осетии обуславливались общими уста-

¹⁰⁴ ПСЗ-III. Т. XII. №8708. С. 430-456.

¹⁰⁵ Там же. №8707. С. 430.

новками правительства к регулированию административно-правовой и хозяйственно-экономической жизни Северного Кавказа в целом. Здесь не была проведена земская реформа, на подавляющее большинство горского населения не распространялись основные положения судебной реформы, свою специфику имела и налоговая политика, и политика в области народного просвещения (о чем пойдет речь в следующих главах).

В то же время ломка всей системы прежних социально-экономических отношений и связанных с ними форм социальной организации в горской сельской общине, даже будучи крайне болезненными для местного населения, создала предпосылки для проникновения в сельскую среду капиталистических отношений, расширения товарного производства и внутреннего рынка. Буржуазные реформы второй половины XIX в., наряду с административными и судебными преобразованиями, заложили основы для динамичного экономического и социокультурного развития северокавказского региона.

На первый план в этих процессах выдвигаются города. Особенности правового статуса Владикавказа как административного центра Терской области обусловили его определяющее значение в распространении среди местных народов общегосударственных порядков.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЛАДИКАВКАЗА

Вторая половина XIX в. в истории России характеризуется нарастанием процессов капиталистического развития, которые распространяются не только вглубь, но и вширь, охватывая новые территории. Со временем в ускоренную капитализацию системы социально-экономических отношений втягивались и территории Северного Кавказа, прежде отсталой окраины Российской империи. Проведение здесь буржуазных реформ, хотя и со значительным отставанием по сравнению с центральными российскими губерниями, открыло путь для развития новых

форм хозяйствования и жизнеустройства, постепенно преобразовывая патриархальные общества в динамично развивающиеся системы. Проникновение в регион государственных порядков в политической и хозяйственно-экономической сфере неизбежно вовлекало местные народы в общероссийские процессы, ускоряло разложение традиционных основ их хозяйства и быта и создавало условия для появления новых социальных групп, сыгравших со временем значительную роль в социокультурном развитии Северного Кавказа.

Особую роль в социально-экономических преобразованиях в регионе сыграли города, по большей части преобразованные из военных укреплений и крепостей. Широкомасштабная градостроительная деятельность на Северном Кавказе была развернута в последней четверти XVIII — начале XIX в. после подписания Кючук-Кайнарджийский мирного договора (1774). Она была обусловлена прежде всего политико-стратегическими и экономическими интересами российского правительства. В последней четверти XVIII в. укреплялись и расширялись старые и возводились новые укрепления Азово-Моздокской линии, протянувшиеся от Екатеринодара до Азова — Кизляр, Моздок, Св. Дмитрия, Екатериноградское, Ставропольское, Александровское, Георгиевское, Павловское, Владикавказ и др. Уже к 1785 г. все укрепления составляли единое целое. Эти военно-административные пункты с начала своего возникновения являлись форпостами российской административной политики в регионе, интересуя империю как военные крепости, административные центры, где располагался судебный и административный аппарат, штаб-квартиры воинских частей, склады военных и продовольственных запасов¹⁰⁶. Укрепленные кордонные линии пересекали всю территорию Северного Кавказа от Терека до Кубани, появляясь как на равнине, так и в предгорной и горной зонах региона. В 1818-1823 гг. была возве-

¹⁰⁶ Ларина В. И. Указ. соч. С. 129.

дена Сунженская линия (по р. Сунжа) с крепостями Грозная, Внезапная и Бурная. В 1832 г. сооружается крепость Темир-Хан-Шура. В 30-60-х гг. выстраиваются укрепленные линии между Дагестаном и Кахетией и на Северо-Западном Кавказе вдоль Черноморского побережья¹⁰⁷.

Вскоре военные крепости становятся ключевыми административными пунктами на Кавказской линии. В условиях административного и экономического освоения Северного Кавказа Российской империей строительство городов играло особую роль в осуществлении кавказской политики российского правительства: города становились средоточием административной власти и культурно-хозяйственной деятельности, что в значительной степени способствовало развитию производительных сил края, втягиванию его в российскую экономику, формированию местных рынков сырья и сбыта. К русским военным укреплениям тяготело и окружающее горское население, которое нередко обращалось к комендантам крепостей, как представителям местной власти, для разрешения сложных вопросов, в том числе государственного значения¹⁰⁸.

Как административные и культурно-образовательные центры, города Северного Кавказа выполняли важную и одновременно специфическую функцию посредничества между местным горским населением и Российской империей: горцы охотно селились как вблизи новых укрепленных пунктов, так и внутри них, привлеченные возможностями сбыта сельскохозяйственной и ремесленной продукции и перспективами развития хозяйственной деятельности. Полиэтнические по своему составу, северокавказские города являлись также центрами межкультурной коммуникации и культурного обмена. Со дня своего основания северокавказские города «представляя собой весь»

¹⁰⁷ Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе. С. 366-367.

¹⁰⁸ Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (конец XVIII-XIX в.) // Этнографическое обозрение. 2003. №5. С. 123-134.

ма сложные социально-экономические организмы, сложившиеся в специфических геополитических условиях... являли собой своеобразные полиэтничные и поликультурные конгломераты народов Северного Кавказа, Закавказья и Центральной России»¹⁰⁹.

После образования Кубанской и Терской областей (1860) многие северокавказские крепости утратили былое назначение. Часть из них в мирных условиях была «обращена» в станицы, а часть ликвидирована. Но крепость Владикавказ, ставшая административным центром Терской области, в это время приобрела особую значимость.

Владикавказ изначально являлся главным пунктом Военно-Грузинской дороги, и со временем роль крепости как административного центра на Центральном Кавказе неуклонно повышалась. Здесь возводились новые постройки, усложнялась социальная и хозяйственная инфраструктура. Важную роль в формировании социокультурного облика Владикавказа играли семейные офицеры, здесь «укреплялась христианская вера, началось просвещение детей, решались вопросы снабжения продовольствием, строительства»¹¹⁰. Уже к 50-м годам Владикавказская крепость сделалась «основным и главным пунктом прочного владычества России на Кавказе»¹¹¹, а близившееся окончание Кавказской войны открывало перспективы для мирного развития края, центром которого, по мысли наместника А. И. Барятинского, должен был стать город Владикавказ.

Обращаясь к председателю Кавказского комитета с просьбой ходатайствовать перед императором о преобразовании Владикавказской крепости в город, наместник так характеризовал его состояние: «По мере успехов нашего оружия, в кр. Владикавказе начала быстро разви-

¹⁰⁹ Туаева Б. В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ, 2013. С. 34.

¹¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹¹ АКАК. Т. XII. С. 1185.

ваться торговля, привлекая туда, как из Закавказского края, так и из внутренних губерний России, разного звания промышленных людей. Находя для себя выгоды свободной торговли, они стали обзаводиться в крепости оседлостью, строя там дома, лавки, заводы и другие промышленные заведения. Из прилагаемого при сем краткого статистического описания в. с. изволите усмотреть, что к 1-му января текущего года (1859. — Авт.) население Владикавказа простиралось до 2,642-х д. обоего пола, кроме расположенных там войск, число которых доходит до 4-х т. чел. Домов в Владикавказе находится каменных и деревянных 558. Принадлежащих разным торговцам лавок 165. Церквей 6, из них 4 православных, 1 Армяно-Григорианская и 1 Римско-Католическая. Хозяйственно-промышленных заведений 64. Постоянно- и временно-живущих ремесленников в крепости 229, кроме извозчиков и чернорабочих, число которых простирается до 190 чел. Учебных заведений 3, как-то: духовное Осетинское училище, школа солдатских сыновей и Елизаветинское училище для дочерей нижних воинских чинов. Производимая в Владикавказе торговля преимущественно заключается в бумажных и шелковых материях, сукнах, металлических изделиях, галантерейных вещах, сахаре, чае, кофе, заграничных капиталах и проч. За исключением табаку, фруктов и Кахетинского вина, привозимого из Тифлиса, остальные товары закупаются на Нижегородской ярмарке, доставляются в Владикавказ и оттуда сбываются в ближайшие укрепления. Заготовление и доставка для войск провианта, перевозка артиллерийских снарядов, доставка комиссариатских вещей также относятся к коммерческим оборотам Владикавказа. Весь оборотный торговый капитал этой крепости простирается, по показанию купцов, до 800 т. р. с. В числе 76-ти торговцев только 18 считается Русских, остальные суть Армяне или Грузины»¹¹².

¹¹² Там же. С. 1185-1187.

Особое значение наместник придавал укреплению в регионе государственных начал, что, по его мнению, было неизбежным следствием преобразования Владикавказской крепости в город: «Обращая внимание на географическое положение этой крепости и происходящее там движение торговой деятельности, нельзя не видеть, что Владикавказ, прежде служивший нам чрезвычайно важным пунктом в стратегическом отношении, отныне должен выполнять другое, не менее важное, назначение по водворению между покорными нам горцами начал мирной гражданской жизни». Более того, поскольку Владикавказ был окружен множеством осетинских и ингушских обществ, «учреждение» в нем «правильного торгового рынка» должно было стимулировать местную торговлю и наглядно продемонстрировать горцам «преимущества мирной жизни», с которой, как полагал наместник, неразрывно связывалось их дальнейшее «гражданское воспитание»¹¹³.

31 марта 1860 г. вышел именной указ кавказскому наместнику¹¹⁴, где говорилось: «В видах развития на Кавказе торговли и промышленности и водворения начал мирной гражданской жизни между покорными горскими племенами, признав полезным, согласно представлению Нашего Наместника Кавказского, обратить находящуюся на военно-Грузинской дороге из России в Закавказье, впереди главного хребта Кавказских гор, крепость Владикавказ с прилегающим к ней крепостным форшадтом в город, и даровав разные льготы и преимущества лицам, желающим водвориться в сем городе, Мы утвердили, составленные Наместником и рассмотренные в Кавказском Комитете, Положение об управлении городом Владикавказом и штат сего управления». Положение утверждало общие принципы городского управления, порядок вступления в число

¹¹³ Кобахидзе Е. И., Дзотцоева А. А. К истории учреждения Владикавказского городского суда // Современные проблемы гуманитарной науки: Материалы Итоговой научной сессии. Владикавказ, 2014. С. 143-148.

¹¹⁴ ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648. С. 351-352.

городских обывателей и источники формирования городской казны¹¹⁵.

Изменение статуса Владикавказа повлекло за собой целый ряд важных последствий, определивших судьбу города и повлиявших на формирование новой урбанистической культуры, ставшей феноменом социальной жизни пореформенного Северного Кавказа¹¹⁶.

После образования Терской области город Владикавказ становится областным центром (1863), где концентрируются административные, экономические и военные аспекты управления. Повышение статуса города еще более оживило его хозяйственную и культурную жизнь и определило лидирующие позиции Владикавказа не только в политической, но также торгово-промышленной и культурно-образовательной сферах во всем северокавказском регионе.

Положение Владикавказа на пути из России в Закавказье изначально обусловило его значение как торгового центра, привлекающего купцов из разных районов России, Кавказа и Закавказья. Еще в 40-х гг. XIX в. владикавказское купечество было объединено в три общества: русское, грузинское, армянское. Наиболее представительным являлось русское общество, которое сосредоточило в своих руках всю торговлю в крепости и Владикавказском округе. Армянское и грузинское общества торговали «красным и бакалейными товарами» в самой крепости. Отсутствие конкуренции вело к быстрому накоплению купеческого капитала. По замечанию коменданта Владикавказской крепости, начав торговлю 15 лет назад (т.е. с середины 30-х гг. XIX в.) с 300 руб., многие владикавказские купцы к концу 40-х гг. имели оборот в 20 тыс. руб.¹¹⁷

¹¹⁵ Там же. С. 352-359.

¹¹⁶ Туаева Б.В. Город в урбанизационных процессах в России (XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 57-70.

¹¹⁷ Ларина В.И. Указ. соч. С. 109.

В растущем городе увеличиваются не только торговые обороты купечества — здесь возрастает количество промышленных предприятий: заводов, фабрик, мастерских, более разнообразными становятся ремесла. Вместе с этим расширяется городская территория, преобразуется внешний вид Владикавказа.

Первые производства в городе были ориентированы на переработку сельскохозяйственной продукции. Маслобойные, винокуренные, пивоваренные, свечные и кирпичные заводы, мельницы и прочие мелкие производства являлись предприятиями ремесленного типа. Современник отмечал, что, несмотря на свою юность, Владикавказ «обзаводится необходимыми в настоящее время фабриками и заводами»¹¹⁸. Среди них назывались винокуренно-пивоваренный и кожевенный заводы Корганова (1867), маслобойный завод Федорова (1870), хлопчатобумажные фабрики Петрова и Карелина, воскопробойный и медоспускательный завод Токарева, воскобелительный и свечный завод Алехина, мыльно-свечный Егунова, 80 кирпично-черепичных и 3 известковых завода, где трудилось до 1200 рабочих и служащих. По мнению автора заметки, все эти предприятия благотворно влияли на развитие экономики и улучшение жизненных условий местного населения, поскольку их деятельность вела к увеличению посевов и доходности земель, а также к росту заинтересованности местного населения в развитии ряда сельскохозяйственных отраслей (например, пчеловодства).

В 1874 г. во Владикавказском округе насчитывалось 194 предприятия (в том числе полукустарные мастерские), большая часть которых (более 100) занималась производством кирпича и черепицы, остальные специализировались на переработке сельскохозяйственной продукции¹¹⁹.

¹¹⁸ Терские ведомости. Неофициальная часть. 1870.

¹¹⁹ Там же. 1875.

На всех этих производствах было занято не менее 1000 человек, а сумма производства достигала 424807 руб.¹²⁰

Количественный рост мелких городских предприятий шел параллельно с процессом укрупнения уже существующих, особенно в сфере производства кирпича. Эта отрасль стала традиционной для развивающейся городской промышленности. В середине 80-х гг. в одном только Владикавказе действовало до 35 кирпично-черепичных производств, где работало от 380 до 525 человек и продукция которых ежегодно составляла от 180 до 300 тыс. рублей¹²¹. Одним из их числа стал новый машинный кирпичный завод барона Л. В. Штейнгеля, возникший в 1880 г. на современной основе. Вскорости появляется еще один гигант — завод В. И. Грозмани. Мощность одного завода Штейнгеля при 80 занятых рабочих позволила в одном только 1898 г. дать продукции на 42250 руб. — т.е. половину того, что давали все мелкие кирпичные заводы. Еще более крупным производством являлась табачная фабрика Вахтангова — к концу XIX в. здесь работало 110 человек, а годовая продукция составляла 130 тыс. руб. Не менее доходным было и мукомольное производство — ряд крупных мельниц Владикавказа (Щербинина, Лазарева, Проханова, Ходякова) в год производили продукции на сумму от 60 до 110 тыс. руб. с 10-15 занятыми рабочими¹²². Гигантом в своей области был и винокуренный завод Г. Сараджева с годовым объемом производства в 129520 руб., где трудилось 72 человека.¹²³

Среди предприятий, работающих на паевых началах, выделялся Свято-Троицкий винокуренный завод, открытый еще в 1867 г. и принадлежавший Карганову, Кетхузову и Таирову. Тогда на нем работало до 120 человек, преимущественно осетин, а оборот завода достигал 180

¹²⁰ Там же.

¹²¹ История Владикавказа (1781-1999 гг.): Сборник документов и материалов. Владикавказ, 1991. С. 101.

¹²² Статистический ежегодник // Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900. Вып. 10. С. 103-104.

¹²³ Там же. С. 99.

тыс. руб. в год. Заводское хозяйство включало пивоварню, мельницу, кузницу, слесарню, заведение для изготовления медных винокурных аппаратов, кожевенный завод и солодовню и, кроме того, здесь же откармливался скот и находилась бойня. Годовая производительность завода в среднем составляла 120 тыс. ведер водки, на что уходило столько же кукурузы, ржи и сухого ячменя¹²⁴.

Наряду с крупными предприятиями в городе действовало множество небольших производств со скромными годовыми оборотами от нескольких сотен до двух-трех тысяч рублей. На них бывало занято менее 10 рабочих, а на свечном заводе Токарева и фабрике искусственных минеральных вод Левандовского — всего по одному.

Процессы капитализации производства и поглощения мелких заводов и полукустарных мастерских крупными сказывались на общей их численности. Так, к 1893 г. число промышленных предприятий по сравнению с 1874 г. сократилось почти втрое, но совокупный объем производства 66 промышленных предприятий Владикавказа вырос в три раза, достигнув 1 млн 300 тыс. руб. Через несколько лет, к концу XIX в., число предприятий в городе возросло до 125, а количество занятых на них рабочих увеличилось до полутора тысяч¹²⁵. Высокий спрос на новые строительные материалы (кирпич и черепицу) в самом Владикавказе и во Владикавказском округе обусловил значительное развитие кирпичного производства, показатели которого вывели город и округ на первое место в Терской области: к 1900 г. в самом городе насчитывалось 69 кирпичных заводов (вдвое больше по сравнению с серединой 80-х гг.) и 64 — в округе¹²⁶. Представление о развитии производственных предприятий дают данные, приведенные в таблице 1.

¹²⁴ Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе. С. 311-312.

¹²⁵ Статистический ежегодник // Терский календарь на 1901 год. С. 82.

¹²⁶ Там же.

Таблица 1

Развитие производства во Владикавказском округе
и г. Владикавказе в 1893-1900 гг.

Заводы	г. Владикавказ			Владикавказский округ		
	1893	1897	1900	1893	1897	1900
Салотопенные и свечные	1	—	6	—	—	—
Кирпичные и черепичные	39	45	69	38	57	64
Кожевенные	6	2	6	—	—	—
Винокуренные и водочные	4	2	1	1	—	—
Пиво- и медоваренные	3	5	5	—	—	—
Мыловаренные	—	6	3	—	—	—
Маслобойные	—	1	3	2	—	—
Гончарные	2	4	4	—	—	—
Колесные	—	—	13	—	3	—
Известковые	—	1	4	10	21	11
Лесопильные	1	2	1	—	5	4
Веревочные	—	—	—	—	—	—
Мельницы	12	14	9	615	1198	1225
Другие заводы	6	11	1	1	2	2
Всего	74	93	125	667	1286	1306
Сумма производства всех заводов в руб.	778201	861700	1047262	185631	27561	202399

Примечание: Таблица составлена на основании сведений, приведенных в статистических ежегодниках Кавказских календарей за указанные в таблице годы.

Кирпично-черепичные заводы и мастерские обеспечивали запросы обычных горожан и местной администрации в добротных, современных жилых и общественных зданиях. Еще Положением об управлении Владикавказом 1860 г. предписывалось учредить ряд особых должностей из состава городского управления — архитектора, врача и стряпчего. Им отводились совершенно особые функции по надзору за устройством городской

жизни. Наиболее важной являлась должность архитектора, кандидатура которого утверждалась самим кавказским наместником¹²⁷. Первым городским архитектором стал Б. В. Мокроусов¹²⁸.

Чтобы стимулировать развитие городской инфраструктуры и как можно скорее придать бывшей крепости городской облик, в Положение был включен ряд статей, оговаривающих обязанности и льготы для желающих приписаться к числу городских обывателей. К примеру, лицам, переходящим на жительство во Владикавказ, вменялось в обязанность в трехлетний срок «устраивать там дома, магазины, лавки и прочие хозяйственные заведения» стоимостью не менее 3 тыс. руб. серебром — для купцов первой гильдии, 1,5 тыс. руб. — для купцов второй гильдии, 500 руб. — для купцов третьей гильдии и 250 руб. — для мещан¹²⁹. В качестве залога в обеспечение казенных подрядов и поставок на нужды Кавказского и Закавказского края принимались только каменные строения (жилые дома, магазины и лавки), крытые железом, цинком или черепицей¹³⁰. Все дома владикавказских жителей в течение двадцати лет освобождались как от воинского постоя, так и от квартирного денежного сбора, предназначенного на эти цели. В то же время, если горожанин, который обзавелся во Владикавказе недвижимостью, пожелал бы продать или уступить ее другому лицу в течение этого льготного периода, ему полагалось вновь отстроиться в течение трех лет на основаниях, о которых говорилось выше¹³¹.

Правила о порядке приписки к городам были унифицированы для всех российских городов городовым положением, введенным еще Екатериной II 21 апреля 1785 г.¹³²

¹²⁷ ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648. С. 355.

¹²⁸ Сборник сведений Терской области. Вып. 1. С. 63.

¹²⁹ ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648. С. 357.

¹³⁰ Там же. С. 358.

¹³¹ Там же. С. 358-359.

¹³² См.: ПСЗ-I. Т. XXII. №16194. С. 388-392.

Однако в Положении об управлении городом Владикавказом 1860 г. содержался ряд оговорок относительно порядка приписки к городу. Так, вступить в городское сословие могли все желающие, «не исключая и лиц из горских племен», если к тому не было законных препятствий (неуплата казенных податей и сборов, состояние под следствием или судом, исключение из гильдии или общества общественными приговорами и пр.). Желающие приписаться к Владикавказу должны были представить документы, свидетельствующие об отсутствии причин, препятствующих к поселению во Владикавказе¹³³.

После введения во Владикавказе с 1 января 1875 г. Городового положения от 16 июня 1870 г. порядок приписки к городу регламентировался особыми указаниями, по сути повторяющими соответствующие пункты Положения об управлении городом Владикавказом 1860 г. Городскими обывателями числились «1) все те, кои в городе или старожилы, или родились, или поселились; 2) лица, имеющие в городе дома или иное строение, или место, или землю; 3) записанные в гильдии или в цехи; 4) те, которые отправляли службу городскую, или записаны в мещанство... Под именем городских обывателей *в особенности* (выделено в документе. — *Авт.*) разумеются лица, причисляемые законом к среднему роду людей...к состоянию городских обывателей, под общим названием граждан, принадлежат: 1) почетные граждане; 2) купцы; 3) мещане или посадские; 4) ремесленники или цеховые...»¹³⁴

Немаловажное значение придавалось и благоустройству владикавказских дорог. Согласно специальному указу от 10 декабря 1861 г. всем промышленникам, приезжающим во Владикавказ с товарами, предписывалось привозить с собой по одному возу булыжного камня,

¹³³ ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648. С. 356-357.

¹³⁴ Свод законов Российской империи. СПб., 1899. Т. IX. Свод законов о состояниях. Кн. 1. Разд. 3. Ст. 502-503. С. 59.

предназначенного для вымостки городских улиц. В результате уже к 1864 г. все главные улицы Владикавказа были вымощены булыжником¹³⁵.

Благодаря мерам, предпринятым за годы, прошедшие с момента преобразования крепости в город, Владикавказ приобретал все более современный облик. Уже в 1867 г. в городе насчитывалось 25 улиц, и местная печать обращала внимание на существенные изменения во внешнем виде города: «...где прежде были одни часто лубком и соломой крытые лачуги или оставались совершенно незастроенные участки, теперь красуются весьма ценные и видные здания»¹³⁶. К январю 1876 г. железо и черепица практически вытеснили саман и солому¹³⁷. Росло и количество каменных и кирпичных строений, причем не только общественного, но и сугубо жилого назначения. Новые здания строила городская верхушка — дворяне, крупные чиновники, состоятельные мещане, купцы и предприниматели. В середине 70-х гг. среди почти 2 тыс. городских зданий 27% (460) составляли постройки из камня и кирпича¹³⁸, через 10 лет удельный вес каменных и кирпичных строений вырос до 34% (894 здания)¹³⁹. Нередко старые постройки из самана сносились либо перестраивались, обкладывались камнем или кирпичом, что облагораживало общий вид улиц.

Немалое значение придавалось внешнему виду и вновь возводимых сооружений. К их проектированию привлекались местные, российские и иностранные архитекторы: Томашевский, П. П. Шмидт, Е. И. Дескубес, И. В. Рябикин, В. В. Грозмани, С. Уптон¹⁴⁰, отстроившие крупные обще-

¹³⁵ Ларина В. И. Указ. соч. С. 149.

¹³⁶ Цит. по: Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002. С. 80.

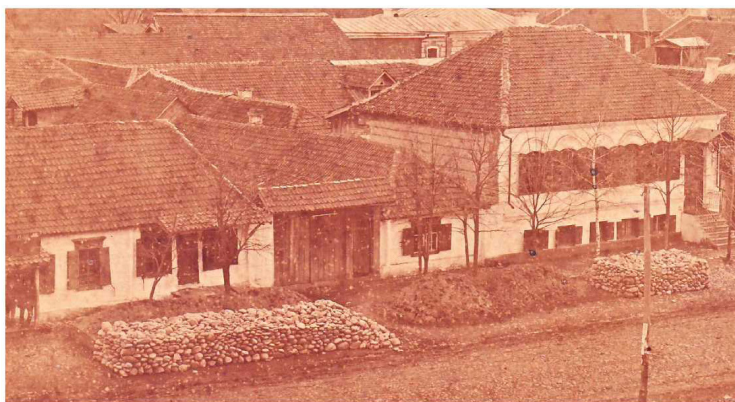
¹³⁷ Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. С. 60-66.

¹³⁸ Там же. С. 62.

¹³⁹ История Владикавказа. С. 95.

¹⁴⁰ См.: Хмелева Л. Архитекторы Владикавказа: Самуил Уптон [электронный ресурс]. URL: <http://osradio.ru/personi/53100-arkhitektory-vladikavkaza-samuil-upton.html>

ственные и частные дома во Владикавказе. Эти постройки стали знаковыми в формировании архитектурно-художественного облика города. Среди них — дворец начальника Терской области (1865), первый на Северном Кавказе городской театр (1869), Ольгинская женская гимназия (ок. 1875), духовное училище (1876), здание Общественного собрания, пивоваренный завод братьев Прохаско, Кадетский корпус, женская прогимназия и епархиальное женское училище и др. Замечательным по своему архитектурно-художественному облику был дворец барона Штейнгеля (1892), для возведения которого приглашался итальянский архитектор и который считался одним из красивейших зданий во всей Терской области¹⁴¹.

Владикавказские дома, крытые черепицей и железом

Кроме того, власти города тщательно следили за тем, чтобы новые дома возводились в соответствии с разработанными архитектурно-строительными планами характерной для Владикавказа линейной застройки и ссылались на 114 статью Городового положения от 16 июня 1870 г., в соответствии с которой городские управы получали право утверждения планов и фасадов частных зданий, выдачи разрешений на перестройку и наблюдения

¹⁴¹ См. подробнее: Канукова З. В. Указ. соч. С. 80-81.

Владикавказ. Городской театр

за «правильным исполнением построек»¹⁴². Владикавказская городская дума издавала целый ряд «постановлений по строительной части», руководствуясь правилами Строительного устава. Одним из таких документов стало постановление Владикавказской городской управы от 23 июня 1884 г. об устройстве в городе тротуаров. Приведем его фрагмент:

«1. Перед всеми домами в городе обязательно устроить тротуары в срок: для 1-го разряда улиц — 1 год, для 2-го разряда — 2 года и 3-го разряда — 3 года.

2. Тротуары делать шириной согласно указанию управы...

3. Воспрещается устройство крылец и сходов с тротуаров в дома.

4. При пересечении улицы с мостовой тротуар не должен оканчиваться ступенями, а скатом к пересекаемой улице...»¹⁴³

¹⁴² ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. С. 833.

¹⁴³ История Владикавказа. С. 95.

Владикавказ. Общественное собрание

Сами же городские здания должны были возводиться только на основании Высочайше утвержденного плана¹⁴⁴. В результате действия официальных постановлений уже в начале нового столетия 43,5% из 103 улиц и переулков Владикавказа имели вымостку и тротуары из лещадного камня, асфальта, кирпича и булыжника¹⁴⁵.

Не менее востребованным, чем кирпично-черепичное, в городе стало и колесное производство, которым занималось 13 владикавказских предприятий. Что касается Владикавказского округа, то здесь значительную прибыль приносили известковые заводы (11), лесопильни (4) и множество мукомольных предприятий (1225)¹⁴⁶. В целом же по степени развития промышленного производства и, соответственно, числу предприятий (1306 в начале XX в.) Владикавказский округ заметно опережал другие округа Терской области. Все это превращало саму область и город

¹⁴⁴ Канукова З. В. Указ. соч. С. 81-82.

¹⁴⁵ Терский календарь на 1905 г. Владикавказ, 1904. Вып. 14. С. 98-99.

¹⁴⁶ Обзор Терской области за 1899 год // Терский календарь на 1901 год. Статистический ежегодник. С. 82.

Владикавказ в ведущий центр промышленного производства в регионе.

Почти все производственные предприятия Владикавказа (кирпичные, кожевенные, табачные, пивоваренные и др.) принадлежали местному купечеству или выходцам из местного горского населения.

Быстрыми темпами во Владикавказе развивалась и торговля. Уже в 1864 г. внутренний торговый оборот города превысил 100 тыс. руб. сер., а городская торговля велась в 150 лавках, 20 магазинах, на ежедневных базарах и ярмарках¹⁴⁷. Через 30 лет во Владикавказе насчитывалось уже 893 торговых заведения с совокупным торговым оборотом 4 млн 155 тыс. 417 руб.¹⁴⁸, а в 1900 г. торговый оборот составлял 7 млн руб.¹⁴⁹ Действующие владикавказские ярмарки (Константиновская и Михайловская) давали годовой оборот как минимум в 42 тыс. руб.¹⁵⁰ Впрочем, доходность ярмарок не была постоянной, и годы подъема сменялись годами упадка. К примеру, если в начале 70-х гг. одна лишь Константиновская ярмарка имела 80 тыс. руб. годового оборота, а в 1876 г. оборот обеих ярмарок превышал 140 тыс. руб., то к 1890 г. он упал до прежних 42 тыс. руб.¹⁵¹ Торговые обороты ярмарок существенно дополнялись доходами, которые приносили обычные владикавказские базары — ценность годового привоза «разного рода продуктов» превышала 1 млн руб.¹⁵²

Дополнительный импульс к социально-экономическому развитию Владикавказа придало строительство железных дорог, связавших Закавказье с центром России, о чем ходатайствовал перед императором кавказский на-

¹⁴⁷ Ларина В. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁴⁸ Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 90.

¹⁴⁹ Обзор Терской области за 1899 год // Терский календарь на 1901 год. Статистический ежегодник. С. 85.

¹⁵⁰ Терский календарь на 1895 год. С. 317.

¹⁵¹ Терский календарь на 1891 год. Отд. III. С. 169.

¹⁵² История Владикавказа. С. 108.

местник Михаил Николаевич¹⁵³. В апреле 1875 г. началось сооружение Тифлисо-Бакинской и Владикавказо-Петровской линий и продолжились изыскания для составления окончательного проекта железной дороги от Ростово-Владикавказской линии к Тифлису через Кавказский хребет. И хотя политические осложнения в т.н. «восточном вопросе» приостановили проектную деятельность, железнодорожная магистраль протяженностью 720 верст, связавшая Владикавказ с Ростовом-на-Дону, а через него — с центром России, была все же закончена.

Владикавказский базар

Движение по новой ветке началось 13 августа 1875 г., и этот факт предопределил будущее Владикавказа, занявшего выгодные торгово-экономические позиции в семье других кавказских городов. В течение 80-90-х гг. были проложены новые железнодорожные линии, соединившие Владикавказ с Екатеринодаром и Петровском, на чем настаивал еще наместник Михаил Николаевич¹⁵⁴, — Тихорецкая-Екатеринодар, Екатеринодар-Новороссийск, Беслан-Петровск. В докладе Владикавказской город-

¹⁵³ Главнейшие мероприятия по устройству Кавказского края. Тифлис, 1878. С. 6.

¹⁵⁴ Там же. С. 7.

ской управы об экономическом и культурном состоянии г. Владикавказа от 24 октября 1889 г. особо подчеркивалось, что с проведением этой дороги за Владикавказом «окончательно упрочится то место, которое отведено ему самой природой. Находясь у подножия Главного Кавказского хребта, — говорилось в отчете, — Владикавказ служит естественным и ближайшим рынком как для сбыта произведений горцев: сукон, сыров, пушного товара, овчин, горского овса и других, так и для приобретения необходимых предметов. Кроме того, Владикавказские базары и рынки снабжают Тионетский уезд Тифлисской губернии и сам Тифлис, а также часть Кутаисской губернии зерновым хлебом, горским сукном, бурками, рогатым скотом, лошадьми и вообще азиатскими изделиями. Владикавказ же отправляет по железной дороге в Ростов громадное количество кукурузы, пшеницы. Для примера, одной лишь фирмой Цоцхомова по официальным данным с ноября 1887 по апрель 1888 г. отправлено 637 вагонов: фруктов, овощей и других произведений своего хозяйства, а на Харьковскую, Полтавскую и Нижегородскую ярмарки: кожи, овчины, меха, воск и т.п.»¹⁵⁵. Помимо чисто экономических выгод, которые получил Владикавказ в связи с проложением железных дорог, значительно улучшилось и информационное обеспечение города — теперь столичные газеты и журналы стали приходить сюда уже на пятые сутки.

Во многом благодаря новым путям сообщения ликвидировалась прежняя экономическая и культурная замкнутость региона, а сами транспортные артерии становились одним из мощных факторов преобразований, происходящих в русле российской политики интеграции Северного Кавказа в государственную систему хозяйственно-экономических и социокультурных отношений¹⁵⁶.

¹⁵⁵ История Владикавказа. С. 108.

¹⁵⁶ Туаева Б. В. Город и городские сословия Северного Кавказа... С. 80.

Интенсификация производства сопровождалась товаризацией хозяйства: увеличивались посевные площади, на первый план выходили высокотоварные сельскохозяйственные, в том числе технические, культуры — кукуруза, лен, табак, конопля. Местная сельхозпродукция была востребована как на внутреннем региональном и российском рынке, так и за рубежом. Под технические культуры отводились все новые земельные площади, а сама земля заметно дорожала. Новые условия ведения хозяйства повлияли на арендную плату. В 1870-х гг. арендная плата одной десятины земли стоимостью в 9 руб. составляла 5-10 руб., а к концу столетия увеличилась до 15-30 руб.¹⁵⁷ Все эти обстоятельства отражались на положении горского крестьянства, в среде которого нарастали процессы социально-экономической дифференциации и разложения натурального хозяйства.

Новые социально-экономические условия, в которых оказались горцы, требовали денег: на уплату аренды земли, подымной и поземельной подати, мирских и земских повинностей, покупку необходимых в быту предметов и т.п. Проникновение товарно-денежных отношений в осетинское село вело к углублению имущественной дифференциации, и наряду с отдельными обеспеченными семьями появился целый слой беднейших крестьян, не имевших хозяйственных возможностей обрабатывать свои наделные участки. В поисках заработка многие из них отправлялись в города или даже за пределы края — на фабрики, заводы, нефтяные и рудные разработки, а чаще шли в казачьи станицы в качестве сезонных сельскохозяйственных рабочих. Так возник характерный для пореформенного периода социальный феномен отходничества, обусловленный процессами расслоения горского крестьянства. Как отмечают исследователи, «осетин можно было встретить повсюду: в Париже — в качестве искусных наездников; в Харбине во время русско-японской войны — в качестве рестораторов, офи-

¹⁵⁷ Ларина В. И. Указ. соч. С. 170.

циантов, подрядчиков; в России и в Закавказье они служили помощниками управляющих, приказчиками, мелкими торговцами, а чаще стражниками»¹⁵⁸. Часть отходников отправлялась даже за рубеж — в Европу, Америку, Канаду. Средства, добываемые отходниками на стороне, были существенным подспорьем в хозяйстве семьи. Вместе с тем, сами отходники, выполняя посредническую роль в межкультурной коммуникации, несли с собой новый социальный опыт, расширяли представления своих односельчан об окружающем их мире, переносили на местную почву новые хозяйственные и культурные образцы и иные представления об окружающей действительности.

Постепенно отдельные элементы городского образа жизни проникали и в сельский быт. Со временем в осетинских селах не редкостью стали дома, крытые черепицей, с крашеными деревянными полами, обставленные мебелью в европейском стиле. И уже к концу 90-х гг. XIX в. традиционная самобытность стала восприниматься как нечто отсталое, не соответствующее требованиям современной жизни. Таким образом, отходничество и усиливающееся влияние города заметно сказывались не только на устройстве быта, но и на мировоззрении осетинского крестьянства. «Отход в город, — пишет Е. И. Мельниченко, — повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях»¹⁵⁹.

Итак, в ходе проведения буржуазных реформ население Осетии все активнее втягивалось в водоворот новой хозяйственно-экономической деятельности, в сферу капиталистических отношений. Развитие городской и местной промышленности, подъем сельскохозяйственного производства и его связь с рынком, расширение географии внутреннего рынка за счет железнодорожных путей

¹⁵⁸ Там же. С. 171.

¹⁵⁹ Мельниченко Е. Х. Развитие русско-осетинских культурных связей во второй половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1984. С. 34.

сообщения создали условия для общего экономического подъема Владикавказского округа и в целом Терской области в пореформенные десятилетия.

Наиболее ощутимые подвижки происходили в городах и, в особенности, в городе Владикавказе как самом крупном городском поселении Терской области и наиболее динамично развивающемся производственном центре. Уже к концу XIX в. окончательно сформировался хозяйственно-культурный облик Владикавказа как города торговли и промышленности ремесленного типа. Именно здесь сосредоточилась основная масса местных производителей и торговцев, принадлежавших главным образом к городским сословиям ремесленников, мещан и купцов.

СОСЛОВИЯ РЕМЕСЛЕННИКОВ, МЕЩАН И КУПЦОВ КАК ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ГОРОДСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

Изменения в хозяйственно-экономической жизни пореформенной Осетии привели и к существенным подвижкам в социальной структуре ее населения. Одновременно с углублением имущественной дифференциации в осетинской среде стали появляться новые социальные группы: городская буржуазия, рабочие, ремесленники, чиновники низшего и среднего звена. Их появление во многом определялось углублением специализации труда в условиях города и быстрым развитием городской хозяйственной, производственной и административной инфраструктуры. Интенсивнее всего эти процессы протекали в городе Владикавказе как ведущем центре урбанизации в Терской области.

В пореформенные десятилетия во Владикавказе сложилась развитая сословная структура, характеризующая городское население России. Исследователи сословного общества Российской империи появление сословий связывают с рядом обстоятельств: прежде всего, для этого необходимо государственное оформление регламентации занятий, обязанностей и прав населения;

выход из сословия и вхождение в него запрещается или обставляется целым рядом условий; упрочение сословного статуса достигается путем его наследования¹⁶⁰. Исходя из указанных условий, начало формирования городских сословий Владикавказа можно отнести ко времени преобразования крепости в город и принятия в 1860 г. Положения об управлении городом Владикавказом, ряд статей которого касался порядка вступления в купеческое и мещанское сословие как основных категорий городских обывателей¹⁶¹.

Ранее всего в городе оформилось сословие ремесленников. Ко времени преобразования крепости Владикавказ в город в ней проживало 229 человек, занимающихся ремеслом¹⁶². Уже в ноябре 1864 г. ремесленники Владикавказа подали прошение на имя начальника Терской области об организации ремесленного управления. 16 апреля 1865 г. департамент общих дел удовлетворил прошение, разрешив открыть в городе ремесленное управление с упрощенной организацией: городские ремесленники, занимавшиеся разными промыслами, могли не объединяться в отдельные цехи, а составлять единое ремесленное сословие во главе с управой¹⁶³. Вскоре, 9 августа, был избран состав ремесленной управы во главе со старшиной, купцом Фортунатосом Вейле¹⁶⁴.

Организация ремесленного сословия во Владикавказе начала 60-х гг. XIX в. соответствовала общероссийскому законодательству, по которому упрощенное ремесленное управление вводилось в малых городах, посадах и местечках, где ремесленники могли не делиться

¹⁶⁰ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М., 2009. С. 8-9.

¹⁶¹ ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648. С. 359.

¹⁶² Отношение ген.-адъют. кн. Барятинского председателю Кавказского Комитета, от 4-го ноября 1859 г. // АКАК. Т. XII. С. 1186.

¹⁶³ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 432. Л. 5об.

¹⁶⁴ Ларина В. И. Указ. соч. С. 143.

на цехи, а, составляя особое сословие, иметь одну общую ремесленную управу и созывать ремесленный сход. Цеховая же организация (в полном объеме или в упрощенном виде) вводилась лишь в тех городах, где число ремесленников достигало сколько-нибудь значительной величины¹⁶⁵.

В то же время правительство подумывало об упразднении ремесленного сословия, представленного вечно-цеховыми (причисление к этому разряду означало принадлежность к ремесленному сословию), существующего отдельно от мещан. Еще в 1870 г. указом, введившим новое Городовое положение, министру внутренних дел предоставлялось право войти в Государственный совет с представлением «об упразднении существующего ныне отдельного ремесленного сословия»¹⁶⁶. Но этого не произошло, и ремесленная цеховая организация продолжала существовать в губерниях Европейской России, на Кавказе, в Закавказье и в Сибири. К концу XIX в. полное ремесленное управление все еще сохранялось в 87 российских городах, где было значительное число ремесленников — от 30-40 тысяч (в Петербурге и Москве) до пяти с лишним тысяч — в Киеве, Нижнем Новгороде и Астрахани¹⁶⁷. Полное цеховое устройство с 1876 г. было введено и во Владикавказе¹⁶⁸. В источниках отмечено, что в 1910 г. во Владикавказе еще действовало полное ремесленное управление¹⁶⁹.

Причисление к ремесленному цеху обеспечивало права мещанства: ремесленники, как и мещане, относясь к непривилегированному сословию, платили подати и налоги, несли различные повинности (в т.ч. рекрутскую и по сословной службе), имели соответствующие имущественные права и т.п.¹⁷⁰ В городах, где существовало полное ремесленное управление, действовали ремесленные сходы

¹⁶⁵ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 479-480.

¹⁶⁶ ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. С. 822.

¹⁶⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 481.

¹⁶⁸ Туаева Б. В. Указ. соч. С. 149.

¹⁶⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 489.

¹⁷⁰ Там же. С. 484-485.

(общие и по цехам), ремесленная управа, а также цеховые управы. Ремесленная управа, в которой поочередно заседали старшины цехов, действовала под руководством ремесленного головы, председательствующего также на общих ремесленных сходах. Там, где мастеров было более 100 человек, избирались депутаты сроком на три года (по одному из пяти человек), которые делегировались для участия в общем ремесленном сходе.

В 1876 г., когда во Владикавказе было введено полное цеховое устройство, среди горожан насчитывалось 1504 ремесленника, в числе которых значилось 759 мастеров, 613 рабочих и 132 ученика. Ремесленники города объединялись в цехи, возглавляемые старшиной¹⁷¹. Старшины входили в ремесленную управу под председательством ремесленного головы. Всеми делами цеха ведали цеховые управы.

Ремесленное сословие Владикавказа было пестрым как в социальном, так и в этническом отношении. Большинство осевших в городе выходцев из кавказских народов и значительная часть русского населения занимались в основном привычными кустарными промыслами. О разнообразии городских ремесел свидетельствуют, например, данные, приведенные в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1878 г.: наиболее популярным занятием в городе считалось портняжное дело, которым занималось 142 портных, затем следовали столяры и плотники (92 и 89 человек соответственно), хлебники (77), сапожники (75), мясники (52), каменщики и кузнецы (42 и 41 человек соответственно), шапочники (34), колесники и каретники (30 и 23 соответственно), печники, лудильщики, слесари, бондари, маляры, кровельщики и стекольщики, обойщики, живописцы, горшечники, медники, золотошвей и галунщик, оружейник и т.п.¹⁷²

Представители одной или смежных профессий либо одной этнической группы часто селились рядом, образо-

¹⁷¹ Ларина В. И. Указ. соч. С. 166.

¹⁷² Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. С. 59-68.

вывая в городе целые кварталы. К примеру, в армянском квартале жили седельники, оружейники, шапочники, серебряники, и здесь можно было заказать все предметы горского костюма¹⁷³. Серебряных и золотых дел мастеров в городе было немного — к примеру, в 1889 г. их насчитывалось всего 32 человека, среди которых значились представители местного населения («казикумухи, осетины и чеченцы» — 16 чел.), армяне (4 чел.), «выкрещенный татарин» (1 чел.), евреи (11 чел.). Кроме них, во Владикавказе были еще и мастера — выходцы из Дагестанской области, — работающие со сплавами, имеющими сходство с серебром. В 1890 г. в городе имелось 36 магазинов, где продавались изделия, выполненные из ювелирных сплавов¹⁷⁴.

К концу 90-х гг. XIX в. ремесленники Владикавказа в отдельное сословие не выделялись и в справочных сводках объединялись с мещанами, что объяснялось близким социально-экономическим положением обеих этих «непривилегированных» категорий городского населения. Несмотря на развитость во Владикавказе ремесленного производства и довольно представленную категорию ремесленников, основным ядром населения города, как и подавляющего большинства российских городов, являлись все же мещане. Как подчеркивают исследователи, «мещанство было реальной социальной группой населения в России, вторым по численности сословием, являясь, как и крестьянство, основным классом производителей в сфере материального производства, одним из источников формирования пролетариата и возможной социальной основой развития в России мелкого бизнеса и среднего класса как его носителя. Общеобразовательный и профес-

¹⁷³ Ларина В. И. Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века и его влияние на окружающее горское население // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1958. Т. XXI. Вып. 1. С. 5.

¹⁷⁴ Терский календарь на 1891 год. В 2-х кн. Владикавказ, 1890. Кн. 1. Отд. III. С. 174.

сиональный уровень этого городского слоя был важной основой модернизации общества»¹⁷⁵.

Собственно мещанское сословие имело более определенные сословные рамки. Звание мещанина было наследственным, и к мещанскому сословию относились лица, имеющие в городе недвижимую собственность, занимающиеся здесь же каким-либо ремесленным производством или торговлей, выплачивающие казенные подати и исполняющие общественные службы¹⁷⁶. Исторически термин «мещане» постепенно вытеснял термин «посадские», но на практике он также обозначал категорию городских жителей, несущих основное бремя податей и повинностей. В то же время мещане составляли относительно высокий разряд городских обывателей: их общественное положение было выше, чем цеховых, людей служительского оклада, рабочих и вольных людей. Однако по ряду личных прав мещане ничем не отличались от ремесленников, будучи таким же податным городским сословием.

Исследователями подчеркивается тесная генетическая связь мещанского сословия с государственными крестьянами первой половины XIX в.: так же, как и крестьяне, мещане платили подати, выполняли другие, связанные с их сословным положением, повинности, в том числе и рекрутскую, и не имели свободы передвижения, хотя и были лично свободными¹⁷⁷. Покинуть место постоянного проживания мещанин мог при наличии временного паспорта, выдаваемого судебными-административными учреждениями (во Владикавказе — Владикавказским городским судом), а поменять место жительства — только с разрешения властей.

Вступление в сословие мещан возможно было путем обязательной приписки к мещанскому обществу како-

¹⁷⁵ Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 429.

¹⁷⁶ Туаева Б. В. Указ. соч. С. 114-115.

¹⁷⁷ Кошман Л. В. Указ. соч. С. 204.

го-либо города. При этом общероссийское законодательство требовало наличия приемного приговора мещанского общества с предоставлением увольнительного приговора от прежнего общества — мещанского или крестьянского, а там, где не было введено Городовое положение 1870 г., — согласие городского общества¹⁷⁸.

В ряде окраинных городов¹⁷⁹, в том числе и во Владикавказе, для облегчения приписки в мещанское сословие приемные свидетельства не требовались, а процесс вступления в мещанское (как и в купеческое) сословие находился в ведении Владикавказского городского суда¹⁸⁰. Как вступлению в мещанское сословие, так и увольнению из него препятствовали те же условия, которые в целом ограничивали приписку к городским обывателям Владикавказа: неуплата казенных податей и обязательных сословных сборов, исключение из обществ в месте прежнего проживания особыми приговорами, злонамеренное банкротство, состояние под следствием или судом и т.п.

В целом сословные границы для мещан были достаточно открытыми, что обусловило довольно разнородный состав мещанского сословия как такового. В него вливались выходцы из других социальных категорий — крестьян, пожалавших приписаться к городским обывателям, купцов, которые после упразднения в 1863 г. 3-й купеческой гильдии также записывались в мещанское сословие. Сословие мещан пополнялось и за счет отставных военных и членов их семей (как правило, православного исповедания, хотя записываться в мещане дозволялось и иностранцам¹⁸¹). Право записаться в мещанское сословие имели и ремесленники.

Хозяйственные занятия мещан также регламентировались законодательно, причем со временем сфера их

¹⁷⁸ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 456-457.

¹⁷⁹ Среди них Сухум, Боржом, Коктебель, Копал, Чита, Павлодар, Петровск (см.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 459).

¹⁸⁰ См.: Положение об управлении городом Владикавказом. 31 марта 1860 г. // ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35648. С. 357.

¹⁸¹ Там же. С. 356.

профессиональной деятельности расширялась. Мещанство Владикавказа, как и других российских городов, добывало средства к существованию собственным трудом: мелким предпринимательством, сельскохозяйственными работами, нередко мещане нанимались в качестве прислуги, служили приказчиками или шли в наем к фабрикантам и заводчикам. Мещане имели право содержать харчевни, лавки, торговые и питейные заведения, в т.ч. и в селениях, открывать промышленные предприятия с незначительным числом наемных рабочих, но чаще основанные на семейной трудовой кооперации. Незначительные размеры производственной деятельности представителей этой сословной категории определялись суммами на подряды, откуп и поставку, не превышающими 1200 руб. сер. При расширении производства или приобретении более ценной недвижимости они обязаны были купить соответствующие гильдейские купеческие свидетельства¹⁸².

Льготы, предоставленные мещанам Положением 1860 г. (освобождение от выплаты подушных податей и отправления натуральной и денежной рекрутской повинностей в течение 20 лет¹⁸³), развитие городской торговли и промышленности наряду с одновременным сокращением земельных ресурсов для занятия горожан сельским хозяйством обусловили заметное увеличение численности мещанского сословия за период, прошедший с момента преобразования крепости Владикавказ в город. В 1897 г. (год проведения Первой Всеобщей переписи населения Российской империи) «мещане и цеховые» Владикавказа составляли самую многочисленную категорию горожан — 20148 чел., т.е. 40,86% в почти 50-тысячном населении

¹⁸² Лишь в конце XIX в. с введением Положения о государственном промысловом налоге мещане, как и другие сословия, освобождались от этой обязанности (Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч. С.464).

¹⁸³ Положение об управлении городом Владикавказом. С. 359.

города¹⁸⁴. Сословная категория мещан Владикавказа была наиболее представительной в численном отношении и во всей Терской области, составляя треть всего ее населения, что свидетельствует о роли Владикавказа как ведущего производственного центра в регионе¹⁸⁵.

Эволюция хозяйственно-правового статуса мещанского сословия шла в направлении его уравнивания с неподатными, привилегированными, сословиями. Однако в условиях развития капиталистических отношений мещане по-прежнему оставались на нижней ступеньке социальной лестницы, пополняя собой ряды мелких торговцев, промышленников, низших служащих, рабочих и т.п.¹⁸⁶

Изменение статуса Владикавказа повлияло на положение местного купечества. Значительное развитие торговли во Владикавказской крепости, ее выгодное географическое положение на пересечении торговых путей из России в Закавказье и роль торгового центра для местных народов и прежде привлекали сюда «торговых людей». С преобразованием крепости в город и введением Положения 1860 г. Владикавказ стал местом притяжения для торговцев разного рода, чему способствовали облегченные правила приписки к городскому сословию и введенные льготы. Купцы Владикавказа на 20 лет освобождались от всех гильдейских повинностей, получали право на ведение свободной торговли, как заграничной, так и внутренней — «во всей Ставропольской губернии, земле Кавказского линейного казачьего войска и в залинейных местах,

¹⁸⁴ Терский календарь на 1898 год. Владикавказ, 1897. Вып. 7. С. 10. Эти данные взяты из статистического раздела Терского календаря за указанный год, составленного на основании отчета начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска.

¹⁸⁵ Относительно многочисленная группа мещан и ремесленников выделялась в населении г. Моздока (9542 чел.) и в Грозненском округе (7429 чел.) (см.: Терский календарь на 1898 год. С. 9-10).

¹⁸⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 510.

находящихся в районе левого крыла Кавказской линии», и могли беспрепятственно устраивать в городе фабрики и заводы¹⁸⁷.

Состав купеческого сословия также был достаточно неоднородным и в большой степени определялся законодательной практикой российского правительства, по-разному решавшей вопрос о перечислении в купечество для податных и неподатных сословий. Для перехода в купечество из податных сословий предусматривалось выполнение всех повинностей по прежнему званию. Так, при переходе мещан в купцы с 1865 г. устанавливалось правило, по которому они обязаны были представить свидетельство о полном исполнении мещанских повинностей¹⁸⁸. Практика перехода мещан в купеческое сословие (как правило, их приписывали ко 2-й купеческой гильдии) была не редкостью в пореформенном Владикавказе, о чем свидетельствуют журнальные записи Владикавказской городской управы¹⁸⁹. Для облегчения перехода государственных крестьян в разряд городских обывателей, в том числе в купечество, не требовалось приемных приговоров, но они обязывались нести повинности, связанные с их прежним состоянием. Городским и сельским обывателям свободного состояния также разрешено было перечисляться в купечество.

Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г., отменив 3-ю купеческую гильдию, значительно расширили права купечества первых двух гильдий. Разделив торговлю на оптовую, розничную и мелочную, Положение 1863 г. причисляло к «торговым действиям» и другие виды торгово-промышленной деятельности: строительство и ремонт судов, комиссионные и маклерские дела, содержание контор, магазинов, трактиров, ремесленных мастерских, фабрик и заводов, сельскохозяйственных заведений (мельни-

¹⁸⁷ Положение об управлении городом Владикавказом. С. 359.

¹⁸⁸ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 416.

¹⁸⁹ См., например: ЦГА РСО-А. Ф. 211. Оп. 1. Д. 189. Л. 13, 27, 90, 145.

цы, лесопильни, маслобойни и пр.), извоз, выполнение работ по договорам с казной, земскими, городскими и сельскими управлениями, исполнение обязанностей торговых приказчиков и т.п.

Торговля хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, съестными припасами, одеждой, производимая на рынках и площадях, являлась беспошлинной. Пошлины взимались за свидетельства о праве ведения разных видов торговли и за билеты на торговые и промышленные заведения. Эти свидетельства разделялись на два вида. Купеческие или гильдейские свидетельства обеспечивали купеческое звание и личные привилегии, отличающие купеческое сословие. Свидетельства другого вида — промысловые — особых преимуществ, кроме права торговли, не давали¹⁹⁰.

Гильдейские свидетельства определяли права и льготы в зависимости от разряда. Принадлежность к 1-й гильдии позволяла вести оптовую и розничную торговлю на всей территории Российской империи, содержать неограниченное количество магазинов, амбаров и складов, принимать подряды без ограничения суммы, содержать фабрики, заводы и ремесленные производства на всей территории того уезда, к которому приписан купец, взявший свидетельство. Свидетельство 2-й гильдии ограничивало торговую деятельность границами уезда, где записан купец, и регламентировало объем торговли розничной продажей в магазинах и лавках. Купцы 2-й гильдии могли содержать в своем уезде любое число фабрик, заводов и ремесленных заведений и принимать подряды на сумму не свыше 15 тыс. руб.

Владикавказское купечество охотно приобретало торговые билеты и гильдейские свидетельства. В 1876 г., например, купцам 1-й гильдии было выдано 27 свидетельств и билетов, 2-й гильдии — 160, на мелочный торг — 218; на «мещанские промыслы» — 82, на «разносный торг» — 124,

¹⁹⁰ Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 419.

«прикащикам» — 287, а всего — 897, при этом отмечалось, что значительной разницы в числе приобретенных билетов по сравнению с прошлым годом нет¹⁹¹.

Новое Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. еще более раздвинуло сословные границы купечества. Если прежде вся крупная торгово-промышленная деятельность являлась монополией купечества, то по новому положению купеческие и промысловые свидетельства могли теперь приобретать лица всех состояний, включая и иностранцев, с перечислением в купечество либо с сохранением прежнего звания. Лица, не желающие выходить из прежнего звания или не имеющие на то права по закону (лица духовного звания, государственные служащие, офицерские чины и пр.), освобождались от обязанности выбирать купеческие свидетельства, ограничиваясь промысловыми. Это правило распространялось также на все казачье население Терского, Кубанского, Астраханского и других казачьих войск¹⁹². В то же время сами купцы, не выкупившие в срок гильдейских свидетельств, выбывали из купеческого сословия и зачислялись в мещане, а их торговые и промышленные заведения закрывались.

Поскольку Положение 1898 г. делало выборку купеческих свидетельств добровольной, численность купеческого сословия повсеместно сокращалась. Подобное происходило и во Владикавказском округе, хотя в самом городе купцов прибывало (см., например, табл. 2). Принадлежность к купеческому сословию перестала определять высокий социальный статус: он зависел теперь только от масштабов предпринимательской деятельности, которой мог заниматься всякий, уплативший соответствующий налог. И купцы 1-й и 2-й гильдий, не выкупившие гильдейские свидетельства, даже выбывая из купечества, оставались наверху социальной лестницы.

¹⁹¹ Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. С. 65.

¹⁹² Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 429.

Таким образом, сословное купеческое звание было сопряжено с занятием крупной и средней торговлей и промышленностью, что в действительности, несмотря на формальное размывание сословных рамок, обеспечивало приток в купеческое сословие только действительно богатых людей. Новое Положение закрепляло приоритет купечества в высшем звене торгово-промышленной деятельности, в то время как другие сословия (мещане, крестьяне, ремесленники) широко привлекались к средней и мелкой торговле и производству.

Выше уже говорилось о процессах развития экономики Владикавказа в пореформенные десятилетия, сопровождавшихся подъемом торговой и предпринимательской деятельности. О развитии городской торговли свидетельствуют данные статистики. Так, к 1889 г. во Владикавказе действовало 763 торговых заведения с совокупным годовым оборотом в 4 млн 185 тыс. 652 руб., а во Владикавказском округе торговля велась в 235 магазинах и лавках с годовым оборотом в 261 тыс. 890 руб.¹⁹³ Уже через четыре года число торговых заведений в одном только Владикавказе увеличилось до 800 (в округе — до 274), годового оборот которых составил 6 млн 434 тыс. 735 руб.¹⁹⁴ Еще через четыре года к числу действующих добавилось около сотни новых магазинов и лавок¹⁹⁵.

При этом в динамике торгового предпринимательства в последние годы XIX в. можно обнаружить любопытную тенденцию — если в 1897 г. на 898 торговых заведений города приходилось всего 220 торгующих, то к концу столетия, в 1900 г., одновременно с сокращением числа магазинов до 673 наблюдается увеличение численности торговцев до 985¹⁹⁶. Очевидно, если в прежние годы в горо-

¹⁹³ Терский календарь на 1891 год. Владикавказ, 1890. Отд. IV. С. 239.

¹⁹⁴ Терский календарь на 1894 год, Владикавказ, 1893. Отд. II. С. 45-46.

¹⁹⁵ См.: Терский календарь на 1898 год. С. 88.

¹⁹⁶ См.: Терский календарь на 1894 год. Отд. II. С. 46; Статистический ежегодник // Терский календарь на 1901 год. С. 85.

де отмечалось стремление к расширению сети розничной торговли, то к концу столетия стала формироваться противоположная тенденция: мелкие магазины либо закрывались, либо сливались, образуя более крупные торговые заведения, что было, вероятно, обусловлено действием нового Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. Занятие торговлей прежде являлось прерогативой купечества, но новый закон допускал возможность торговой деятельности и для других, низших, сословий при условии выборки ими купеческих либо промысловых свидетелей. Кроме того, к концу XIX в. в Терской области и в частности во Владикавказе стали распространяться новые формы предпринимательства, основанные на ассоциированных капиталах. Именно так возникли торговые общества, среди которых выделялись известные во Владикавказе торговые дома «Алексей Митрофанович Ершов и сыновья» (капитал 442 тыс. руб.), «В. М. Кащенко и сыновья» (торговый оборот более 240 тыс. руб.), товарищество «Бр. Лисицевы» (торговый оборот 18 тыс. руб.) и другие крупные торговые предприятия города. Особо крупным было товарищество «Кавказского свеклосахарного и рафинадного завода» барона В. Р. Штейнгеля с основным капиталом 900 тыс. руб.

Однако, как отмечают исследователи, масштабы вовлечения купцов в новые формы предпринимательства в целом по Терской области были невысоки, «основная же масса местных коммерсантов купеческого звания использовала традиционные методы ведения дела, когда оно находилось в единой собственности»¹⁹⁷. Возможны и другие причины, объясняющие сокращение числа торговых заведений во Владикавказе к концу столетия, но этот аспект требует дополнительного исследования, выходящего за пределы настоящей работы.

¹⁹⁷ Корнилов А. А. Купечество Терской области во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012. С. 18.

Среди всех видов торговли высокодоходной считалась торговля хлебом, спиртными напитками и табачными изделиями, мануфактурой и галантерейными товарами. Крупным источником доходов для владикавказских купцов традиционно являлось мукомольное производство и хлебная торговля. Из 10 мельниц, находившихся в городе, две принадлежали купцам Лазарю и Николаю Лазаревым¹⁹⁸. Переработка зерна и макаронное производство также приносили неплохую прибыль. Известно, что на макаронной фабрике Прохановых, где работало более 60 человек, производилось продукции более чем на 150 тыс. руб.

Немалую прибыль обеспечивала торговля спиртными напитками, а также пиво- и медоварение. Основными поставщиками продукции этих производственных отраслей на внутренние рынки являлись купцы. И уже упоминавшееся производство табачных изделий, основанное владикавказским купцом 2-й гильдии Б. С. Вахтанговым, приносило доход 1,3 млн руб. в год.

В Терской области треть торговых оборотов приходилась на мануфактурно-галантерейную отрасль. Крупные мануфактурные магазины содержались владикавказскими купцами Н. Зипаловым, И. А. Ганжумовым, И. М. Ладыженским, Р. П. Бунатянц и др. Среди магазинов Владикавказа выделялся галантерейный магазин товарищества на паях «С. М. Киракозов и Б. Г. Оганов», один из владельцев которого, купец 1-й гильдии Б. Г. Оганов, принадлежал к известному купеческому роду. Товарищество занималось продажей готового платья «самых новейших фасонов»¹⁹⁹.

Отдельное место в деятельности местного купечества занимала сфера услуг. В крупных торговых центрах, в том числе и в городе Владикавказе, к концу XIX в. во множестве открывались гостиницы, меблированные комнаты, а в сельской местности — постоялые дворы. К концу XIX в.

¹⁹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹⁹ Канукова З. В. Указ. соч. С. 91.

в городе уже были выстроены и успешно работали гостиницы «Бристоль», «Гранд-Отель», «Европа», «Империял», «Париж»²⁰⁰.

Владикавказ. Гостиница «Париж»

Представители купеческого сословия охотно селились во Владикавказе, привлеченные торговыми выгодами и льготами, предоставленными Положением об управлении городом Владикавказом 1860 г. Уже на 1 января 1864 г. в городе проживало более 570 купцов 1-й и 2-й гильдии²⁰¹, в то время как к концу XIX в. их численность составила 757 чел., а включая и Владикавказский округ — 823 чел.²⁰² (см. табл. 2).

В целом в населении округов и городов Терской области численность купечества в последние годы XIX в. колебалась в пределах 0,2-0,3%. Основная их масса была представлена купцами 2-й гильдии, которые «составляли

²⁰⁰ Там же. С. 80.

²⁰¹ Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. С. 145.

²⁰² Статистический ежегодник // Терский календарь на 1901 год. С. 10.

костяк торгово-промышленной буржуазии Терской области»²⁰³. Во Владикавказе с населением 49224 чел. (на 1 января 1900 г.²⁰⁴) 757 местных купцов составляли чуть более 1,5% – то есть относительно малочисленную сословную группу. Однако это была наиболее социально активная категория населения, в большой степени определяющая ритмы общественной жизни региона в целом и Владикавказа в частности.

Таблица 2

Сословный состав населения Владикавказского округа
и города Владикавказа

	Дворяне	Почетные граждане	Духовенство	Купцы	Мещане и цеховые	Казачи и другие военные сословия	Крестьяне	Туземцы сельского сословия	Остальные сословия
на 1 января 1897 г.									
Владикавказский округ	651	34	234	144	54	41	4394	85404	1009
город Владикавказ	1282	97	205	505	20148	4792	8275	2100	1196
на 1 января 1900 г.									
Владикавказский округ	640	38	237	66	197	72	3774	91094	210
город Владикавказ	2795	113	496	757	19741	2449	13075	3339	6459

Примечание: Таблица составлена на основании данных, приведенных в статистических ежегодниках Терских календарей на 1898 и 1901 гг.

Городовое положение 1870 г.²⁰⁵, по которому общественное управление городом передавалось выборным от

²⁰³ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 15.

²⁰⁴ Обзор Терской области за 1899 год // Терский календарь на 1901 год. С. 2, 8.

²⁰⁵ См.: ПСЗ-И. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. С. 821-839.

горожан на основе имущественного ценза, упрочило позиции купечества в управлении городом. С введением во Владикавказе с 1 января 1875 г. общероссийского Городового положения здешние купцы получили возможность контролировать ключевые отрасли городского хозяйства и финансов в качестве гласных городской думы и управы.

Согласно Положению, для выборов в гласные городской думы созывались городские избирательные собрания, право участия в которых предоставлялось «всякому городскому обывателю при соблюдении ряда условий: «1) если он русский подданный, 2) если ему не менее двадцати пяти лет от рождения; 3) если он, при этих двух условиях, владеет в городских пределах (ст. 4), на праве собственности, недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому...»²⁰⁶

На 1 января 1875 г. во Владикавказе оказалось 735 человек (включая женщин), отвечающих этим условиям²⁰⁷. Среди них были землевладельцы, домовладельцы, купцы, мещане, богатые ремесленники, то есть лица, которые «ежегодно наполняли своими взносами городскую кассу»²⁰⁸. Имущественный ценз являлся определяющим критерием при формировании трех избирательных собраний, каждое из которых выбирало одну треть всего числа гласных. Первый — высший — разряд избирателей включал тех, кто выплачивал наибольшие суммы в городскую казну, обеспечивая треть всех городских сборов. Каждое из избирательных собраний выбирало в органы городского управления равное число гласных из своей среды. Во Владикавказе в избирательное собрание 1-го разряда вошло 39 человек, избравших 16 гласных, в собрание 2-го разряда — 209 человек, также избравших 16 гласных, в собрании 3-го разряда участвовало 487 избирателей, избравших

²⁰⁶ Там же. С. 825.

²⁰⁷ Ларина В. И. Указ. соч. С. 178.

²⁰⁸ Она же. Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века... С. 12.

также 16 гласных. Таким образом, в гласные прошли в основном дворяне и купцы, 7 человек из мещан и несколько представителей интеллигенции. В качестве первого городского головы был избран купец 1-й гильдии Г. М. Богданов, а членами управы — купцы В. М. Шаур (старший член) и П. Т. Воротников (младший член)²⁰⁹. Торжественное открытие Владикавказской городской думы и управы состоялось 6 июля 1875 г.

Функции органов городского общественного управления были достаточно широкими и включали «а) дела по устройству сего управления и по городскому хозяйству... б) дела по внешнему благоустройству города, а именно: попечение об устройении города, согласно утвержденному плану; заведывание... устройством и содержанием улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, канав и протоков, мостов, гатей и переправ, а равно и освещением города; в) дела, касающиеся благосостояния городского населения: меры к обеспечению народного продовольствия, устройство рынков и базаров, попечение... об охране народного здоровья... попечение об ограждении и развитии местной торговли и промышленности... г) устройство на счет города благотворительных заведений и больниц и заведывание ими...; участие... в попечении о народном образовании... а также устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений...»²¹⁰

Новое Городовое положение от 11 июня 1892 г.²¹¹ значительно урезало полномочия выборных органов городского управления, поставив их деятельность в зависимость от решений высшей губернской и областной администрации. В тех российских регионах, где не было введено положение о земском управлении (в том числе и на Кавказе), об-

²⁰⁹ Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. С. 63.

²¹⁰ ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. С. 823.

²¹¹ См.: ПСЗ-III. Т. XII. № 8708. С. 430-456.

разовывалось губернское или областное по городским делам присутствие под председательством губернатора или начальника области. В Терской и Кубанской областях в состав присутствий входили начальник области, его младший помощник, прокурор окружного суда, чиновник министерства финансов, городской голова областного города и член от местной городской думы, избираемый самой думой из числа ее гласных²¹². Уже в 1894 г. было образовано Терское областное по городским делам присутствие, куда входили начальник области генерал-лейтенант С. В. Каханов, его младший помощник генерал-майор С. И. Писарев, прокурор Владикавказского окружного суда действительный статский советник Н. В. Чичинадзе, владикавказский податной инспектор А. А. Михайлов, городской голова отставной генерал-майор М. И. Сулимовский, член от Владикавказской городской думы купец Б. И. Казаров, секретарь П. Ф. Стефановский²¹³.

Определенный Положением нижний порог имущественного ценза — не менее 1 тыс. руб., — установлено для прохождения в число выборщиков избирательных собраний в областных городах, обеспечивал участие в органах городского управления только очень состоятельным лицам — наиболее крупным домовладельцам и владельцам торгово-промышленных предприятий 1-й и 2-й гильдии. В результате за 12 созывов в истории владикавказской городской думы среди ее гласных было всего около 300 горожан, в основном из купцов и крупных предпринимателей. Многие из купцов выбирались несколько раз, например, купец М. С. Артемов, А. Ф. Крейчи, П. Е. Марандов, С. Д. Подагов, А. Ф. Пронин, П. А. Сидамонов, Г. Т. Соловьев, В. С. Станкевич, И. И. Уланов, Г. М. Щербинин²¹⁴.

В исследованиях деятельности Владикавказской городской думы отмечается заметный вклад местного ку-

²¹² Там же. С. 435, 436.

²¹³ Терский календарь на 1895 год. С. 326.

²¹⁴ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 20-21.

печества в развитие городского хозяйства²¹⁵. Многие гласные из числа купцов выступали в роли благотворителей, жертвовали в пользу города определенные суммы, являлись попечителями учебных заведений и активно участвовали в деятельности органов социального призрения. К примеру, гласный городской думы купец Х. А. Андреев являлся почетным смотрителем открытого в городе Николаевского четырехклассного училища, а предприниматель Б. И. Казаров, вошедший к качеству представителя думы в Терское областное по городским делам присутствие, был почетным блюстителем Константиновского одноклассного городского училища²¹⁶. Многие из гласных принимали заинтересованное участие в деятельности Владикавказского графа Лорис-Меликова ремесленного училища, среди них председатель попечительского совета Л. В. Штейнгель, члены совета П. П. Андреев, В. О. Грозмани и др.²¹⁷

Известными благотворителями были гласные Владикавказской городской думы, крупные предприниматели братья Егор и Александр Шошиевы, потомственный почетный гражданин гласный городской думы купец 2-й гильдии Иван Николаевич Уланов, председатель «Общества попечения о сиротах и бедных детях города Владикавказа» барон В. Р. Штейнгель и другие представители владикавказского купечества²¹⁸.

Таким образом, реформы 60-90-х гг. XIX в. ослабили тиски феодализма, обозначили новые стимулы для развития предпринимательской деятельности, которой теперь могли заниматься низшие сельские и городские сословия — крестьяне и мещане. Законодательная практика правительства по отношению к сословиям регулировала сословные границы и определяла условия, соблюдение которых

²¹⁵ Уадати А. С. Владикавказская Городская дума (1875-1917): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. С. 22.

²¹⁶ Терский календарь на 1895 год. С. 336-337.

²¹⁷ Терский календарь на 1898 год. С. 295.

²¹⁸ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 21.

обеспечивало ту или иную сословную принадлежность. В целом в стране к концу XIX в. происходило постепенное размывание сословных границ. Это обуславливало разнородный по социальному признаку состав сословий, облегчая переход из одного сословия в другое. И хотя сословный строй изживал себя, он все еще оставался основной структурообразующей матрицей российского общества, частью которого становилось население кавказской окраины и ее отдельных областей.

Общероссийские тенденции социально-экономического развития определяли трансформационные процессы, происходившие в Осетии в пореформенный период. Они сказались и на социальной структуре местного населения, в котором стало выделяться сословие городских обывателей. Его наиболее социально и экономически активную часть составляли сословия «мещан и цеховых» и купцов. Их производственная и общественная деятельность вывела Владикавказ в ряд крупнейших экономических и культурных центров пореформенного Северного Кавказа. Нужно отметить, что формирование и эволюция городских сословий Владикавказа также происходили на фоне общероссийских тенденций. При этом как низшим городским сословиям (ремесленникам и мещанам), так и купечеству в целях стимулирования городской экономики в течение длительного времени предоставлялся целый ряд законодательно установленных льгот.

Очевидно, что в правительственных планах Владикавказу отводилась роль центра по распространению среди местных народов общегосударственных порядков. Однако в действительности результаты этой деятельности привели к тому, что Владикавказ стал центром притяжения наиболее активных социальных сил, определявших темпы и масштабы экономических и социокультурных изменений во всей Терской области. Городские реформы 1875 и 1892 гг. заметно активизировали хозяйственно-экономическую деятельность Владикавказа, определили основные

направления развития городской инфраструктуры и в определенной степени повлияли на его социокультурный облик.

* * *

Новые формы социально-экономического развития, обусловленные процессами капитализации экономики и общественных отношений в пореформенные десятилетия, заметно изменили темпы развития и общее экономическое положение северокавказского региона. Проведенные здесь буржуазные реформы, даже и в усеченном виде, способствовали росту местной промышленности и сельскохозяйственного производства, расширению внутреннего рынка, стремительной урбанизации, увеличению доли городских сословий в структуре населения. В результате реформ были созданы предпосылки для общего экономического подъема края и его отдельных областей и вовлечения региона в общероссийскую хозяйственно-экономическую систему. На интеграцию Северного Кавказа с Россией были направлены и судебные-административные преобразования, и уже к концу XIX в. регион в административном отношении слился с остальной территорией империи.

В пореформенные десятилетия население Осетии постепенно втягивалось в водоворот новой хозяйственно-экономической деятельности, в сферу капиталистических отношений. Развитие городской и местной промышленности, подъем и товаризация сельскохозяйственного производства, расширение внутреннего рынка создали условия для общего экономического подъема Владикавказского округа и Терской области.

Наиболее активной социальной силой в населении округа являлись городские сословия ремесленников, мещан и купцов. В результате их производственно-экономической и общественной деятельности город Владикавказ встал в один ряд с крупнейшими экономическими и культурными центрами Северо-Кавказского региона. Вместе с

тем, культурные и образовательные потребности горожан оказывали воздействие на духовные запросы всего населения Осетии, выразившиеся со временем в настоятельной необходимости образования, обеспечивающего, с одной стороны, относительно безболезненную адаптацию к новым социально-политическим и хозяйственно-экономическим реалиям, и, с другой — гарантирующего продвижение по социальной лестнице и достижение экономического и социального благополучия.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. – НАЧАЛЕ 1870-х гг.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА КАВКАЗЕ

Включение Кавказа в состав Российской империи сопровождалось формированием в регионе системы народного образования. Проводившаяся здесь государственная политика в сфере народного просвещения являлась частью широкой программы по включению Северного Кавказа в целом и Осетии в частности в Российскую империю не только в политическом, административном, экономическом, но и в социокультурном отношении. Процессы, характеризующие развитие образовательной среды в Осетии, не существовали автономно, а были в значительной степени обусловлены действием более масштабных факторов, связанных с реализацией правительственной образовательной политики в самой Российской империи и на Северном Кавказе как ее неотъемлемой части.

Становление школьной образовательной сети на Кавказе имело свою историю, в которой выделяются этапы, определяемые общим политическим курсом российского правительства по отношению к Кавказу — с одной стороны, и изменениями в организации региональной системы народного просвещения — с другой. Для того чтобы оценивать ситуацию в сфере образования в пореформенной Осетии, характеризовать ее образовательный потенциал, необходимо кратко обозначить основные вехи в процессе становления в регионе в целом системы школьного образования в предшествующий период.

Ранний этап организации школьного дела на Кавказе тесно связан с христианизацией местного населения. Начало этого этапа относится к середине XVIII в., когда в 1745 г. была открыта Осетинская духовная комиссия. В

задачи комиссии, помимо миссионерской деятельности, входило также распространение грамотности среди горцев. Первоначально комиссия располагалась в одном из урочищ на р. Фиагдон, а в 1764 г. была переведена в только что отстроенную крепость в местечке Моздок. В следующем году открылась первая миссионерская школа, вопрос о создании которой обсуждался в Петербурге²¹⁹. Школьный курс включал русскую и осетинскую грамоту, пение, священное писание, а преподавание вели члены духовной комиссии, в числе которых был игумен Григорий — грузинский священник, вместе с архиепископом Пахомием стоявший у истоков создания Осетинской духовной комиссии. Освоив осетинский язык, игумен Григорий переводил с грузинского на осетинский духовные тексты, что подтолкнуло к разработке осетинского письменного языка. Поначалу обучение в школе велось на родном языке, но в 1767 г. вышел указ Св. Синода, который предписывал, чтобы «осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на каком другом диалекте»²²⁰.

Открытие этого первого в Осетии учебного заведения, просуществовавшего до 1792 г., положило начало распространению грамотности среди осетин и сыграло прогрессивную роль в просвещении народа. Вхождение ряда осетинских обществ в состав России в 1774 г. активизировало процесс развития политических и культурных связей далекой окраины с империей. Этому немало содействовала миссионерская и образовательная деятельность Осетинской духовной комиссии, которая рассматривалась как одно из важнейших направлений правительственной политики на окраинах империи.

Вовлечение Кавказа в российскую государственность и формирование здесь государственного аппарата управления требовало соответствующих кадров чиновников.

²¹⁹Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 30-34.

²²⁰Там же. С. 40.

Но быстро растущие потребности в бюрократическом аппарате не удовлетворялись за счет служащих, приезжающих на Кавказ из центральных российских областей. Поэтому на повестку дня выдвинулся вопрос об организации в регионе светского образования, ориентированного на нужды управления. И уже в первые десятилетия XIX в. на Кавказе открываются гимназии и училища: в августе 1811 г. — уездное училище в Ставрополе, преобразованное впоследствии в гимназию; в марте 1818 г. — первое приходское училище в Георгиевске²²¹.

Несмотря на то, что учебное дело на Северном Кавказе по сравнению с Закавказьем развивалось все же быстрее, в целом процесс становления школьной системы в крае значительно отставал от реальных потребностей. Удаленность Кавказа от центра империи, его особое положение затрудняли организацию здесь упорядоченной системы образования. Собственно история образования на Кавказе начинается лишь с августа 1829 г., когда появилось Положение о Закавказских училищах²²². Учебные заведения, учреждаемые Положением (Тифлисская гимназия, основанная на базе Благородного училища, возникшего еще в 1804 г., и уездные училища в Грузии и Армянской области), предназначались главным образом для «приличного воспитания детей грузинских дворян и служащих в том крае чиновников», а также «детей всякого свободного состояния»²²³.

Важная веха в истории образования на Северном Кавказе связывается с открытием в 1837 г. в Ставрополе (тогдашнем центре Кавказской области) Кавказской Областной гимназии, созданной на базе уездного училища.

²²¹ Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993. С. 15; Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 16-17.

²²² ПСЗ-II. Т. IV. № 3060. С. 571-574.

²²³ Там же. С. 571.

Штаты гимназии были предположены еще в 1803 г. в соответствии с высочайше утвержденным докладом министра народного просвещения²²⁴. А в 1842 г. при гимназии был открыт горский пансион на 50 человек для подготовки детей кавказских жителей и служивших в крае местных чиновников в кадетские корпуса²²⁵.

Ставропольская гимназия стала первым светским учреждением на Северном Кавказе, предназначенным для уроженцев края. Ее учебная программа отличалась от общегимназического курса и была разработана так, чтобы готовить кадры для кавказской администрации. Поэтому в учебную программу классической гимназии были введены местные языки.

Несмотря на ту значительную роль, которая была отведена Ставропольской гимназии в деле «просвещения юношества», светское образование в регионе явно отставало от конфессионального. Так, еще в 1826 г. по предписанию экзарха Грузии Осетинской духовной комиссии при церквях ряда осетинских селений (Саниба, Унал, Джинат) были созданы несколько миссионерских школ. И хотя число их учеников было невелико, школы эти немало сделали для обучения детей «грамоте по-осетински»²²⁶.

Правительство и местная администрация всецело поддерживали образовательную деятельность церковных учреждений, поскольку начальное школьное образование, ведущееся в том числе и в приходских школах, рассматривалось как надежный механизм идеологического воздействия на местные народы. Но состояние миссионерских школ, их ограниченное число делали достижение поставленной задачи весьма затруднительным. Кроме того, сами миссионерские школы испытывали недостаток

²²⁴ См. ПСЗ-И. Т. XXVII. №20666. С. 499; Т. XLIV. Книга штатов. Часть 2. Штаты по духовной и гражданской части. С. 15-16.

²²⁵ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 22.

²²⁶ История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе, 1987. Т. I. С. 262.

в квалифицированных или хотя бы грамотных преподавательских кадрах. С другой стороны, эффективность миссионерского служения во многом зависела от уровня подготовки к столь непростой работе самих священнослужителей. В связи с этими обстоятельствами в сентябре 1835 г. экзарх Грузии обратился в Осетинскую духовную комиссию с предписанием, в котором изложил основные цели планируемого к открытию во Владикавказе духовного училища для детей «осетинских владельцев и старшин и некоторых сирот». В документе говорилось, что целью училища «должно быть: 1) преимущественно образование священно-церковнослужителей для осетинских приходов, тем более, что таковые образованные священно-церковнослужители могут быть вместе и учителями в приходских училищах, высочайше предназначаемых при церквях у горских народов устроенных и 2) впоследствии приуготовление некоторых воспитанников, смотря по испытанному уже усердию и способностям их и к званию миссионеров или проповедников для горских народов»²²⁷.

Владикавказское духовное училище открылось в сентябре 1836 г. «для нравственно-религиозного и гражданского образования юных горцев»²²⁸. Оно просуществовало до 1863 г. В училище преподавались русский язык и грамматика, осетинский язык, арифметика и богослужебные дисциплины, для которых смотрителем училища Г. Мжедловым впервые были сделаны переводы Священного Писания и богослужебных текстов на осетинский язык на основе кириллицы²²⁹. Несомненна прогрессивная роль Владикавказского духовного училища в развитии духовной культуры осетинского народа. Из его стен вышла целая плеяда осетинских просветителей и деятелей куль-

²²⁷ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 72.

²²⁸ Там же. С. 75-76.

²²⁹ См.: Гостиева Л. К. Научно-координационная работа А. М. Шегрена по переводам учебной и богослужебной литературы на осетинский язык // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 13 (52). С. 105-110.

туры: А. Колиев, В. Цораев, Н. Берзенов, Г. Кантемиров и др. Благодаря тому, что в училище обучались дети осетин, грузин, русских, в самом училище и за его пределами складывались условия для межкультурной коммуникации и укрепления дружественных связей между этими народами.

Между тем, политическая обстановка на Северном Кавказе, осложнившаяся в связи с разгоравшейся Кавказской войной, требовала от правительства более решительных мер и в организации светского образования в регионе. Оно должно было служить эффективным средством в противостоянии с мусульманским духовенством, которое вело активную просветительскую деятельность в мечетских школах (мектебе и медресе). При этом на Восточном Кавказе с мусульманским населением было открыто только одно государственное учебное заведение — уездное училище в Дербенте (1835). Кроме того, отсутствовало необходимое единство в управлении образовательной деятельностью на Кавказе в целом и в его отдельных областях, а меры, предпринимаемые в сфере образования, носили бессистемный характер.

Изменения в образовательной политике в крае последовали после учреждения в январе 1844 г. Кавказского наместничества и назначения на должность наместника Михаила Семеновича Воронцова. С его именем исследователи связывают начало собственно школьной политики на Кавказе как единого комплекса мер по развитию народного образования²³⁰. Уже в первые годы наместничества М. С. Воронцова были произведены радикальные реформы образования. Во-первых, 18 декабря 1848 г. «для единообразия в общем порядке управления учебной частью в империи» Николаем I было утверждено Положение о Кавказском учебном округе²³¹, который объединил северокавказские и закавказские учебные заведения в

²³⁰ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 35.

²³¹ ПСЗ-II. Т. XXIII. Отд. 2-е. № 22838. С. 96-112.

административном отношении и находился в непосредственном ведении самого наместника. Заведовал округом попечитель, который входил в Совет Главного управления Закавказским краем.

Михаил Семенович Воронцов

Во-вторых, Положение расширяло учебные программы гимназического курса, в который наряду с обязательным для гимназий латинским языком вводились и местные языки: черкесский — в Екатеринодарской гимназии, татарский и черкесский — в Ставропольской. Положением определялось число и местонахождение гимназий, а также их назначение. В документе говорилось: «В Кавказском учебном округе в настоящее время полагается пять гимназий: две в городе Тифлисе, из коих одна дворянская, а другая коммерческая; и по одной, в городах: Кутаисе, Ставрополе и Екатеринодаре». Что касается цели, которая ставилась перед гимназиями, то она определялась как тройкая: «1) Образовать молодых людей для государственной службы в Кавказском и закавказском крае; 2) снабдить необходимыми сведениями тех из учеников, которые, по окончании гимназического курса, пожелают продолжать

учение в Университетах, и 3) доставить тем, которые не посвящают себя служебному поприщу, познания, нужные в их будущем звании»²³².

В-третьих, предусматривалось заметное расширение сети казенных уездных (по новому штату их полагалось 21) и приходских (в количестве 10) училищ.

Наконец, в истории образования на Кавказе была осуществлена важная инициатива по обучению выходцев из кавказской среды в высших учебных заведениях России²³³. Эта мера в определенной степени решала вопрос о высшем образовании кавказского юношества. Положение, принятое по этому поводу, формулировало, помимо общих, еще и «особую местную цель, а именно: 1) Приготовление сыновей кавказских и закавказских жителей привилегированного сословия к занятию разных, даже высших, должностей по всем родам государственной службы на Кавказе и в Закавказье, и 2) доставление детям лиц торгового и других сословий средств к приобретению познаний, в будущем их назначении необходимых, и с помощью которых они могли бы содействовать успешному развитию в крае торговли и промышленности»²³⁴. Все кавказские воспитанники находились под особым покровительством председателя Кавказского Комитета и подчинялись главному наблюдению управляющего делами Комитета. Положение о кавказских воспитанниках, принятое в 1849 г., просуществовало до 1867 г., а затем было пересмотрено ввиду изменений, произошедших в кавказской политике правительства²³⁵.

²³² Там же. С. 100.

²³³ См.: Высочайше утвержденное положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях Империи // ПСЗ-II. Т. XXIV. Отд. 1-е. №23307. С. 313-323.

²³⁴ Там же. С. 313-314.

²³⁵ См.: Высочайше утвержденное положение о кавказских воспитанниках, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях Империи // ПСЗ-II. Т. XLIII. Отд. 2-е. № 46434. С. 404-407.

«Важной новостью 1848 г. были постановления о приходских училищах, учреждаемых по мере надобности для одного только христианского населения и всякий раз не иначе, как с разрешения Наместника Кавказского», — отмечал С. В. Рождественский²³⁶. Учебные заведения духовного ведомства не подлежали ведению Кавказского учебного округа — они подчинялись местным органам Св. Синода²³⁷, которые стремились к открытию новых приходских школ. Местная администрация поощряла открытие школ в приходах и стремилась контролировать их деятельность. Более того, действия властей были ориентированы на увеличение числа православных приходов и строительство новых церквей, при которых предусматривалось открытие школ. В приходских школах дозволялось учиться и мальчикам «магометанского закона, если таковые охотники найдутся». Обучение в приходских школах рекомендовано было ограничить законом божьим, русским и осетинским языками и четырьмя правилами арифметики²³⁸. К 60-м гг. XIX в. на территории Осетии действовало семь приходских школ, которые находились в ведении Осетинской духовной комиссии. В них обучалось 107 детей²³⁹. Эти школы стали первыми очагами просвещения для осетинского крестьянства.

В ряду нововведений, инициированных наместником Воронцовым в сфере образования, следует упомянуть и открытые в Тифлисе двух казенных мусульманских училищ при мечетях: «Алиева» (1847) и «Омарова» (1848) учения²⁴⁰. Эти своеобразные учебные заведения с трехгодич-

²³⁶ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902. С. 329.

²³⁷ ПСЗ-II. Т. XXIII. Отд. 2-е. № 22838. С. 97.

²³⁸ Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В. С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II. С. 311.

²³⁹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 10.

²⁴⁰ См.: Об учреждении в Тифлисе мусульманского училища

ным курсом оставались вне общей системы учебных заведений Кавказского округа, но по типу приближались к уездным училищам. Учебные предметы в них делились на восточные и общеобразовательные; преподавались местные и русский языки, сокращенная география и история, арифметика, начало русского законоведения и судопроизводства, чистописание. Оба училища находились в непосредственном ведении мусульманского духовенства, но при этом в прямом подчинении кавказского наместника, который назначал для них попечителя из русских чиновников.

По оценке С. В. Рождественского, «этот первый опыт особых низших мусульманских училищ, поставленных под контроль правительства, был удачен: население, по религиозным побуждениям не посылавшее своих детей в приходские училища, отнеслось к ним одобрительно и, в 1850 г. Высочайше утвержденным положением Кавказского Комитета Наместнику предоставлено было дать дальнейшее распространение этим училищам, а учителей для них брать из казеннокоштных воспитанников Казанского округа»²⁴¹. Приходские училища для мусульман открывались также в Шемахе, Дербенте, Елисаветполе, Шуше и Баку. По поручению наместника, для горцев-мусульман были составлены особые буквари на основе арабской графики²⁴². (Спустя несколько лет, в 1853 г., на воспитанников мусульманских школ Закавказья были распространены права и преимущества, предоставленные учащимся первых мусульманских училищ.)

Дальнейшее развитие системы образования на Кавказе было связано с проведением целого ряда организационных мероприятий, повлиявших на содержательную сторону образовательного процесса. Так, гимназический курс

Алиева учения // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Ч. LIV. Отд. 1-е. Апрель. С. 186-189.

²⁴¹ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 330.

²⁴² Модзалевский Л. Указ. соч. С. 26-27.

стал в целом соответствовать общероссийскому и включал, помимо латинского языка, еще 13 предметов. Срок обучения также увеличивался и составлял восемь лет. В то же время в учебном процессе в гимназии стал применяться дифференцированный подход, определяемый социальной принадлежностью учащихся: дворянских детей обучали, например, основам сельского хозяйства и гражданской архитектуре, а коммерческие науки преподавались детям «торгового сословия»²⁴³.

Первый кавказский наместник был убежденным сторонником идеи обучения русских учеников «по крайней мере одному из туземных языков»²⁴⁴. Более того, наместник настоятельно рекомендовал учебной администрации исходить при приеме в учебные заведения не из сословного принципа, а ориентироваться «на способности и успехи» соискателя²⁴⁵. Для того чтобы «сколь возможно более разлить образование в народе», наместник призывал к распространению уездных училищ²⁴⁶. Но главное, что отличало его политику в сфере просвещения, — это практика обучения наиболее способных выпускников кавказских училищ в высших и специальных российских учебных заведениях. Рационализм подобной политики объяснялся насущными задачами гражданского управления в крае. Его эффективность, по мнению Воронцова, напрямую зависела от знаний бытовых условий Кавказа, с одной стороны, и потребностями его экономического развития — с другой. Поэтому в новых государственных учреждениях наместничества чиновничьи должности нередко занимали местные уроженцы, получившие образование в высших и специальных учебных заведениях России и подготовленные к «занятию разных, даже высших должностей по всем родам государственной службы на

²⁴³ См. ПСЗ-II. Т. XXIII. Отд. 2-е. № 22838. С. 102.

²⁴⁴ АКАК. Т. X. С. 126.

²⁴⁵ Отчет князя М. С. Воронцова с 25 мая 1845 по 1-е января 1846 года // АКАК. Т. X. С. 841.

²⁴⁶ Там же. С. 855.

Кавказе и за Кавказом»²⁴⁷. Так, к примеру, начальником гражданского управления при наместнике стал В.О. Бобутов, а тифлисским губернатором — М. Андроников, оба выходцы из местной среды и «убежденные сторонники русской государственности и русского владычества на Кавказе»²⁴⁸. Широко практиковавшееся привлечение местного населения к работе в низовых административных органах²⁴⁹ обеспечивало эффективность новой административной системы²⁵⁰.

Одновременно с государственными и приходскими открывались школы совершенно нового типа. Одни из них были представлены школами военных воспитанников при штабах полковых и линейных батальонов отдельного Кавказского корпуса²⁵¹. Осложнившиеся в связи с Кавказской войной условия отвлекали и силы, и средства государства от развития системы образования на Кавказе. В этих обстоятельствах военные школы должны были некоторым образом компенсировать недостаток в государственных учебных заведениях, не требуя при этом специальных вложений казны. Эти учебные заведения дополняли систему светского образования, в которую входили учреждения ведомства Министерства народного просвещения (МНП), и предназначались для обучения «юношества и других почетных сословий Закавказского края и горских племен»²⁵². Толчком к их распространению стало пожелание Николая I, высказанное еще в 1837 г. во время посещения Закавказья. По замечанию инспектора Кавказского учебного округа Л.Н. Модзалевского, в эти годы «за Кавказом является

²⁴⁷ Там же. С. 843; см. также: ПСЗ-П. Т. XXIV. Отд. 1-е. №23307. С. 313-323.

²⁴⁸ Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. Тифлис, 1914. С. 15.

²⁴⁹ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 309.

²⁵⁰ См. подробнее: Отчет по управлению Кавказским краем за 1846, 1847 и 1848 годы. Тифлис, 1849.

²⁵¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 91-93.

²⁵² Там же. С. 91.

новый и весьма полезный деятель на поприще народного образования — Кавказская армия»²⁵³. Популярность полковых школ оказалась столь высока, что они начали соперничать со школами Кавказского учебного округа. К 1-му января 1859 г. в них уже обучалось 580 человек²⁵⁴. И, несмотря на критику полковых школ, которые, по сути, плохо справлялись с сугубо педагогическими задачами и часто были обременительны для армейского начальства, именно они оказались практически единственными действующими учебными заведениями в тех районах Кавказа, где шли боевые операции. Хотя военные школы были предназначены преимущественно для подготовки военных кадров для Кавказской армии, они оказали неоценимую услугу не только на просветительском поприще, но и во взаимообогащении разных культур. «Усвоение туземцами русского языка и русскими — местных языков совершалось в школах с таким успехом, какого можно желать и в настоящее время», — подчеркивал Л. Н. Модзалевский в 1880 г.²⁵⁵

Школы «военных воспитанников» обучали и детей горцев, которые после их окончания получали право поступить на гражданскую или военную службу. Первая такая школа была открыта во Владикавказе в 1848 г. при Навагинском полку²⁵⁶. Из 50 вакансий 30 были предназначены для детей горцев, большинство же их было занято выходцами из семей осетинской знати²⁵⁷. В октябре 1857 г. Навагинская школа военных воспитанников была передана в ведение Тенгинского полка в связи со сменой штаб-квартиры и перевода полка на Сунжу²⁵⁸, а через три года, в конце декабря 1860 г., закрыта в связи с открытием Владикавказской горской окружной школы, которая

²⁵³ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 24.

²⁵⁴ Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказскою армией. 1857, 1858, 1859. Тифлис, 1861. С. 182-183.

²⁵⁵ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 24.

²⁵⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 43.

²⁵⁷ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 93-94.

²⁵⁸ Там же. С. 94.

готовила кадры для административной службы в местных учреждениях²⁵⁹.

Школы, подобные Владикавказской горской школе, о которой подробнее будет сказано ниже, представляли иной тип учебных заведений, появившийся уже в период наместничества А. И. Барятинского. Они учреждались для детей местной знати и военных чинов и готовили местную молодежь к поступлению в учебные заведения более высокой ступени. Создание полковых и горских школ приближало образование к населению и отвечало его образовательным запросам. Более того, учреждение горских школ являлось по существу смелым политическим шагом: правительство таким образом декларировало, что система образования в регионе создавалась для местного населения, хотя доступ к образованию был по-прежнему закрыт для большинства горцев из низших сословий.

Таким образом, в годы наместничества Воронцова был осуществлен целый комплекс мер, направленных на упорядочение образовательного процесса в кавказской школе. Теперь разрозненные учебные заведения региона оказались в одном подчинении, что положило начало процессу централизации управления образованием, однако в границах Кавказского наместничества. Благодаря тому, что Кавказский учебный округ оказывался вне ведения Министерства народного просвещения, он обладал значительной автономией. Это открывало возможности учета в образовательной практике местных особенностей.

Между тем, регионалистские в целом взгляды Воронцова на кавказскую политику не мешали ему успешно действовать «в выгодах Петербурга». Повышенное внимание наместника к воспитанию кадров из местной среды, введение в образовательную практику местных языков, поощрение отличившихся учеников путем предоставления

²⁵⁹ Там же. С. 103-104.

им льгот в начале карьерного пути и т.п., по его мнению, являлось лучшим средством решения сложных внутриполитических задач, стоявших перед империей на Кавказе. Главной из них было сближение региона с внутренними частями Российской империи не только в политическом, но и в социокультурном аспектах.

После ухода Воронцова с поста наместника в сфере образования наметилась противоположная тенденция к ослаблению, а затем и отказу от регионалистских установок по отношению к Кавказу и его населению²⁶⁰, следуя которым образовательная политика на Кавказе в определенной степени учитывала возможности и потребности края. Сам Воронцов был убежденным сторонником специфического пути развития Кавказа, избегая слепого копирования общероссийских схем и механизмов регулирования не только в сфере административного управления, но и в области народного просвещения.

Теперь перед учебным ведомством была поставлена цель, четко сформулированная императором Николаем I, — «сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний и таким образом постепенно ввести на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, которая существует в прочих частях государства». Эта установка была обозначена в качестве основной в новом «Положении о Кавказском учебном округе» от 29 октября 1853 г.²⁶¹ Таким образом Кавказское учебное ведомство обязано было, «централизуя в административном отношении все входящие в Учебный Округ учебные заведения, в видах скорейшего удовлетворения их нужд, в то же время не обособлять, а, напротив того, сближать их по составу и направлению преподавания с однородными заведениями внутри Империи, так чтобы они прямо и непосредственно примыкали к высшим и специ-

²⁶⁰ См.: Гагагова Л. С. Указ. соч. С. 26-34.

²⁶¹ ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. №27646. С. 498.

альным, в которых Кавказскому юношеству придется завершать образование»²⁶².

«Положение о Кавказском учебном округе» 1853 г. закрепило принципы унификации системы образования на Кавказе и сближения местных учебных заведений с российскими, но содержало при этом некоторые отступления, которые были вызваны «местными условиями»²⁶³. Эти принципы определяли развитие школьного дела на Кавказе в течение последующих 14 лет.

Кавказский учебный округ подчинялся попечителю, которым был назначен барон А. П. Николаи, будущий член Государственного совета. Он руководил деятельностью четырех дирекций училищ, на которые теперь разделялся округ после упразднения самостоятельной Шемахинско-Дербентской дирекции: Тифлисской, Кутаисской, Ставропольской (в ее ведении состояли учебные заведения Ставропольской губернии и училища Правого и Левого флангов и Центра Кавказской военной линии) и Земли войска Черноморского. В ведении дирекции находились все церковные, общественные и частные учебные заведения за исключением тех, которые учреждались при церквях и монастырях православного и армяно-григорианского исповеданий (как это и было по Положению 1848 г.). Сам попечитель округа по-прежнему подчинялся не Министерству народного просвещения, а непосредственно кавказскому наместнику.

В гимназии теперь допускались дети всех свободных состояний, а гимназический курс согласовывался с общими реформами 1848 и 1852 гг. Согласно Положению, гимназии должны были: «1) образовать молодых людей для государственной службы, 2) снабдить необходимыми сведениями тех из учеников, которые пожелают продолжать учение в университетах, и 3) доставить тем из них, которые не посвящают себя служебному поприщу, познания,

²⁶² Модзалевский Л. Указ. соч. С. 28.

²⁶³ Там же.

полезные в их будущем звании»²⁶⁴. Множественность целей гимназического образования подтверждалась и созданием при гимназиях, кроме семи общих классов и одного приготовительного, предназначенного главным образом для детей из местной «иностранческой» среды, еще и специальных классов. Они открывались на основании Положения 1848 г. и служили для более основательной подготовки учеников в высшие учебные заведения России, а также учительских кадров для уездных училищ, низших классов гимназий и для домашнего преподавания. Но такой специальный класс существовал до 1860 г. лишь при одной Ставропольской гимназии.

Объем преподаваемых в гимназиях дисциплин определялся попечителем округа по согласованию с наместником. Как и прежде, в гимназическую программу в качестве обязательных для всех казенных воспитанников вне зависимости от их национальной принадлежности вводились местные языки: грузинский и татарский — в Тифлисской и Кутаисской гимназиях, татарский, черкесский и армянский — в Ставропольской и черкесский — в Екатеринодарской. Помимо местных языков в учебные программы включалось изучение местной истории.

При всех четырех гимназиях существовали пансионы, которые были рассчитаны всего на 572 ученика, при этом 328 казенных вакансий выделялось главным образом для выходцев из местной среды. По свидетельству Л. Модзалевского, правительство таким образом «как бы желало доказать особенную заботливость о своих подданных, независимо от их национального происхождения, но пока с исключением всех низших привилегированных сословий»²⁶⁵.

Положением 1853 г. определялись типы уездных (на Северном Кавказе — окружных) училищ, которые могли быть двух разрядов: низшие — в уездных городах, и высшие, четырехклассные — в губернских городах, не име-

²⁶⁴ ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 27646. С. 500.

²⁶⁵ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 32.

ющих гимназий. Общее число уездных училищ доходило до 24. В приготовительных классах высших уездных училищ широко применялся метод взаимного обучения. Этот метод использовался в соответствии с т.н. ланкастерской системой, по которой старшие ученики, уже получившие определенные знания, обучали младших под руководством учителя. С одной стороны, это стимулировало старших учащихся к самообразованию, а с другой — делало обучение более живым и доходчивым, поскольку таким образом между учителем и учеником исчезала дистанция, нивелировались различия в возрастном и интеллектуальном уровнях. Ланкастерская система использовалась и в отдельных российских школах до 1860-х гг.

Предназначенные для общеобразовательных целей, уездные училища рассматривались также как подготовительные заведения для гимназий и снабжали регион учителями начальных и частных школ.

В Положении оговаривалось, что те из учеников, которые успешно окончили гимназический курс, получали право поступать на государственную службу по 2-му разряду, если тому не препятствовало их социальное происхождение. Более того, в целях поощрения выпускников Тифлисского коммерческого училища к занятию коммерцией, Положение предоставляло звание личного почетного гражданина тем из них, которые по окончании курса в течение пяти лет будут заниматься этой деятельностью в Закавказском крае²⁶⁶. Так за непродолжительное время был подготовлен контингент низших чиновников для административных учреждений Кавказского наместничества и сформирован слой торговой элиты, подготовленной к деятельности в новых экономических условиях.

Низших (одноклассных и двухклассных) училищ было значительно меньше — всего девять. Они могли быть как общественными, так и казенными. Их программы различались количеством учебных часов и перечнем общеобя-

²⁶⁶ Там же. С. 33.

зательных предметов. И в одноклассных, и в двухклассных училищах обязательными были русский, на котором велось обучение, и один из местных языков. В начальных училищах применялось взаимное обучение.

Кроме казенных и общественных учебных заведений, «Положение о Кавказском учебном округе» 1853 г. касалось и частных школ. Их содержателям полагалось лишь предоставить справку от полицейского начальства или от трех поручителей о «нравственном своем поведении»²⁶⁷. С тем, чтобы привлечь к преподавательской деятельности квалифицированные педагогические кадры, правительство не только увеличило должностные оклады, но и приняло довольно широкую программу по социальной поддержке педагогов, однако с условием прохождения ими службы в Кавказском учебном округе не менее десяти лет. Школы духовного ведомства, номинально по-прежнему оставаясь вне ведения Кавказского учебного округа, финансировались из казны по согласованию с экзархом Грузии и становились подконтрольны окружной учебной администрации.

Неблагоприятные «для русского дела» в крае внутриполитические обстоятельства тормозили развитие сети начальных училищ на Северном Кавказе, в то время как в Закавказье их число, как и в целом число казенных учебных заведений, увеличивалось (см. табл. 3).

Одновременно росло и число учащихся в подведомственных округу учебных заведениях разного типа (табл. 4).

Очевидно, что число учеников кавказских гимназий составляло более 15%, при этом наибольшее их количество обучалось в Тифлисской и Ставропольской гимназиях. В то же время именно в Ставропольской дирекции было сосредоточено подавляющее большинство начальных училищ (58 против 5-6 по другим дирекциям), вобравших в себя почти две тысячи учеников. При правитель-

²⁶⁷ Там же. С. 34.

ственной поддержке росло и число кавказских воспитанников, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях России, которое составило к этому времени уже 108 человек.

Таблица 3

Число учебных заведений по разрядам и служащих при них к 1-му января 1856 г.

№	Дирекции	Гимназии с пансионами	Уездные училища	Начальные училища	Частные учеб. заведения заведения Дения	Всего училищ	Всего служащих
1	Тифлисская (осн. 1830 г.)	1	10	5	12	28	121
2	Кутаисская (1850 г.)	1	4	6	-	11	61
3	Ставропольская (1837 г.)	1	5	58	1	65	127
4	Черноморская (1819 г.)	1	5	5	-	11	61
Итого		4	24	74	13	115	370

Источник: Модзалевский Л. Указ. соч. С. 36.

Таблица 4

Число учащихся по разрядам учебных заведений на 1 января 1856 г.

№	Дирекции	Гимназии с пансионами	Уезд. училища (окружные)	Начальные училища	Частные училища	Всего учащихся
1	Тифлисская	337	953	264	367	1921
2	Кутаисская	174	419	138	-	731
3	Ставропольская	268	448	1991	12	2719
4	Черноморская	156	211	215	-	582
Итого		935	2031	2608	379	5953

Источник: Модзалевский Л. Указ. соч. С. 37.

В дореформенный период на Кавказе стали складываться и зачатки женского образования. В Тифлисском институте благородных девиц ведомства учреждений императрицы Марии (1840), а также ряде женских благотворительных заведений (в Тифлисе, Кутаисе, Шемахе, Эриване и в Ставрополе) получали образование девушки, преимущественно из числа сирот местного дворянства.

В Осетии первая женская школа открылась 1 мая 1857 г. при школе военных воспитанников при Навагинском полку. Вместе с Навагинской школой она была передана в ведение Тенгинского полка, а впоследствии перешла в ведение Горского окружного училища²⁶⁸.

В 1850-х гг. в Осетии стали появляться и частные школы для девочек. В 1858 г. в сел. Урсдон Владикавказского округа жена поручика Зурабова-Кубатиева у себя на дому устроила небольшой пансион для воспитания осетинских девочек как будущих «религиозных, набожных матерей». В сел. Салугардан «русская дворянка, достаточно образованная и понимающая осетинский язык», Т. Ревазова, жена одного из жителей селения, открыла подобное же заведение²⁶⁹. Школы возникали и в других местностях Центрального Кавказа: так, в 1860 г. в слободе Нальчик появилась одноклассная Михайловская бессословная женская школа с 14 ученицами, где обучение велось по учебным программам начальной школы²⁷⁰.

Таким образом, Положение о Кавказском учебном округе 1853 г., декларируя необходимость сближения местных учебных заведений с российскими, отражало усилившиеся тенденции к централизации по всем частям управления в Кавказском наместничестве. С другой же стороны, принципы регионализма, исповедуемые первым кавказским наместником Воронцовым, определили пути развития

²⁶⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.

²⁶⁹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 84-85.

²⁷⁰ Воротникова М. В., Шаламов В. В. Образование женщин на территории Северного Кавказа во второй половине XIX – нач. XX вв. // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 7.

просвещения и в целом образовательной политики на Кавказе. Ее основные направления диктовались как стратегическими целями Петербурга по отношению к Кавказу и его населению, так и местной спецификой. Система учебных заведений, созданных в регионе в первой половине XIX в., отличалась разнообразием. В образовательный процесс были вовлечены различные ведомства (учебное, духовное, военное), деятельность которых всецело поддерживалась государством. В это время в регионе сложились условия для дальнейшего развития школьного дела, создания специальных учебных заведений и системы женского образования. В то же время образование носило сословный характер, и доступ к нему подавляющего большинства сельского населения региона был ограничен. Начиная с 1860 г. народное образование на Кавказе, в частности в Осетии, развивалось уже в иных организационных формах, более соответствующих новым задачам социально-экономического развития региона в эпоху реформ.

УЧЕБНОЕ ДЕЛО в Осетии в 60-х гг. XIX в. в контексте ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Успехи российских войск в противоборстве с движением под руководством Шамиля на Северо-Восточном Кавказе создали предпосылки для пересмотра основных направлений кавказской политики правительства. Теперь перед властями вставала необходимость решения вопросов сугубо гражданского характера.

Административные преобразования на Северном Кавказе конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. повлияли и на организационные формы образовательного процесса. Во многом изменения в образовательной политике были обусловлены взглядами на управление нового кавказского наместника князя А. И. Барятинского. Исследователи отмечают, что с его именем «связана целая эпоха в становлении государственно-административной системы управления краем, ознаменовавшаяся напряженными поисками ад-

министративных форм, наилучшим образом отвечавших основной политической задаче, вставшей перед империей в ходе Кавказской войны, — сохранения региона в составе России»²⁷¹. Барятинский был убежден, что теперь главной задачей администрации стало управление покорными горцами²⁷². Ведущую роль в подготовке местных управленческих кадров, которые могли бы помочь культурному слиянию кавказских окраин с российской метрополией, должна была сыграть местная школа²⁷³.

Активность наместника по рассредоточению функций региональных ведомств распространилась и на сложившуюся в крае систему образования. Следствием децентрализации руководства учебной администрацией в наместничестве стало упразднение должности попечителя Кавказского учебного округа. 2 июля 1860 г. властью кавказского наместника было утверждено «в виде опыта по 1 января 1863 г.» новое «Положение об управлении учебною частью на Кавказе», по которому кавказский наместник становился «высшим блюстителем» точного и правильного исполнения всех постановлений по учебной части во вверенном ему крае²⁷⁴. Начальникам областей, военным и гражданским губернаторам предоставлялись права и обязанности попечителей учебных округов; все делопроизводство по учебной части сосредоточивалось в департаменте общих дел Главного Управления Наместника. Во всех остальных отношениях положение 1853 г. сохраняло свою силу. Кроме того, вдобавок к существующим учебным дирекциям было учреждено еще три новые — Бакинская, Эриванская и Терская (ей в подчинение передавались находившиеся в пределах Терской области

²⁷¹ Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 218.

²⁷² АКАК. Т. XII. С. 1287.

²⁷³ Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. № 3. С. 33.

²⁷⁴ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 351.

горские школы)²⁷⁵, а также училища Бакинской и Эриванской губерний²⁷⁶. В 1862 г. срок действия нового положения был продлен до 1 января 1866 г.

Александр Иванович Барятинский

Передача учебных заведений под контроль местных администраций должна была повысить эффективность управления образованием. По мнению наместника, губернские и областные власти гораздо лучше были знакомы с местными нуждами и скорее могли разрешать возникающие проблемы. Немаловажное значение имела и финансовая сторона вопроса. Расходы, которые приходилось нести на Кавказе (связанные не только с ведением боевых действий, но и содержанием формирующегося админи-

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 39-40.

стративного аппарата), были довольно обременительными для государственной казны. Вопросы экономии казенных ассигнований оставались актуальными и в административной деятельности Барятинского. Упразднение аппарата центрального управления учебной частью некоторым образом решало проблему. Этими же соображениями мотивировалась и создание на Северном Кавказе сети таких специфических для российской образовательной системы учебных учреждений, как горские школы, предназначенные преимущественно для местных уроженцев и детей из семей русских военных и гражданских чинов. В них дозволялось учиться и мальчикам «из всех других свободных сословий без различия вероисповеданий»²⁷⁷.

Горские школы, для которых в главном штабе Кавказской армии был разработан проект особого устава²⁷⁸, утвержденного 20 октября 1859 г.²⁷⁹, находились на положении окружных училищ. Устав декларировал цель создания школ подобного типа, их число и принципы разделения: «Для распространения гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами, и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей, учреждаются горские школы на степени уездных и первоначальных училищ»²⁸⁰. Окружные (соответствующие уездным училищам) горские школы, состоявшие из четырех классов, «на первый раз» создавались во Владикавказе (1860) — для осетин, Нальчике (1860) — для кабардинцев²⁸¹, Темир-Хан-Шуре (1861) в Дагестане. Начальные

²⁷⁷ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 95.

²⁷⁸ См.: Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказскою армией. С. 184.

²⁷⁹ См.: Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 94-102.

²⁸⁰ Там же. С. 94.

²⁸¹ Нальчикская горская школа в 1909 г. была преобразована в реальное училище (Кумыков Т. X. Культура и общественная мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 13.)

школы с трехклассным циклом, в котором один класс был приготовительным, учреждались в Усть-Лабе (для карачаевцев), крепости Грозной (для чеченцев), в Сухуме (для абхазцев)²⁸². Несколькими годами позже открылись горские школы в Майкопе (1866) — для адыгов²⁸³, Назрани (1868) — для ингушей. (Вопрос об открытии одноклассных горских школ в укреплениях Назрань, Шатой, Ведено и Хасав-Юрт ставился начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликовым еще в 1864 г. Среди предметов, предполагаемых к преподаванию в таких школах, значились русский и местные языки, арифметика и Закон божий как православно-го, так и мусульманского исповедания²⁸⁴). Для народов Дагестана предназначались также возникшие впоследствии Аварская, Кази-Кумухская, Акушино-Кайтагская, Табасарано-Кюринская горские школы.

Управление горскими школами было расщеплено по нескольким дирекциям: так, «для удобнейшего надзора», окружные школы во Владикавказе, Нальчике и Темир-Хан-Шуре и начальная в кр. Грозной вошли в состав Ставропольской дирекции, начальные школы в Усть-Лабе — Черноморской и в Сухум-Кале — Кутаисской дирекции училищ. Общий надзор за горскими школами осуществлялся местными военными властями, т.е. начальниками военных округов²⁸⁵.

В программу обучения окружных горских школ входили русский язык, география, всеобщая история, математика, богослужебные предметы (в зависимости от вероиспо-

²⁸² Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 94, 97; см. также: Кумыков Т. X. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 337.

²⁸³ Майкопская горская школа в 1899 г. была преобразована в низшее механико-техническое училище (Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в. М., 1991. С. 411).

²⁸⁴ См.: ЦГА РСФСР-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-1об., 3.

²⁸⁵ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 100.

ведения учащихся), а также рисование и чистописание²⁸⁶. Программа начальных школ была несколько упрощена за счет уменьшения количества и объема преподаваемых дисциплин. Языком преподавания в горских школах был русский, и обучение родному языку учебными планами не предусматривалось. Горские школы обеих ступеней содержались за казенный счет, а средства отпускались военным ведомством. Это были средства, ранее предназначавшиеся для обучения детей горцев в кадетских корпусах. Теперь же, в связи с изменившимися планами учебной администрации наместника, по указу от 11 октября 1858 г. прием кавказских уроженцев в кадетские корпуса был прекращен²⁸⁷.

«Для того, чтобы разумным и нравственным воспитанием вкоренить в молодом поколении горского юношества истинные правила чести, долга, трудолюбия и порядка и чрез то приготовить их к той гражданственности, которая есть собственно главная цель их образования», при горских школах учреждались пансионы. Места в них распределялись между своекоштными воспитанниками и теми, кто постоянно содержался за казенный счет — это были дети «из лучших и знатнейших», либо «почетных» фамилий, «кабардинский князей и узденей», а также дети русских военных офицеров и гражданских чиновников²⁸⁸. Выпускники горских школ имели право на зачисление без экзаменов в четвертый класс гимназий Кавказского наместничества (Ставропольскую и Тифлисскую).

Горская окружная двухклассная школа во Владикавказе была пока единственным казенным заведением в Осетии. Ее воспитанниками являлись преимущественно местные уроженцы. В отчете начальника Осетинского округа содержатся данные о количестве учеников горской школы по годам:

²⁸⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

²⁸⁷ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 31.

²⁸⁸ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 97-98.

«В Горской школе воспитывалось осетин:

В 1861 году	30
1862	36
1863	33
В 1864 акад. году	64
1865	74
1866	80
1867 и 1868 акад. году	68».

В числе воспитанников в отчете показаны и 27 учеников, с 1864 г. обучающихся за счет Общества восстановления православного христианства на Кавказе²⁸⁹ (о самом Обществе будет сказано ниже).

Хотя горские школы и предназначались для детей местной элиты, их учреждением декларировалась цель правительства и кавказской администрации — приблизить образование к народу и дать возможность детям из местной среды продолжать обучение в учебных заведениях региона.

Радикализм новой учебно-административной реформы Барятинского к ожидаемым результатам, впрочем, не привел. Передача функций руководства учебным процессом региональным администрациям и лицам, не имеющим никакого отношения к образованию, да еще и обремененным своими непосредственными обязанностями, повлекла за собой неблагоприятные последствия, и не только в области управления образованием. При отсутствии единого руководящего центра действия разных дирекций оказывались несогласованными и часто прямо мешали учебному процессу. Бывало даже, что ученики одной кавказской гимназии не могли переходить в другую из-за существующих различий в учебных курсах, которые вводились по усмотрению местных властей. С другой стороны, и само губернское и областное начальство часто не умело

²⁸⁹ Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869 года // Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе. С. 316.

Михаил Николаевич, великий князь

найти общего языка с директорами подведомственных учебных заведений.

Что же касается образования, то Михаил Николаевич отводил ему роль «самой важной и самой радикальной» меры в ряду тех, которые могли быть приняты «в целях прочного нравственного скрепления горских народностей с Россией»²⁹⁰. Новый наместник был убежден в силе «духовного воспитания» горцев, которое одно могло повер-

²⁹⁰ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению. С. 98.

нуть их на путь «гражданственности», что составляло особый долг и «ближайший интерес» правительства. «Если справедливо вообще, что только духовное оружие может довершить и скрепить окончательно покорение всякой народности, то это в весьма большой степени справедливо и в отношении кавказских горцев», — писал он в своем отчете²⁹¹. По мнению нового наместника, главная задача образования горцев состояла в возможно более широких действиях по развитию начального народного образования, в которое была бы вовлечена основная масса населения. В то же время, развитие народного образования в крае должно было идти по пути сближения учебной части с системой, существовавшей в империи.

К началу 1860-х гг., несмотря на появление школ особого типа и открытие новых уездных и начальных училищ, число которых к этому времени достигло 98 (см. табл. 1), количество государственных учебных заведений в Кавказском учебном округе было явно недостаточным для достижения сформулированных наместником задач. Начальные школы не только не удовлетворяли реальным потребностям в образовании местных народов, но и не могли составить конкуренции мусульманским учебным заведениям, где активно пропагандировались идеи ислама. На это указывал еще М. С. Воронцов, когда писал военному министру А. И. Чернышеву: «На 500000 душ мужского пола здешнего мусульманского населения, разделенного почти поровну на шиитов и суннитов, приходится 700 мечетей со школами и 3000 мулл, занимающихся как первоначальным, так и окончательным образованием мусульман...»²⁹² Подавляющая часть местного сельского населения по-прежнему пребывала вне формирующегося образовательного пространства. Создание школы «для народа» оставалось актуальным направлением в административной деятельности кавказского руководства.

²⁹¹ Там же. С. 99.

²⁹² АКАК. Т. X. С. 127.

И в этом проблема начальной школы на Кавказе была созвучна настроениям, царившим в Петербурге, где в начале 1860-х гг. активно разрабатывались проекты «устройства элементарных школ и училищ разных ведомств». Вопрос об организации системы начального образования был выделен в качестве самостоятельного, над которым работала специально созданная комиссия из представителей нескольких министерств: народного просвещения, государственных имуществ, уделов, внутренних дел и финансов, а также православного духовного ведомства²⁹³. Проблема начального народного образования обсуждалась и в особой комиссии о сельских школах при редакционных комиссиях по крестьянскому вопросу. Мнения участников обсуждения, высказываемые по поводу сельских школ, довольно заметно разнились: например, в Министерстве народного просвещения признавали невозможным обязательное открытие сельских училищ, полагая, что этот вопрос следует предоставить доброй воле самих сельских обществ при условии их материальной поддержки со стороны правительства и передаче их в ведение МНП²⁹⁴. Святейший Синод в свою очередь выражал недовольство тем, что при составлении проекта не были приняты во внимание открытые силами духовного ведомства приходские школы (а их в России насчитывалось 9283 со 159000 учащихся), и протестовал против приоритета МНП в сфере начального образования. В отзыве Св. Синода говорилось, что «духовенству должно предоставить в первоначальной народной школе естественное законное первенство»²⁹⁵. После длительных дискуссий это мнение и было положено в основу дальнейших действий по организации начальной школы.

Исходя из необходимости противостояния мусульманскому духовенству на завершающем этапе Кавказской

²⁹³ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 370.

²⁹⁴ Там же. С. 371.

²⁹⁵ Там же.

войны, в Петербурге вновь задумались об активизации на Кавказе миссионерской деятельности православной церкви и ее учреждений. В их задачи входило теперь проведение усиленной пропагандистской работы по распространению и упрочению христианства среди горцев. Для этого требовалась более действенная, чем Осетинская духовная комиссия, структура, которая могла бы успешно противостоять в идеологической борьбе с исламом. 9 июня 1960 г. императором Александром II был дан указ кавказскому наместнику об учреждении «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» (ОВПХ) и утвержден его устав²⁹⁶. Согласно уставу, организационным центром Общества стал г. Тифлис «как центр главного управления на Кавказе».

Обществу покровительствовала сама императрица. В организационном отношении оно находилось под управлением кавказского наместника, практическое же ведение дел возлагалось на совет Общества под вице-председательством экзарха Грузии²⁹⁷. Денежные средства ОВПХ формировались из членских взносов, пожертвований, а также специальных траншей из государственного казначейства, поступавших с 1862 г. Основное внимание Общества как организации миссионерской было обращено на «восстановление и упрочение христианства там, где оно только в упадке, именно: в Самурзакани, в Сванетии, Южной Осетии, у тушин, пшавов и хевсур, откуда свет христианства впоследствии проникнет в Абхазию, к балкарцам и карачаевцам, в Северную Осетию, к кистинам и другим чеченским племенам». Однако в число первостепенных обязанностей Общества входило «учреждение в аулах и других местах, для распространения Православно-Христианского образования, школ для детей горских семейств»²⁹⁸.

²⁹⁶ ПСЗ-II. Т. XXXV. № 35897. С. 730-735.

²⁹⁷ Там же. С. 730.

²⁹⁸ Там же. С. 731.

Для реализации намеченных планов ОВПХ признало необходимым: «1) Перевести священные богослужебные книги на осетинский, абхазский, сванетский и кистинский языки... 2) По мере средств Общества, восстанавливать ныне существующие в горских приходах церкви и на место старых строить новые... 3) Снабдить миссионеров, в отношении образа действий их, соответствующую цели их, инструкцию... 4) Открыть при Тифлисской и Ставропольской семинариях особые классы для преподавания языков горских племен, и вообще для образования духовных лиц, предназначенных для проповеди слова божия в горах»²⁹⁹.

Таким образом, на Общество помимо собственно миссионерских задач были возложены также обязанности по распространению грамотности среди местных народов. ОВПХ взяло на себя решение проблем, от которых устранилось государственное ведомство в лице Министерства народного просвещения. Основное внимание МНП традиционно сосредоточивало на вопросах обеспечения школами детей служивших в крае офицеров и российских чиновников и не вторгалось в сферу организации народного образования для горцев³⁰⁰. Начиная с 1860-х гг. Обществу восстановления православного христианства на Кавказе принадлежит ведущая роль в процессе становления в Терской области начальной народной школы, предназначенной для беднейших слоев горского населения. В ведение ОВПХ перешли все учебные заведения упраздненной Осетинской духовной комиссии, а также новые приходские школы. Ко времени его создания в приходах Владикавказского округа уже существовало около 10 таких школ³⁰¹. Но они не были достаточно обеспечены ни кадрами, ни финансами, и потому мало соответствовали своему назначению — воспитывать горцев в духе христианства.

²⁹⁹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 112.

³⁰⁰ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 39.

³⁰¹ См., например, список приходских школ Осетинского округа: НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 27-28.

В этом отношении выделялось только Владикавказское четырехклассное духовное училище, которое являлось «единственным рассадником христианского просвещения между осетинами»³⁰².

Поэтому уже в первые годы своего существования Общество принялось за создание новых школ. Они устраивались по одной во всех приходах, где «существовала письменность». Преподавание в этих школах поручалось местному духовенству, а первоначальным языком обучения признавался местный («природный») язык «как более удобный для элементарного образования». Русский язык, как и другие предметы, становились факультативными и преподавались только по достижении учениками определенного уровня в освоении грамоты родного языка³⁰³.

16 мая 1863 г. новый кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич утвердил «Правила о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе». «Правилами...» определялся как тип школы для основного населения Кавказа — приходская школа, так и ее цели — «воспитание детей горских семейств в духе православной христианской веры и распространение необходимых по образу жизни горцев, нуждам и занятиям их сведений»³⁰⁴. «Правила...» в полной мере отразили взгляды кавказского руководства на цели просвещения в горской среде, которые имели не столько образовательный, сколько миссионерский характер.

Школы предписывалось открывать во всех христианских приходах, а все расходы по обеспечению образовательного процесса относились на счет Общества. Предполагалось, что приходские школы станут «подвижно-очередными» — одна школа должна была действовать в одном

³⁰² Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 115.

³⁰³ Там же. С. 115, 124.

³⁰⁴ Там же. С. 116.

селении два-три года, чтобы как можно большее количество детей могло получить полное первоначальное образование, а затем переводилась бы в другое селение³⁰⁵.

Приходские школы делились на одноклассные, которые должны были открываться во всех приходах, и двухклассные — только в тех приходах, где это сочтет необходимым само Общество. Одноклассные школы делились на два разряда: в школы первого разряда набиралось не менее 20 учеников, в школы второго — 10-15 детей. Одноклассный курс обучения длился два года, а двухклассный — четыре. Образование «горского юношества» в приходских школах возлагалось на местное духовенство, хотя право занятия учительской должности в приходской школе имели лица «всякого звания и состояния, соединяющие в себе условия для занятия сих должностей необходимые»³⁰⁶.

Важным достижением в образовательной практике приходских школ стало первоначальное обучение детей горцев на родном языке. Разговорный и письменный русский язык включался в учебный курс в качестве отдельных дисциплин. В ходе занятий применялся метод взаимного обучения. Характерно, что для расширения кругозора детей горцев Общество обязывалось снабжать подопечные школы литературой «преимущественно на природном языке»³⁰⁷.

Энтузиазм членов Общества в просвещении горцев сказался в открытии при двухклассных школах «для постоянного приюта бедных детей, либо желающих из учащихся» пансионеров на 30 воспитанников, из которых 20 должны были постоянно содержаться за счет средств Общества³⁰⁸.

³⁰⁵ Там же. С. 117.

³⁰⁶ Там же. С. 120.

³⁰⁷ Там же. С. 119.

³⁰⁸ Там же. С. 117; см. также: Рапорт исправляющего должность начальника управления западного военного отдела Терской области начальнику области об Открытии в Осетии приходских школ

Приходские школы рассматривались как начальный этап, пройдя который каждый ученик по ходатайству благочинного и с разрешения совета Общества имел право поступления в учебное заведение духовного ведомства более высокой ступени: выпускники одноклассных школ — в двухклассные, выпускники двухклассных школ — в высшие духовные училища³⁰⁹. Так в образовательной практике на Кавказе впервые прозвучала идея непрерывности образования.

Таким образом, ОВПХ стояло на принципах открытости и всеобщности образования. Другим важным принципом его деятельности на ниве просвещения стало привлечение местного населения к образовательному процессу: сельские общества обязывались предоставить помещение для устройства школ и обеспечивать их дровами для отопления. Так подспудно Общество воздействовало на общественное сознание горцев, распространяя в местной среде идею о необходимости образования и поддержке школы.

В планах ОВПХ было открытие новых школ в 27 осетинских приходах³¹⁰. Однако материальные возможности самого Общества были недостаточными для осуществления всех инициатив в полном объеме. Поэтому первоначально двухклассные приходские школы предполагалось устроить в плоскостных селениях, более обеспеченных по сравнению с горскими, сообразно четырем осетинским обществам: для Тагаурского общества — в сел. Гизель, для Куртатинского — в Кадгароне или Суадаге, для Дигорского — в Вольно-Христиановском, а для общества, «расположенного на правом берегу Терека» (Тагаурского. — *Авт.*), — в Хумалаге или Батако-Юрте. Этот выбор объяснялся удобным расположением сел в окрестностях Владикавказа или ст. Ардон — «единственных в округе (Осетинском.

ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе // Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 125-126.

³⁰⁹ Там же. С. 121.

³¹⁰ Там же. С. 127.

— *Авт.*) торговых пунктах, откуда могут быть добываемы необходимые предметы для содержания пансионеров и близ леса, обеспечивающего школы отоплением»³¹¹. Что касается устройства школ в горных районах, то окружное руководство посчитало этот способ «для распространения грамотности между жителями Осетии, обитающими в горах», неудобным и «почти невозможным»³¹².

Тем не менее, приходские школы открывались и в горских приходах, хотя медленно и в недостаточном количестве. Уже в эти ранние годы становления школьного дела в Осетии местное крестьянство было заинтересовано в том, чтобы дети могли обучаться в школе. Когда, например, в 1871 г. из-за плохих условий закрылась приходская школа в высокогорном сел. Нар, местные жители общественным приговором постановили на собственные средства в том же году выстроить новое, удобное для занятий, школьное здание³¹³. Судя же по данным на 1 января 1873 г. об учебных заведениях и численности учащихся, представленным начальником Осетинского округа полковником А. Ф. Эглау, к этому времени в Осетии действовало 16 школ, часть которых была открыта и в горских приходах (Хидикусская, Мизурская, Даргавская, Садонская). Во всех этих школах обучалось чуть более 700 детей обоего пола³¹⁴. Несколькими годами ранее, по состоянию на 1 января 1869 г., в Осетии существовало 20 приходских школ (18 для мальчиков и 2 для девочек), где обучалось 393 человека³¹⁵. Содержание всех этих школ было непосильно для Общества, которому приходилось запрашивать средства у областного начальства³¹⁶. Кроме того, часть школ в приходах закрывалась либо по распоряжению инспектора училищ, находящихся

³¹¹ Там же. С. 124.

³¹² Там же. С. 126.

³¹³ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 69. Л. 5-6.

³¹⁴ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 131-133.

³¹⁵ См.: Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869 года. С. 316.

³¹⁶ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 126-127.

ся в ведении Общества (например, Хидикусская³¹⁷), либо из-за неприбытия учителей (Батакоюртовская). Но несмотря на объективные трудности, приходские школы продолжали функционировать, и уже к 1875 г. их число вновь увеличилось до 20, причем сюда входило и пять школ для девочек: Ольгинская, Хумалагская, Даргкохская, Ардонская, Салугарданская³¹⁸, открытых в начале 70-х гг. XIX в. при поддержке ОВПХ³¹⁹.

Роль приходских школ в формировании образовательного потенциала Осетии несомненна. «Все, что существует по учебной части, составляет прямую заслугу Общества восстановления православного христианства на Кавказе, иждивением которого учреждены в округе самые рациональные учебные заведения — это приходские школы», — подчеркивали в окружной администрации. Несомненно также и то, что именно приходские школы стали основным и «ближайшим проводником твердых и основательных начал гражданской и духовной жизни» в крае³²⁰, своеобразными центрами пропаганды идей российской государственности в среде горского крестьянства. Общество взяло на себя организацию и практическую деятельность системы начального образования в Осетии, предназначенного для беднейших слоев горского крестьянства. Официально находясь в непосредственном управлении кавказского наместника, оно согласовывало свои шаги в педагогической сфере, в том числе и при составлении программ для начального обучения горцев, с местной администрацией³²¹.

Православие послужило также фактором развития в Осетии и женского образования, которое занимает отдельную страницу в истории становления здесь системы

³¹⁷ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 17.

³¹⁸ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 138.

³¹⁹ История Осетии. В 2-х томах. Владикавказ, 2012. Т. 2. История Осетии в XIX — начале XX века. С. 326.

³²⁰ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 123.

³²¹ Там же. С. 128.

народного просвещения. Этот сюжет интересен не только сам по себе, но и в контексте изменений в правительственной образовательной политике в целом.

Накануне предстоящих либеральных реформ под давлением общественного мнения правительство вынуждено было обратиться к вопросу о женском образовании. С конца 50-х гг. в правительственных верхах при участии дворянства и городской общественности стали разрабатываться подходы к решению вопроса о женском образовании. Проект положения о женских училищах, подготовленный попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, был одобрен в апреле 1858 г. Главным правлением училищ, которое внесло в него две существенные поправки: училищам необходимо придать «характер частных заведений для того, чтобы упростить способы устройства и управления новых училищ и тем содействовать их скорейшему развитию», и поручить распоряжение средствами, поступающими от правительства, начальнице училища, для которой было установлено «почетное звание попечительницы»³²². 30 мая 1858 г. появляется «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения»³²³. Бывшее прежде делом частной инициативы, женское образование в стране получило, наконец, официальное оформление и вышло за узкосословные рамки.

Женские учебные заведения объявлялись открытыми и разделялись на два разряда (с шести- и трехгодичным курсом), имеющих одну цель: «сообщать ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства»³²⁴. Преподавание в этих училищах должно было вестись по программам и руководствам, утверждаемым МНП, а преподавательский состав — формироваться из профессиональных педаго-

³²² Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 372-373.

³²³ ПСЗ-II. Т. XXXIII. Отд. 1-е. №33221. С. 689-691.

³²⁴ Там же. С. 690.

гов. В финансовом же отношении новые женские училища всецело зависели от добровольных пожертвований со стороны частных лиц, ведомств и сословий.

Но даже столь стесненные финансовые обстоятельства, в которые ставило Положение новые учебные заведения, не помешали их быстрому распространению. «Если и далее пойдет так, — говорилось в отчете министра за 1858 г., — то просвещение в России получит сильное подкрепление, ибо никто и ничто не может иметь такого благотворного влияния на первоначальное образование юношества, как просвещенная мать»³²⁵. Через два года, 10 мая 1860 г., было издано новое «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения», которое отличалось от предыдущего главным образом в части, касающейся порядка управления этими учебными заведениями. Теперь женские училища оказывались в попечении начальника губернии, а при каждом училище учреждались попечительский и педагогический советы³²⁶. Уже к 1865 г. в России действовало 123 женских училища первого и второго разрядов с 9000 учениц, находящихся в ведении МНП³²⁷. Впоследствии на базе этих училищ возникли женские гимназии и прогимназии.

Однако эти несомненно позитивные сдвиги в отношении правительства к образованию девушек не отразились на положении женского образования в Осетии. Здесь оно развивалось практически исключительно благодаря подвижничеству духовенства и отдельных лиц.

Наибольшую известность получила школа для осетинских девочек, учрежденная священником, инспектором Владикавказского духовного училища и протоиереем Осетинской церкви во Владикавказе Алексеем (Аксо) Колиевым, с чьим именем связывается начало женского образо-

³²⁵ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 373-374.

³²⁶ ПСЗ-П. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35780. С. 532-535.

³²⁷ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 456.

вания в Осетии. В рапорте на имя владикавказского епископа Иосифа, поданного еще в декабре 1861 г., Колиев просил его ходатайствовать перед Комитетом Общества восстановления православного христианства на Кавказе о разрешении открыть во Владикавказе осетинскую женскую школу для девочек-осетинок³²⁸. По мысли Колиева, девочек первоначально, «в виде опыта», следовало обучать одному осетинскому языку и основам христианства. Школа начала действовать с 10 мая 1862 г.³²⁹, а уже в ноябре Колиев констатировал, что «учреждение школы для девиц есть не плод фантазии, но вещь удобно выполняемая, и может иметь важное значение в деле общественного образования Осетин»³³⁰.

Аксо (Алексей) Бесаевич (Виссарионович) Колиев

³²⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 25-26.

³²⁹ Там же. Д. 64. Л. 5.

³³⁰ Там же. Л. 6.

Первые несколько лет школа помещалась в доме самого священника, который был готов взять на себя и все расходы: «жалованье учителю... которого имею уже в виду, учебные пособия и квартиру для помещения школы и проч., что будет нужно»³³¹. По учебной программе она приближалась к двухклассной начальной и имела, скорее, миссионерские цели. Поначалу в числе учениц школы было 10 девочек. Однако сам Колиев был уверен в необходимости расширения как учебной программы школы, так и увеличения числа ее учениц за счет девочек из близлежащих селений³³², у жителей которых не было средств на образование своих дочерей. Проект же учебной программы для двухклассной школы, составленный Колиевым, включал осетинский язык, Закон Божий, русский язык, арифметику и географию. При этом Колиев особо подчеркивал, что «родной язык должен стоять как при оценке познаний, так и при изучении его, степенью выше... Русский язык должен быть более или менее как вспомогательное средство к развитию»³³³.

В 1866 г., уже после смерти Колиева, по ходатайству епископа школа была преобразована в трехклассную и переведена на содержание ОВПХ³³⁴. Она открылась 20 ноября 1866 г. Теперь школа была рассчитана на 25 воспитанниц и содержала пансион. «Цель этого заведения, — писал начальник Осетинского округа А. Ф. Эглау, — кроме распространения грамотности и здравых понятий между женщинами, заключается еще и в ознакомлении их с домашним хозяйством; для последней цели в настоящее время делаются большие перестройки в доме, занимаемом

³³¹ Там же. Д. 63. Л. 25.

³³² См.: Там же. Д. 64. Л. 5.

³³³ Гостиева Л. К. Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ, 2014. С. 75.

³³⁴ Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 18.

училищем, чтобы приспособить его к удобному ведению домашнего хозяйства»³³⁵. В честь супруги кавказского наместника великой княгини Ольги Федоровны, покровительствующей кавказским женским учебным заведениям, школу назвали Ольгинской. Педагогический персонал обновленной школы был гораздо лучше подготовлен к учительской деятельности: среди учителей были выпускники Тифлисского и Петербургского учебных заведений, а «добросовестным выполнением своего назначения [заведение] приобрело себе прочную и почтенную репутацию»³³⁶. В 1868 г. по распоряжению наместника школа эта в учебном и воспитательном отношении была переподчинена непосредственному ведению инспектора Владикавказской реальной прогимназии Стоянова³³⁷. В школе практиковались элементы взаимного обучения, когда старшие воспитанницы занимались в приготовительном классе с вольноприходящими ученицами и даже получали за свой труд определенное вознаграждение (100 руб.)³³⁸.

Владикавказская Ольгинская школа в трансформированном виде просуществовала вплоть до революции. С начала 1891 г. постановлением Совета ОВПХ школа была преобразована в осетинский Ольгинский женский приют, предназначенный собственно для осетинских девочек³³⁹. Здание, в котором помещался приют, принадлежало известным владикавказским купцам С. М. Киракозову и Б. Г. Оганову. Учебный курс этого заведения предполагал

³³⁵ Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869 года. С. 317.

³³⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 19.

³³⁷ Там же. Д. 43. Л. 27.

³³⁸ Там же. Л. 26.

³³⁹ Указом Св. Синода от 4 августа 1901 г. осетинский Ольгинский женский приют в учебно-воспитательном и хозяйственном отношении был передан в непосредственное ведение епископа Владикавказского и Моздокского, преосвященного Владимира, с ежегодным отпуском на его содержание из сумм Совета ОВПХ 5740 р. (Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 169).

трехклассное образование (по два года в каждом классе) и включал дополнительный подготовительный класс³⁴⁰. В 1916 г. Ольгинский женский приют был преобразован в женскую второклассную учительскую школу. За все годы ее существования Ольгинскую школу окончили десятки осетинских девушек, многие из которых посвятили себя учительству.

Значение Ольгинской женской школы велико не только для Осетии. Ее учреждение ознаменовало новую эпоху в деле народного просвещения на Северном Кавказе, открыв девушкам из низших сословий доступ к образованию значительно раньше, чем в других областях Кавказа и в самой России. Раннее появление женского образования в Осетии стало знаковым «феноменом осетинской культуры»³⁴¹. Открытие школы во Владикавказе дало толчок к развитию женского образования в регионе.

На год раньше школы А. Колиева, в июне 1861 г., во Владикавказе по инициативе местной интеллигенции открылась элементарная женская школа для вольноприходящих детей всех сословий без различия вероисповедания. Обучение здесь было бесплатным, а само училище находилось под покровительством помощника начальника Терской области Д. И. Святополк-Мирского. Для поддержания училища в материальном и учебном отношении было образовано благотворительное общество. Оно собирало частные пожертвования и устраивало спектакли, сборы от которых шли на училищные нужды. Целью училища было дать образование и первоначальное воспитание девочкам из бедных семей. Учебная программа включала Закон Божий, русский язык, краткую историю России, арифметику, географию и рукоделие³⁴².

³⁴⁰ См.: Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 169-174.

³⁴¹ История Осетии. Т. 2. С. 326.

³⁴² Там же. С. 330.

В 1867 г. школа была преобразована в женское училище второго разряда, названное Ольгинским³⁴³. По учебной программе Ольгинское женское училище приближалось к женской прогимназии с шестигодичным курсом — по два года в каждом классе и приготовительный класс с двумя отделениями³⁴⁴. Таким образом, система обучения в Ольгинском училище позволяла его выпускницам продолжить образование в женских гимназиях. В 1874 г. училище было преобразовано в гимназию, при которой с 1893 г. открылись педагогические курсы.

Спустя два-три года после открытия женских школ в Осетии, в апреле 1864 г. начало свою работу женское училище 1-го разряда в Тифлисе, учрежденное попечением великой княгини Ольги Федоровны. Училище было доступно для девушек всех званий и состояний. В ноябре 1870 г. на его базе была открыта женская гимназия. Следом, в 1865 г., возникли низшие женские училища в Темир-Хан-Шуре, Пятигорске, Дербенте и Закаталах³⁴⁵, а в 1870 г. появилось Сухумское женское училище, преобразованное вскоре в прогимназию³⁴⁶. В начале 1870-х гг. в разных населенных пунктах Кавказского наместничества было основано 17 новых начальных женских училищ, где в 1872 г. воспитывалось или обучалось 2757 девушек, а в частных пансионах — 908. За небольшой промежуток времени общее число учениц женских учебных заведений в крае увеличилось втрое³⁴⁷.

Как видно, уже в первые годы наместничества Михаила Николаевича учебное дело на Кавказе заметно оживилось: возросло общее количество учебных заведений, в систему образования влились женские училища, появились начатки профессионального образования, ведущегося в реальных училищах и специализированных прогимнази-

³⁴³ Канукова З. В. Указ соч. С. 116.

³⁴⁴ Габеев А. Я. Указ. соч. С. 18.

³⁴⁵ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 50.

³⁴⁶ Там же. С. 66.

³⁴⁷ Там же.

Воспитанницы Владикавказской Ольгинской школы. 1873 год

ях, в три раза по сравнению в середине 1850-х гг. выросло число учеников в учебных заведениях разного типа (см. табл. 5, 6).

Владикавказ. Ольгинская женская гимназия

Однако успехи, достигнутые в сфере народного просвещения, не могли затушевать серьезных недостатков, препятствующих развитию школьного дела на Кавказе. Главным из них исследователи справедливо называют ведомственность. «Правительству постоянно приходилось координировать самостоятельные и разрозненные действия Святейшего Синода, экзархата Грузии, Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел (как и по всей России осуществлявшего общий политический надзор за кавказскими школами), Военного министерства, Штаба Кавказской армии (руководившего своими учебными заведениями), Министерства финансов (содержащего за счет государственного казначейства часть правительственных школ на Кавказе) и, наконец, администрации наместника — его главного управления (под юрисдикцией которого находился Кавказский учебный округ)», — подчеркивает Л. С. Гатагова³⁴⁸.

³⁴⁸ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 43.

Таблица 5

Число учебных заведений по разрядам в 1865 г.
(за исключением мечетских школ)

№	Дирекции	Гимн. класс. и реальные	Прогимн. класс. и реальные	Уездн. (окр.) училища	Начальные учи- лища	Женские училища	Всего училищ
1	Тифлисская	2	-	4	95	7	108
2	Кутаисская	1	-	2	6	1	10
3	Ставропольская	1	-	5	72	2	80
4	Кубанская	1	-	3	6	1	11
5	Бакинская	-	1	4	9	-	14
6	Эриванская	-	-	3	13	-	16
ИТОГО		5	1	21	201	11	239

Источник: Модзалевский Л. Указ. соч. С. 51.

Примечание: Данные по Терской дирекции включены Л. Модзалевским в сведения по Ставропольской дирекции. В 1866 г. Терская дирекция народных училищ и вообще все горские школы в Терской области и Дагестане были изъяты из учебного ведомства и переданы в подчинение Военному министерству (Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 42, 47).

Преодолению ведомственных разногласий во многом способствовало принятие нового Положения об учебной части на Кавказе и за Кавказом от 25 июня 1867 г.³⁴⁹ В нем были зафиксированы изменения в общей стратегии управления образованием в наместничестве и ее ориентацию на сближение всей системы образования в регионе с принятой Министерством народного просвещения. Положение реанимировало прежнюю структуру образовательной системы на Кавказе в виде пяти дирекций (Тифлисской, Ставропольской, Кубанской, Кутаисской, Бакинской) и одной инспекции (Эриванской). 9 декабря того

³⁴⁹ ПСЗ-II. Т. LXII. Отд. 1-е. № 44748. С. 1016-1032.

же года восстанавливался Кавказский учебный округ³⁵⁰, а 13 января 1868 г. — и должность попечителя округа³⁵¹, которую занял Я. М. Неверов.

Таблица 6
Число учащихся по разрядам учебных заведений в 1865 г.

№	Дирекции	Гимн. с пансионами	Прогимназии	Уездн. (окр.) училища	Начальные училища	Женские училища	Учащихся и неучащихся	Частных училищ
1	Тифлисская	875	-	544	2392	428	4239	1290
2	Кутаисская	566	-	137	237	50	990	
3	Ставропольская	391	-	471	3607	327	4796	
4	Кубанская	167	-	347	365	122	1001	
5	Бакинская	-	147	458	456	60	1121	
6	Эриванская	-	-	449	721	40	1210	
7	Общества восстановления христ. на Кавказе	-	-	-	964	-	964	
ИТОГО		1999	147	2406	8742	1027	15611	

Источник: Модзалевский Л. Указ. соч. С. 51.

Принципы унификации учебного дела на Кавказе с российской школой, заложенные в документе, выразились в том, что к средним учебным заведениям был применен общий устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г., деливший их на классические и реальные «сообразно местным в тех и других потребностям»³⁵², а к народным училищам — Положение о начальных народных училищах от 14 июля того же года³⁵³. (Характерно, что в проекте Положения о начальных народных училищах

³⁵⁰ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 65.

³⁵¹ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 60.

³⁵² См.: ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 2-е. № 41472. С. 167-179.

³⁵³ См.: Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 450.

нашли отражение отзвуки регионалистского подхода к начальному обучению. В числе общих принципов, на которых, согласно проекту, должно было основываться Положение, значились: разделение училищ на нормальные, учреждаемые МНП, и начальные, учреждаемые обществами и частными лицами; необязательность преподавания, предоставляемого выбору обществ и частных лиц; «чтобы не внушить населению отвращения к школе, являющейся проводником русского влияния», разрешалось обучение на «местном наречии» с последующим переводом его на русский язык. В устройстве и учебных программах начальных училищ предполагались отступления, вызванные местными условиями³⁵⁴. Однако при рассмотрении проекта Положения о начальных народных училищах в Государственном совете из него были изъяты статьи, допускающие отступления от общих училищных программ сообразно местной специфике, в том числе и те, которые касались языка обучения, «так как правительство должно озабочиваться развитием общей русской грамотности, а не местных наречий»³⁵⁵.)

Наместнику было предложено вводить новое Положение постепенно, «по мере открывающихся денежных средств». Согласно документу, в подчинение учебного округа переходили все учебные заведения наместничества, находившиеся в ведомстве Министерства народного просвещения. В 1869 г. к округу отошли также и учебные заведения, бывшие в распоряжении Кавказского горского управления³⁵⁶. Таким образом, к концу 1860-х гг. управление образованием на Кавказе осталось за двумя руководящими центрами — Министерством народного просвещения и Св. Синодом.

Терская дирекция училищ со всеми ее учебными учреждениями, в т.ч. Владикавказской и Нальчикской

³⁵⁴ Там же. С. 446, 448.

³⁵⁵ Там же. С. 450.

³⁵⁶ См.: ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. № 47847. С. 415.

горскими окружными школами и начальной школой в кр. Грозной, еще в 1866 г. передавалась в ведение начальника Терской области. Уездное училище в Дербенте и горское окружное училище в Темир-Хан-Шуре оставались в распоряжении начальника Дагестанской области.

Сама Владикавказская горская школа 30 ноября 1867 г. в полном составе поступила в пансион учрежденной в городе реальной прогимназии, хотя и сохранила свою организацию в виде Владикавказского горского пансиона и подчиненность окружному управлению³⁵⁷.

К 1-му января 1869 г. во Владикавказском горском пансионе обучалось 167 мальчиков, среди которых почти половина (81 человек) была представлена горцами (68 осетин, 9 ингушей, 3 кумыка и 1 кабардинец). Из 75 русских учеников 28 происходили из казачьего сословия. Подавляющее большинство учеников пансиона происходили из дворянско-чиновничьей (76 человек) и горской социальной элиты (60 человек)³⁵⁸.

Все воспитанники пансиона считались приходящими учениками реальной прогимназии. В этом учебном заведении с четырехклассным курсом обучения более углубленно изучались естественные науки и математика. Лучшие казеннокоштные выпускники Владикавказской реальной прогимназии переводились в Ставропольскую классическую гимназию, при которой в 1866 г. было открыто реальное отделение для горцев. Однако абитуриенты должны были сдать вступительный экзамен по латыни — одному из обязательных древних языков, включенных в учебные программы классических гимназий, поэтому во Владикавказской прогимназии практиковался частный курс латинского языка³⁵⁹.

Реальная прогимназия во Владикавказе, открытая по инициативе начальника Терской области М. Т. Лорис-Ме-

³⁵⁷ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп.1. Д. 67. Л. 2, 3.

³⁵⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 136. Оп. 1. Д. 17. Л. 11об.

³⁵⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп.1. Д. 67. Л. 6.

ликова с 1 января 1868 г., стала прообразом среднеспециального учебного заведения. Осетинские мальчики — ученики бывшей горской школы — обучались в ней за счет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Судя по отчету начальника Осетинского округа, к 1869 г. во Владикавказской прогимназии обучалось 27 мальчиков «из осетин», на содержание которых Общество выделяло 2160 руб. в год³⁶⁰. Через год после открытия Владикавказская прогимназия перешла из ведения Военного министерства под начало МНП³⁶¹, оставаясь единственным казенным общеобразовательным учебным заведением в Терской области и вторым (после Ставропольской гимназии) — на Северном Кавказе, где могло получать образование горское юношество.

Михаил Таризович Лорис-Меликов

По мнению исследователей, весьма специфическое учебное учреждение, каким являлась горская школа, созданная в условиях военного времени и предназначенная для его нужд, не соответствовало ни одному из типов рос-

³⁶⁰ Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869. С. 321.

³⁶¹ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 60.

сийских школ и не вписывалось в общую систему народного образования, унифицируемую по общероссийскому образцу. Кроме того, окончание Кавказской войны повлияло на социальную ориентацию школьного дела как одного из направлений внутренней политики правительства по отношению к Кавказу. Теперь политические позиции Российской империи на Кавказе были несомненными, в связи с чем отпадала необходимость в лояльности местной элиты, для детей которой и создавались эти школы³⁶². Постепенная переориентация кавказской начальной школы в сторону ее профессиональной специализации отразилась на состоянии и положении горских училищ, что соответствовало взглядам на начальное образование самого кавказского наместника, который «впредь до общего переустройства горских училищ и вообще организации начального образования... признал полезным ввести в систему обучения горских мальчиков... занятия ремеслами и сельскохозяйственными работами»³⁶³.

Некоторые молодые люди из Осетии получали образование также в высших и средних специальных заведениях России и Кавказа. В отчете начальника Осетинского округа А. Ф. Эглау приводятся сведения о количестве учащихся к 1 января 1869 г.³⁶⁴:

«В Петровской академии сельского хозяйства	2
Техническом институте	1
Московской Земледельческой школе	2
Лачинской школе садоводства и сельского хозяйства	3
Окончили курс в Тифлисской Фельдшерской школе с званием Фельдшеров	5
Учащихся Фельдшерской науке при Алагирском госпитале	2

³⁶² Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 61.

³⁶³ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. С. 100.

³⁶⁴ Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869. С. 322.

Окончили во Владикавказской Ветеринарной школе с званием Фельдшеров	2
Обучается в той же Ветеринарной школе	1
	Всего 18»

Конечно, число этих учащихся не может считаться значительным, но и оно свидетельствует о заметных сдвигах в системе потребностей самого населения, в ряду которых образование постепенно начинает занимать свое место. Как подчеркивал в своем отчете А.Ф. Эглау, округ «находится в самых благоприятных условиях к развитию; народ трудолюбив, покорен, стремится к улучшению своего быта и начинает сознавать необходимость образования»³⁶⁵. Успехи горского юношества были отмечены и высшим руководством Кавказского наместничества, подчеркивавшим, что «по успехам они, в общей массе, не отстают от русских мальчиков, и очень многие из них первенствуют, причем замечено, что настойчивостью в труде отличаются особенно уроженцы Дагестана и осетины»³⁶⁶.

Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом 1867 г. стало последним специально разработанным для Кавказа нормативным документом. Оно определило цели образовательной политики в крае и регламентировало систему мер, направленных на слияние образовательного пространства Кавказского наместничества с общероссийским.

Как и в других областях административной деятельности, зигзаги в управлении учебным делом на Кавказе в 60-е гг. XIX в. определялись взглядами представителей высшего кавказского руководства, отвечая в то же время изменениям в общей политической линии, вырабатываемой центральной властью по отношению к Кавказу и его жителям. В системе мер по вовлечению населения Кавказа в общероссийское культурно-экономическое простран-

³⁶⁵ Там же. С. 318.

³⁶⁶ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. С. 102.

ство образованию отводилась важнейшая роль посредника и проводника государственных устоев. На это были ориентированы важнейшие законоположения, касающиеся народного просвещения.

Особое место в региональной системе образования начинают занимать начальные школы, устраиваемые для горцев Обществом восстановления православного христианства на Кавказе. Как особо подчеркивал начальник Терской области Лорис-Меликов, «развитие народного образования между горцами в духе соответствующем правительственным взглядам, составляет одну из настоятельнейших задач по управлению Терской Области и этот путь нужно считать единственно верным путем прочного присоединения горских народностей к империи»³⁶⁷. В целом в правительственной образовательной политике формулируются принципы унификации региональной школы с общероссийской, и к концу 1860-х гг. в управлении образованием на Кавказе остается лишь два руководящих центра — Министерство народного просвещения и духовное ведомство.

РЕФОРМЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 1870-х гг. и их влияние на образовательный процесс в Осетии

60-е гг. XIX в. в Кавказском наместничестве были отмечены ощутимыми подвижками в сфере народного образования. Во многом этому способствовала деятельность как Министерства народного просвещения, так и духовного ведомства, сосредоточившего свои усилия на формировании сети начальных школ для широких слоев горского населения в округах Терской области. Наиболее заметными изменения были на Северном Кавказе и в особенности в Осетии, где благодаря деятельности Общества восстановления православного христианства появились начальные учебные заведения для детей из низших сословий

³⁶⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 13. Л. 21об. — 22.

горцев. Обучение в приходских школах обеспечивалось из средств Общества и велось самими священниками. В Ставропольской губернии сельскими школами ведало Министерство государственных имуществ, в Кубанской области для казачьего населения открывались станичные школы, подведомственные местному войсковому начальству. Что касается Закавказья, то там начальное образование для низших слоев осуществлялось в церковно-приходских школах православного, армяно-григорианского и мусульманского духовенства. Все эти школы имели исключительно конфессиональный характер и не были поднадзорны учебному ведомству.

Усилия центральных правительственных органов в сфере образования в этот период были сосредоточены на унификации учебного дела в наместничестве и стандартизации системы народного просвещения на всех ее уровнях. Идеи унификации кавказской школы были заложены еще в Положении об учебной части на Кавказе и за Кавказом 1867 г. Последующие мероприятия правительства развивали это направление.

В 1870-е гг. были приняты еще более жесткие унифицирующие меры, причем касающиеся всей системы российского образования, что дало Л. Модзалевскому основания назвать этот период «преобразовательным» не только для кавказской, но и вообще для русской школы³⁶⁸. Вместе с тем, в Кавказском учебном округе, где высшая административная власть, в том числе и в сфере народного просвещения, принадлежала наместнику, правительство вынуждено было проводить более гибкую политику, считаясь с местными условиями и опасаясь осложнений в только что замиренном крае.

С другой стороны, введение в 1870 г. в Терской области гражданского управления вместо существовавшего военно-народного³⁶⁹ требовало от учебной части боль-

³⁶⁸ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 74.

³⁶⁹ См.: Кобахидзе Е. И. От «военно-народного» управле-

шей определенности и систематизации школьного дела. Расширение в области промышленного производства, интенсификация и повышение товарности сельского хозяйства, выполнение задач управления в новых социально-политических и экономических обстоятельствах — все это требовало соответствующих кадров. В крае очень скоро сформировалась настоятельная потребность в создании средней образовательной ступени, предназначенной для подготовки специалистов низшего звена, которые могли бы обеспечить экономическое развитие региона в изменившихся условиях хозяйственной и политической жизни.

Этим целям отчасти отвечала Владикавказская реальная прогимназия, открытая 1 января 1868 г. и, согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета, преобразованная в семиклассную реальную гимназию с 1 января 1870 г.³⁷⁰ Изменение статуса Владикавказской прогимназии и реорганизация ее в реальную гимназию означало появление в Осетии первого среднего учебного заведения.

Но сугубо утилитарные соображения правительства по поводу необходимости подготовки в крае специалистов «по всем отраслям промышленности и торговли»³⁷¹, а также нараставшие тенденции к обособлению высшего образования в стране в целом помешали развитию кавказских прогимназий как средних учебных заведений с общеобразовательным курсом, которые наравне с классическими гимназиями готовили учеников к поступлению в высшие учебные заведения, включая университеты.

ния к «гражданскому»: административная практика России на Центральном Кавказе в конце 50-х — начале 70-х гг. XIX в. // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 107-128.

³⁷⁰ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Первое пятилетие. 1867-1871. Тифлис, 1891. С. 222-224.

³⁷¹ Цит. по: Гагагова Л. С. Указ. соч. С. 76.

На рубеже 60-70-х гг. XIX в. в правительственных верхах разгорелась острая дискуссия по поводу соотношения реального и классического образования, статуса реальных прогимназий и характера обучения в классических гимназиях. После долгого обсуждения всего комплекса вопросов, касающихся стратегии развития среднего образования в стране, высочайше повелено было: «1) не допускать окончивших курс в реальных училищах ни в один из факультетов университетов; 2) не превращать существующих классических гимназий в реальные училища... 5) ... классические гимназии и прогимназии наименовать... просто гимназиями...; 6) реальные гимназии оставить на прежнем основании, впредь до обсуждения Государственным советом проекта особого устава реальных училищ»³⁷².

Коренная реформа системы образования в России началась с принятия 19 июня 1871 г. «Изменений и дополнений в Уставе гимназий и прогимназий 1864 г.». А уже 30 июля 1871 г. был утвержден новый «Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения»³⁷³. Этот акт существенно преобразил всю систему гимназического и среднеспециального образования в стране. Устав резко отграничивал классические гимназии от других учебных заведений, которые по положению 1867 г. приближались к гимназиям по образовательной программе, но были ориентированы на профессиональное обучение.

Принятый устав отменял прежнее деление гимназической ступени на классические и реальные гимназии и прогимназии, утверждая только один тип — собственно гимназии с углубленным изучением двух древних языков и математики. Цель гимназий заключалась в том, чтобы «доставлять воспитывающемуся в них юношеству общее образование» и одновременно служить «приготовитель-

³⁷² Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 525.

³⁷³ ПСЗ-II. Т. LXVI. Отд. 2-е. № 49860. С. 85-99.

ными заведениями для поступления в Университет и другие высшие специальные училища»³⁷⁴. Только за выпускниками гимназий сохранялось право поступления в университеты. Учебный курс прогимназии был приравнен к первым четырем классам гимназии. Так в результате реформы классическая гимназия стала основным типом общеобразовательного и сословного среднего учебного заведения.

Реформа, проведенная Министерством народного просвещения, застала кавказские гимназии на полпути к освоению классической системы 1864 г. Одни из них были реальными, другие — полуклассическими с одним латинским языком. Даже Ставропольская классическая гимназия еще не набрала опыта преподавания по новой системе, поскольку изучение древних языков началось там только с 1866 г. Кроме того, усвоение латыни и древнегреческого — языков, обязательных для гимназий по новому уставу, — было довольно сложным для местных уроженцев, большая часть которых только начинала осваивать и русский язык. Особенности трудности возникали с принятием министерского положения в Закавказье. В то же время, отступление от введенной гимназической системы могло закрыть кавказской молодежи доступ в университеты.

Новые правила в Кавказском учебном округе вступили в силу уже в январе 1872 г. Владикавказская реальная гимназия 3 января 1872 г. была преобразована в реальное училище с сохранением при нем горского пансиона. Несмотря на то, что училище имело сословный характер, высокая плата за обучение отсекала абитуриентов из низших сословий. К примеру, еще до реорганизации, во Владикавказской реальной гимназии в 1871 г. обучалось 280 учеников, из которых 222 были детьми чиновников и дворян, 10 человек — из духовного сословия, 44 — городских обывателей, 5 — сельских, 11 — «иностранноподданных».

³⁷⁴ Там же. С. 86.

В горском пансионе в 1869 г. из 167 воспитанников 76 происходило из дворян и чиновников, 28 — из казачьего сословия, 60 детей — из «почетных» горских фамилий, 3 — из духовенства³⁷⁵. К концу 90-х гг. XIX в. число учеников в училище выросло почти до 400. Учебная программа училища была рассчитана на 6 основных классов, в каждом из которых было по три параллели (с 1897-98 уч. г. в 5-м классе появилась еще одна параллель)³⁷⁶.

Вместе с тем, несмотря на искусственно пониженный статус, Владикавказское реальное училище сыграло значительную роль в развитии народного образования в Осетии. Оно давало своим воспитанникам прочные знания по разным областям, особенно по естественным наукам. К 1900 г. численность горцев в общем составе учащихся достигла 23,6%, причем среди них были представители разных народов Северного Кавказа: осетины, кабардинцы, балкарцы, чеченцы и др.

Владикавказское реальное училище

Новые положения Министерства народного просвещения, продолжающие реформу системы средних учебных

³⁷⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 136. Оп. 1. Д. 17. Л. 11-11об.

³⁷⁶ Терский календарь на 1898 год. С. LIV.

заведений, вышли в мае того же года. 15 мая 1872 г. был высочайше утвержден Устав реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения³⁷⁷. По мнению современников, этим актом была открыта новая эпоха в истории среднего образования в России³⁷⁸.

Реальные училища должны были заменить прежние реальные гимназии. Устав реальных училищ декларировал их цель, которая заключалась в предоставлении общего образования, «приспособленного к практическим потребностям и к приобретению технических познаний»³⁷⁹. Преподавание общеобразовательных предметов предполагалось вести параллельно с предметами специальными. По набору специальных курсов училища подразделялись на несколько групп. Местные потребности диктовали выбор формы обучения: училища могли быть как шестиклассными с полным общеобразовательным курсом, или с курсом 5-ти, 4-х, 3-х и 2-х старших классов. При этом 5-й и 6-й классы могли состоять из двух отделений: основного и коммерческого или одного из них. При основном отделении мог быть учрежден высший дополнительный класс, который готовил учеников по разным направлениям: 1. общим, предназначенным для подготовки учеников в высшие специальные училища; 2. механико-техническим и 3. химико-техническим.

В циркулярах МНП от 31 июля и 7 августа того же года разъяснялись основные положения нового устава, по которым реальные училища рассматривались как своеобразные малые или средние политехнические институты, призванные приносить пользу торговле и промышленности. С другой стороны, по замыслу министра народного просвещения Д. А. Толстого, реальные училища не должны были превращаться в профессиональные школы, которые сосредоточены исключительно на подготовке учени-

³⁷⁷ ПСЗ-II. Т. LXVII. Отд. 1-е. №50834. С. 626-636.

³⁷⁸ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 527.

³⁷⁹ ПСЗ-II. Т. LXVII. Отд. 1-е. №50834. С. 626.

ков к одной «промышленной» профессии. Напротив, как подчеркивалось в разъясняющих документах, реальные училища сохраняли общеобразовательный характер³⁸⁰.

Дмитрий Андреевич Толстой

Глава Министерства народного просвещения граф Толстой стремился к быстрому и неукоснительному осуществлению образовательной реформы, не допуская никаких компромиссов. «Без этого первого и важнейшего условия, — писал он в своем отчете за 1873 г., — напрасны были бы все материальные пожертвования и все нравственные усилия правительства на дело общественного воспитания,

³⁸⁰ См.: Циркулярное предложение г. министра народного просвещения: По поводу введения в действие устава реальных училищ. 31 июля 1872 года // Сборник распоряжений... Первое пятилетие. С. 807-808.

ибо как бы ни были совершенны и учебные планы и преподаватели учебных заведений, коль скоро заведения эти колеблются в самых своих основаниях, из них могут выходить молодые поколения не иначе, как бесхарактерные, без твердых нравственных правил, нравственно расслабленные и распущенные и не способные ни повиноваться, ни повелевать, буде впоследствии им выпадет на долю действовать на более высокой чреде служения престолу и отечеству»³⁸¹. Принципиальная позиция министра народного просвещения опиралась на высочайшую волю, изъявленную в рескрипте на имя графа от 25 декабря 1873 г., где говорилось о том, чтобы «положенные в основу общественного воспитания начала веры и нравственности, гражданского долга и основательности учения были ограждены и обеспечены от всякого колебания»³⁸².

Особенно министр настаивал на скорейшем преобразовании реальных гимназий в реальные училища и открытии новых училищ. На их устройство в 1873 г. МНП был выделен государственный кредит в 460 тыс. рублей, а в 1875-76 гг. — особые кредиты в 40430 и 23400 руб. на стипендии лицам, которые готовились в высших учебных заведениях к преподаванию в реальных училищах химии, механики и коммерческих наук³⁸³.

К концу 1870-х гг. новая система образования утвердилась в России окончательно. Несмотря на сложности, которые переживал Кавказский учебный округ с введением новой образовательной модели, реформа проводилась здесь во всей своей полноте. «Раз вступив на путь духовного объединения Кавказа с Империей, — подчеркивал по этому поводу Л. Модзалевский, — Кавказское высшее начальство должно было неуклонно следовать по тому же пути образования юношества, на который указывала ему Высочайшая воля, тем более что и сами туземные населе-

³⁸¹ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 530-531.

³⁸² Там же. С. 531.

³⁸³ Там же. С. 535.

ния края, благодаря сокращению времени и пространства, прежде столь резко отделявших их от общего отечества, все более и более примыкали к государственной, экономической и духовной его жизни»³⁸⁴. Все существовавшие прежде Положения об устройстве учебной части в Кавказском наместничестве были отменены.

Ход реформы в крае регламентировался высочайше утвержденными 22 ноября 1873 г. «Правилами о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих уставов гимназий, прогимназий и реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения»³⁸⁵. Этим актом учебные заведения Кавказского учебного округа были окончательно введены в общероссийскую образовательную систему, хотя для них и допускался ряд незначительных отступлений от основных положений.

Так, например, гимназиям Кавказского учебного округа было дано разрешение на открытие восьмого класса, впоследствии распространенное МНП на все русские гимназии. При Ставропольской гимназии временно сохранялось реальное отделение, предназначенное для горцев и потому переименованное в Горское. Но, начиная с третьего класса, для его воспитанников дополнительно вводились уроки математики, естествознания, химии, черчения и иностранных языков, что давало ученикам отделения возможность получить гимназическое образование с техническим уклоном. При реальных училищах сохранялись приготовительные классы, не предусмотренные общим Уставом. По усмотрению кавказского наместника в четырех низших классах всех средних учебных заведений допускалось преподавание всем желающим местных языков, правда, за дополнительную плату учителям. В Закавказских прогимназиях, как и в Кутаисской гимназии, отменялся греческий язык.

³⁸⁴ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 69.

³⁸⁵ ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 52808. С. 524-526.

В Правилах особо подчеркивалась обязательность преподавания всех предметов в учебных заведениях Кавказа на русском языке. В то же время кавказскому наместнику предоставлялось право принимать меры, способствующие облегчению местным уроженцам усвоения русского языка, о которых он обязывался доводить до сведения самого императора. А через три года были узаконены полномочия наместника по принятию «наиболее соответствующих мер... для доставления учащимся в учебных заведениях упомянутого (Кавказского. — *Авт.*) округа Кавказским инородцам возможности полного усвоения русского языка и допускать отступления от общих уставов, в виду затруднительности изучения теми инородцами предметов, преподаваемых на русском языке, с тем чтобы о всех таких отступлениях от уставов было доводимо Наместником до Высочайшего сведения. На основании сего постановления, принятые Его Императорским Высочеством Наместником Кавказским, по местным обстоятельствам, меры при применении к средним учебным заведениям Кавказского учебного округа общих уставов гимназий, прогимназий и реальных училищ, завися от усмотрения Его Высочества, не подлежат особому утверждению»³⁸⁶.

В реальных училищах вводился дополнительный, седьмой, класс. Более того, в реальных училищах планировалось открытие технических отделений. К примеру, при Владикавказском реальном училище должно было открыться механико-технологическое отделение³⁸⁷.

Однако эти планы не осуществились из-за недостатка абитуриентов: выпускники, окончившие общий курс реального училища, стремились поступить в высшие специальные учебные заведения страны. В 1883 г., например, из 25 выпускников Владикавказского реального училища 19

³⁸⁶ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Второе пятилетие. 1872-1876. Тифлис, 1890. С. 650-651.

³⁸⁷ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 82-83.

продолжили учебу: в строительном училище — два человека, в Технологическом институте — три, в лесном и горном институтах — по одному, в Военно-Топографическом училище — один, в Петровской сельскохозяйственной академии — два, в Константиновском военном училище — девять³⁸⁸.

Правилами определялась необходимость открытия в каждой губернии и области Кавказского наместничества до трех нормальных сельских училищ за счет казны («постепенно, по мере имеющихся средств»), с обязательным преподаванием предметов на русском языке. Ведение всеми учебными заведениями в крае (как казенными, так и частными), а также надзор за приходскими школами иноверческих исповеданий возлагались на директора народных училищ — в Тифлисской губернии, и инспекторов народных училищ — в других регионах наместничества.

Учебные заведения особого типа, существовавшие прежде на особом положении, также должны были быть подведены под общие основания системы начальных и средних школ. Так, Темир-Хан-Шуринскую горскую школу следовало преобразовать в классическую прогимназию с сохранением при ней пансиона. В ведение учебной администрации Кавказского округа с 1875 г. переходили и другие горские пансионы, действующие еще с 1837 г. при некоторых частях войск Кавказской армии. Существовавший при Владикавказском реальном училище горский пансион в ноябре 1874 г. из ведения окружного управления перешел в подчинение училищного начальства. (Вопрос обо всех этих преобразованиях связывался с введением с 1 января 1871 г. гражданского управления в Кубанской и Терской областях и подробно обсуждался в докладе попечителя Кавказского учебного

³⁸⁸ Магометова В. Д. Просвещение и школа в Северной Осетии во второй половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1973. С. 79.

округа, поданном в Главное управление наместника уже 16 января 1871 г.³⁸⁹) Таким образом, участие в образовательном процессе военного ведомства, к которому относились горские школы, становилось минимальным, а лидирующие позиции в развитии образования в Кавказском наместничестве окончательно заняло Министерство народного просвещения.

Отдельный цикл реформ касался начальной школы. 25 мая 1874 г. было принято «Положение о начальных народных училищах»³⁹⁰ — последний в девятнадцатом столетии основной закон о начальном образовании. Положение определяло цель — «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» — и типы учебных заведений низшего звена. К ним относились все начальные школы православного духовного ведомства, школы ведомства МНП и других министерств, а также все низшие учебные заведения, учреждаемые и содержащиеся как правительством, так и обществами, сословиями и частными лицами. Положение существенно изменило систему управления начальными училищами: теперь «попечение об удовлетворении потребностей населения в начальном образовании и о надлежащем нравственном направлении оно» возлагалось на уездные и губернские училищные советы, поставленные под председательство уездных и губернских предводителей дворянства. Им присваивалось звание попечителей народных училищ. Директор народных училищ каждой губернии избирался попечителем учебного округа; помощниками директора становились инспекторы училищ. В учебном отношении училища находились в ведении Министерства народного просвещения.

Таким образом, суть документа сводилась к необходимости привлечения земств и сословий к совместному с

³⁸⁹ См.: Сборник распоряжений... Первое пятилетие. С. 272.

³⁹⁰ ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 1-е. № 53574. С. 834-840.

правительством участием в распространении образования «в народных массах»³⁹¹.

Должности инспекторов народных училищ вводились законом от 26 мая 1869 г.³⁹² Действие закона распространялось только на 33 российские губернии и Бессарабскую область — т.е. на те территории, на которые было распространено действие Положения о земских учреждениях от 1 января 1864 г.³⁹³ В каждой из этих губерний появилось по одной инспекторской единице. Но, поскольку Кавказ не входил в число регионов с земскими учреждениями, «Положение об учреждении должностей инспекторов народных училищ, открытии образцовых училищ и о мерах к развитию начального народного образования» 1869 г. Кавказского учебного округа не касалось.

Исключение Кавказа из зоны действия Положения вызвало критику наместника Михаила Николаевича. Он считал, что подобная мера для Кавказа крайне необходима ввиду обширности его территории и растущего стремления к устройству начальных школ. В конце 60-х гг. к Кавказскому учебному округу отошли все учебные заведения, находившиеся в распоряжении Кавказского горского управления³⁹⁴. Расширение Кавказского учебного округа за счет передачи в его ведение учебных заведений из других ведомств, рассредоточенных на большой территории, затрудняло руководство учебной частью. Вопрос о целесообразности учреждения должности директоров начальных училищ на Кавказе обсуждался в правительстве³⁹⁵. В Терской области также полагали, что отсутствие инспектора народных училищ препятствует развитию начальной школы, и сетовали, что «вопрос ре-

³⁹¹ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 71.

³⁹² Сборник распоряжений... Первое пятилетие. С. 653-656.

³⁹³ См.: О некоторых мерах к развитию начального народного образования // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1869. Ч. СХLIII. Июнь. С. 96-99.

³⁹⁴ ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. № 47847. С. 415.

³⁹⁵ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 83-84.

шается уже несколько лет, несмотря на то, что таковые же должности учреждены во всех губерниях наместничества»³⁹⁶.

Готовность самого населения к открытию начальных школ, которые находились в большинстве своем в ведении Общества восстановления православного христианства на Кавказе, побудила администрацию Кавказского учебного округа предпринять некоторые шаги в этом направлении. Изменения касались организации надзора за школами ведения ОВПХ. С 1867 г. такой надзор осуществлялся инспектором Тифлисской Александровской учительской школы, от которой в учебно-воспитательном отношении стали зависеть начальные школы. В целях улучшения инспекторского надзора кавказский наместник обратился в Государственный совет с проектом об учреждении должности инспектора школ ОВПХ при управлении Кавказским учебным округом. Это предложение было принято Государственным советом и утверждено императором Александром II 3 апреля 1873 г.³⁹⁷ Таким образом в структуре управления учебным округом появилась отдельная должность инспектора училищ ОВПХ³⁹⁸ с подчинением его надзору также некоторых правительственных народных училищ на восточном Причерноморье (в Сванетии и Абхазии). Ее занял С. Стрелецкий. В результате, школы, действовавшие по линии ОВПХ, перешли в ведение Кавказского учебного округа.

И правительство, и высшее кавказское руководство в наибольшей степени были озабочены увеличением числа начальных школ, которые рассматривались как «краеугольный камень нравственного и материального благосостояния всего края»³⁹⁹. Основная масса кавказского

³⁹⁶ Цит. по: Саблиров М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX в. Нальчик, 2001. С. 109.

³⁹⁷ ПСЗ-П. Т. XLVIII. Отд. 1-е. № 52088. С. 420-421.

³⁹⁸ См.: ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 13.

³⁹⁹ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 73.

населения — представители местных народов — могла получать только элементарное образование, которое обеспечивала сельская начальная школа. Объем этих знаний был невелик и определялся «Положением о начальных народных училищах» 1874 г.: в числе преподаваемых в начальной школе дисциплин значились Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо и первые четыре действия арифметики. Все преподавание должно было вестись на русском языке.

При поддержке со стороны правительства количество подобных школ в Кавказском учебном округе резко возросло. Личное внимание администрации края к школьному делу поощряло сельские общества к устройству начальных школ. По замечанию попечителя Кавказского учебного округа Я. М. Неверова, в 1872 г. правительственные народные школы в некоторых областях Кавказа даже стали численно доминировать над церковноприходскими. В то же время во многих частях края с мусульманским населением не было ни одной правительственной школы. Начальное образование дети получали в мектебах и медресе.

И в Осетии, где отмечалась стойкая тенденция к расширению начального образования, им по-прежнему занималось не Министерство народного просвещения, а учреждение духовного ведомства — Общество восстановления православного христианства на Кавказе.

Информацию о количестве учебных заведений и числе учащихся по Владикавказскому округу в конце 1860-х — начале 1870-х гг. дают ведомости, составленные начальниками участков округа и окружным начальником. Их анализ показывает, что численность учащихся, посещающих начальные сельские школы, за этот короткий промежуток времени заметно возросла. Так, если на 1 января 1869 г. в школах ведомства Общества восстановления православного христианства обучалось 393 человека⁴⁰⁰, то в 1871 г.

⁴⁰⁰ Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869 года. С. 316.

во всех сельских школах Владикавказского округа — 470 детей, а в 1872 г. — уже 702 ученика (494 мальчика и 208 девочек)⁴⁰¹. К концу 1870-х гг. число учеников осетинских школ ведения ОВПХ (в том числе и Владикавказской Ольгинской женской школы) составило 802 человека⁴⁰².

Если прежде школы устраивались в случайных, не приспособленных для проведения учебных занятий, помещениях, то теперь большая часть действующих во Владикавказском округе школ была размещена в зданиях, специально выстроенных для этой цели самими сельскими обществами при содействии совета ОВПХ.

Реформаторские идеи, заложенные в уставах и положениях МНП начала 1870-х гг., проникли и в начальную школу. Главной из них была идея унификации учебных заведений и учебных программ на всей территории Российского государства. Это, по замыслу реформаторов, должно было сблизить школьное дело на окраинах империи с общим образовательным курсом, выработанным правительством для российских учебных заведений. Более того, школа, особенно начальная, рассматривалась как важнейший инструмент приобщения «инородцев» к российской гражданственности. И школа на Кавказе была избрана «ключевым средством для достижения важнейших политических целей имперского курса в наместничестве»⁴⁰³. Политический подтекст определял и развитие приходских школ ОВПХ. Об этом наглядно свидетельствуют «Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе», утвержденные наместником 9 декабря 1874 г.⁴⁰⁴ Главная задача приходской школы теперь заключалась не только в «сообщении детям горских семейств религиозных и нравственных понятий» и «распространении первоначальных полезных знаний», но и в распространении русского языка и «вы-

⁴⁰¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 130-133.

⁴⁰² Там же. С. 148.

⁴⁰³ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 89.

⁴⁰⁴ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 134-137.

работавшейся по европейскому образцу гражданственности, так как вследствие сложившихся исторических обстоятельств эти народы должны идти с русскими людьми, оставив в стороне свою жалкую особенность»⁴⁰⁵. Русский язык вводился в школьную программу как отдельная дисциплина во втором полугодии первого года обучения, а уже начиная со второго года весь образовательный цикл строился на основе русского языка⁴⁰⁶.

МНП по-прежнему устранялось от практики учреждения приходских школ — эта задача возлагалась на ОВПХ, которое обязывалось открывать приходские школы во всех приходах, но по мере собственных финансовых возможностей. Учебный курс в двухклассных школах рассчитывался на четыре года, в одноклассных — на два. Прием детей в эти школы производился без различия «племени, состояния и вероисповедания». Лучшие выпускники могли рекомендоваться инспектором школ в училища духовного, военного и гражданского ведомства за счет Общества⁴⁰⁷.

Учебный план приходской школы включал чтение и письмо местного письменного языка, чтение и письмо русского языка и его практическое изучение, молитвы и богослужebные предметы, арифметику и начала геометрии, церковное и светское пение, черчение и гимнастику. По правилам, обучение начиналось на местном языке с последующим переводом его на русский, на котором строился весь образовательный процесс.

В инспекции училищ ОВПХ понимали все сложности, связанные с обучением горских детей на русском языке, для которых он являлся иностранным, и полагали, что «задача школ в Осетии в высшей степени трудна и требует особенно правильных отношений к школе»⁴⁰⁸. Поэтому, чтобы предупредить самовольный уход учеников из шко-

⁴⁰⁵ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 5.

⁴⁰⁷ Там же. Д. 63. Л. 23.

⁴⁰⁸ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 140.

лы (по разным причинам, в том числе и из-за сложности обучения) до окончания курса, инспекция с 1874 г. ввела практику составления общественных приговоров, которые выносились на общем сельском сходе. Подобными приговорами фиксировался принцип обязательности обучения, а в качестве санкции за их неисполнение назначался штраф в пользу школы. Подобная же мера была введена и в российских школах, но годом позже, чем в Осетии⁴⁰⁹.

Кроме административных мер в приходских школах плоскостной Осетии использовалась и методика совместного обучения осетинских детей с русскими, как это практиковалось, например, в Алагиро-Салугарданской школе. Совместное обучение, по мнению администрации, могло помочь местным детям скорее освоить русский язык и подготовить их таким образом к «слиянию в один русский народ»⁴¹⁰.

Несмотря на объективные трудности, дело народно-го просвещения в Осетии заметно подвинулось. Исчезла проблема наполняемости классов — теперь в них помещалось не 10-15-20 учеников, а 30-40-50 и более учащихся. В двух осетинских школах — Алагиро-Салугарданской и Христианской (в сел. Христиановское) — число учащихся даже составляло 120 человек⁴¹¹. Однако новые школы требовали все новых и новых учительских кадров. Возникла другая проблема — с контингентом учителей. Во-первых, их было явно недостаточно, чтобы удовлетворить резко возросшие образовательные потребности населения. Во-вторых, оставяла желать лучшего и подготовка учителей начальных училищ. Например, в приходских школах Осетии, подведомственных ОВПХ, по уставу самого общества 1863 г. учителями назначались местные священнослужители — выпускники Владикавказского духовного училища (1836-1863). Кроме них, учительствовали также

⁴⁰⁹ Там же. С. 141.

⁴¹⁰ См., например: НА СОИГСИ Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 24-25.

⁴¹¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 148.

те, кто окончил годовичные курсы при Тифлисской Александровской учительской школе, организованные с 1868 г., и Владикавказский осетинский женский приют имени княгини Ольги Федоровны.

В соответствии с новыми «Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе» учителями приходских школ могли являться только выпускники учительских семинарий и учительских институтов, т.е. люди с педагогическим образованием. Для этой цели Правилами от 22 ноября 1973 г. предписывалось «открыть за Кавказом учительскую семинарию»⁴¹².

Учителя для начальной школы в Кавказском учебном округе готовились в нескольких учебных заведениях. Первым из них был Александровский учительский институт, преобразованный из открытой в 1866 г. учительской школы в Тифлисе — старейший в империи. Его устав был принят 15 мая 1872 г.⁴¹³, т.е. даже раньше, чем общий Устав учительских институтов от 31 мая того же года⁴¹⁴. Кроме него, действовали также Тифлисская семинария, которую окончили все представители осетинского духовенства, и Кубанская учительская семинария, которая уже в начале 1870-х гг. «стала переполняться стипендиатами сельских и станичных обществ»⁴¹⁵. В 1875 г. Кубанская учительская семинария выпустила 28 учителей для одноклассных и двухклассных училищ Кавказского учебного округа⁴¹⁶. В 1876 г. открылась Закавказская учительская семинария в г. Гори.

Но на деле в сельскую начальную школу (в Осетии это были преимущественно приходские школы, содержащиеся за счет Совета ОВПХ) шли далеко не самые подготовленные кадры. К примеру, в осетинских приходах

⁴¹² ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 52808. С. 524.

⁴¹³ ПСЗ-II. Т. XLVII. Отд. 1-е. № 50835. С. 636-639.

⁴¹⁴ См.: Там же. № 50909. С. 732-736.

⁴¹⁵ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 71.

⁴¹⁶ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 93.

учительствовали преимущественно слушатели годичных курсов Александровской учительской школы в Тифлисе и выпускницы женского приюта во Владикавказе. Эти учебные заведения, хотя и предназначались для подготовки учительского персонала для начальной кавказской школы, все же давали не слишком глубокие знания⁴¹⁷, да и не все их выпускники и выпускницы охотно шли в приходскую школу.

Нацеленность администрации Кавказского учебного округа на создание «правильно устроенной» сельской школы приводила лишь к росту количественных показателей. Сама организация учебной работы, обучение на русском языке, почти полное отсутствие учебного оборудования, недостаток в учебниках и письменных принадлежностях, слабая подготовка значительной части учительства создавали большие трудности в овладении детьми учебным материалом.

Намного лучше обстояло дело с качеством начального обучения в женских школах⁴¹⁸, где девочек учили рукоделию, которое признавалось полезным в их будущем. В начале 1870-х гг. во Владикавказском округе открылись новые школы для девочек — Алагиро-Салугарданская (1870), Ардонская (1871), Гизельская (1872), Даргкохская (1871), Ольгинская (1871), Хумалагская (1874). Несмотря на небольшое число учениц, школы эти пользовались популярностью в народе, и родители охотно отдавали туда своих дочерей⁴¹⁹.

Среди женских учебных заведений по-прежнему ведущие позиции занимала Владикавказская осетинская Ольгинская школа. В газете «Терские ведомости» за 1872 г. деятельность этой школы оценивалась следующим образом: «Владикавказская осетинская женская школа имеет важ-

⁴¹⁷ Габеев А. Я. Указ. соч. С. 16.

⁴¹⁸ Об оценке состояния женских школ см.: НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 19-21.

⁴¹⁹ См.: Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 140.

ное образовательное влияние на девиц-осетинок, особенно тем, что почти все из них, за последнее время слушавшие уроки в этой школе, по окончании курса, выходили замуж за осетин, воспитавшихся в Александровской учительской школе, что теперь институт в Тифлисе. Последние, поступая на должность сельских учителей в среде своих соотечественников, имеют в своих женах лучших помощниц в деле обучения в народных женских и мужских училищах; нередко, впрочем, бывает, что муж обучает в школе мальчиков, жена — девочек из тех же осетин»⁴²⁰.

В целом же образовательные реформы МНП 1871-1874 гг., при всей своей противоречивости, в Кавказском учебном округе дали положительные результаты. Прежде всего, они способствовали расширению сети учебных заведений и увеличению количества учащихся. Как следует из приведенных в таблице 7 данных, подавляющее большинство начальных училищ находилось в ведении Кубанской, Ставропольской (вместе с Терской) и Тифлисской дирекций. Увеличение числа начальных школ в Терской дирекции происходило за счет Владикавказского округа, где сельские школы открывались усилиями Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Столь динамичное развитие системы народного образования, приведшее к увеличению численности начальных школ на Северном Кавказе, вынудило учебное ведомство удовлетворить, наконец, ходатайства наместника по поводу учреждения здесь отдельной дирекции училищ. Помимо существовавшей в Закавказье Тифлисской дирекции, 27 января 1876 г. учреждалось еще шесть новых, из которых три (Ставропольская, Терская и Кубанская) открывались на Северном Кавказе⁴²¹. Одновременно упразднялись должности инспекторов учи-

⁴²⁰ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали, 1991. Т. V. С. 26.

⁴²¹ Сборник распоряжений... Второе пятилетие. С. 839-840.

лиц. Условием при этом выдвигалось увеличение численности учащихся.

Таблица 7

Число учебных заведений по разрядам и число учащихся в 1875 г.

№	Дирекции	Гимназии и прогимназии	Реальные училища	Учит. институты и семинарии	Женские гимназии и прогимназии	Женские низшие училища	Уездные и гор. (1872 г.) училища	Начал. город. и сельск. училища	Частные учебные заведения	Всего училищ
1	Тифлисская	2	1	1	2	22	6	161	19	214
2	Кутаисская	2	-	-	-	5	2	98	3	110
3	Ставропольская (с Терской)	2	1	-	2	12	3	210	12	242
4	Кубанская	1	-	1	-	16	4	218	1	241
5	Бакинская (с Дагестанской)	1	1	-	2	6	4	8	62	84
6	Эриванская (с Елисаветпольской)	2	-	-	-	2	2	5	-	11
7	Общества восстан. Христианства	-	-	-	1	8	1	36	-	46
Всего		10	3	2	7	71	22	736	97	948
Число учащихся (по всем дирекциям)		2891	945	202	1387	8439	2683	25692	3242	В других ведомствах 9653
Всего		55134								

Источник: Модзалевский Л. Указ. соч. С. 74, 75.

Во Владикавказском округе это условие выполнялось, причем не только усилиями министерских учебных заве-

дений. Если в селах Владикавказского округа начальные школы открывались исключительно благодаря ОВПХ, то в городе Владикавказе их появлению способствовала частная и общественная инициатива. Открывавшиеся при поддержке городского общества и его отдельных слоев начальные учебные заведения низшего звена вливались в единую систему начального образования, созданную в ходе реформы 1874 г.

Так, во Владикавказе в мае 1871 г., т.е. еще до проведения образовательных реформ, городским обществом было открыто бесплатное Константиновское одноклассное училище «для детей бедного класса населения, в особенности мещан и отставных нижних чинов», где детей малообеспеченных горожан обучали грамоте и письму. На содержание училища ежегодно отпускалось по 300 руб. из общественных городских сумм, и, кроме того, владикавказский купец 2-й гильдии Иван Ситов «пожелал пожертвовать на то же училище, в течение 6 лет, по 200 руб. ежегодно и единовременное пособие на обзаведение оногo 150 руб.»⁴²². В качестве поощрения частной благотворительности купец Ситов в декабре 1872 г. был назначен почетным блюстителем этого училища⁴²³. В 1875 г. в городе «на счет прибылей тамошнего общественного банка» открылось трехклассное городское училище, которое по ходатайству кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, сделанному «согласно просьбе владикавказского городского общества», было поименовано Николаевским в честь великого князя Николая Михайловича⁴²⁴.

На новых началах стало действовать одно из первых в крае ремесленных училищ, открытое во Владикавказе 2 августа 1868 г. Уже 12 октября того же года по высочай-

⁴²² Сборник распоряжений... Первое пятилетие. С. 272.

⁴²³ Сборник распоряжений... Второе пятилетие. С. 62-63.

⁴²⁴ Там же. С. 629.

шему повелению, «во внимание к оказанной Начальником Терской области Генерал-Адъютантом Лорис-Меликовым особой заботливости к устройству и упрочению существования открытого в гор. Владикавказе ремесленного училища», оно было названо Лорис-Меликовским⁴²⁵. В 1872 г. при училище был открыт пансион на 40 человек. Это учебное заведение низшего профессионального образования было основано на средства Владикавказского городского общества, которое ежегодно ассигновало на содержание училища по 1000 руб. и отвело для занятий учеников огородничеством и садоводством 14 дес. земли вблизи города, пожертвованных частных лиц, а также самого М. Т. Лорис-Меликова, в марте 1873 г. передавшего училищу 20 тыс. руб. Тогда же Государственный совет постановил отпускать училищу ежегодное в течение пяти лет пособие в размере 3 тыс. руб., а с 1888 г. это пособие стало постоянным.

Широко известно, что видный общественный деятель Северного Кавказа, член-благотворитель училища Д. С. Кодзоков передал училищу в «вечное владение» земельный участок площадью более 8 дес., засаженный фруктовыми деревьями, где ученики проходили практику по садоводству, а также сельскохозяйственные орудия стоимостью 4 тыс. рублей. Известен также факт крупного пожертвования в размере 10 тыс. руб., сделанного в 1889 г. действительным статским советником Харитоненко⁴²⁶, который передал деньги с условием, что основной капитал останется нетронутым, а проценты с него употреблялись бы исключительно на приобретение учебников и инструментов⁴²⁷.

20 мая 1886 г. в соответствии с новым положением училище было переименовано во Владикавказское гра-

⁴²⁵ Сборник распоряжений... Первое пятилетие. С. 178-179.

⁴²⁶ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Пятое пятилетие. Ч. 1. 1887-1889. Тифлис, 1890. С. 337.

⁴²⁷ Терский календарь на 1898 год. С. LV.

фа Лорис-Меликова ремесленное училище и передано в ведение попечителя Кавказского учебного округа с подчинением директору народных училищ Терской области. Учебная программа училища состояла из трехклассного общеобразовательного курса и дополнительного двухлетнего ремесленного образования⁴²⁸, причем общеобразовательный блок соотносился с программой городских училищ Министерства народного просвещения, положение о которых было принято 31 мая 1872 г.⁴²⁹ (подробнее об этом будет сказано в следующем разделе). В общеобразовательный курс ремесленного училища включались Закон божий (для лиц православного исповедания), русский язык, арифметика, геометрия, география и история (с упором на российскую), черчение и рисование, хоровое пение, гимнастика. Ремесленный курс, разработанный в соответствии с профилем двух отделений, знакомил со столярным, обойным, слесарным, токарным, кузнечным и литейным делом, резьбой по дереву и металлу, а также включал прикладные предметы: техническое черчение, счетоводство, «беседы и чтения, касающиеся гигиены, естествоведения, физики и материалов, употребляемых при занятиях ремеслами»⁴³⁰.

Ремесленное училище предназначалось для горожан, но вместе с ними там обучались дети казаков и нижних чинов: например, к 1 января 1890 г. среди 72 учеников училища 29 были детьми казаков и нижних чинов, 18 происходили из других городских сословий, 14 детей — из крестьян и 10 — из дворян⁴³¹. К концу столетия в училище обучалось 87 учеников, из которых 65 были пансионерами, а 22 — приходскими. Выпускники училища пользовались правами окончивших учебные заведения третьего разряда.

⁴²⁸ См.: Положение о Владикавказском, графа Лорис-Меликова, ремесленном училище. 20 мая 1886 г. // ПСЗ-III. Т. VI. № 3719. С. 224-227.

⁴²⁹ См.: ПСЗ-II. Т. LXVII. Отд. 1-е. № 50909. С. 728-732.

⁴³⁰ ПСЗ-III. Т. VI. № 3719. С. 225.

⁴³¹ Кавказский календарь на 1891 год, Тифлис, 1890. С. 256.

Владикавказское Лорис-Меликовское ремесленное училище

Тогда же по инициативе и на средства Общества владикавказских ремесленников была учреждена и Владикавказская ремесленная школа на 90 учащихся, предназначенная преимущественно для детей городских ремесленников. По мнению исследователя городской культуры пореформенного Владикавказа З. В. Кануковой, наряду с Лорис-Меликовским училищем ремесленная школа «сыграла большую роль в адаптации к городскому хозяйству этнических групп, которые в большинстве своем были носителями аграрной культуры»⁴³². В другой ремесленной школе на 60 учеников обучали домашним ремеслам девочек из семей городских ремесленников⁴³³.

Девочки-горожанки получали начальное образование в Ольгинской трехклассной женской школе с пансионом, находившейся в ведении ОВПХ. Кроме этой школы в городе также действовало Владикавказское Ольгинское женское училище второго разряда, которое в соответствии с высочайше утвержденным 14 июня 1874 г. мнением Го-

⁴³² Канукова З. В. Указ. соч. С. 116.

⁴³³ См.: Терский календарь на 1897 год. Владикавказ, 1896. Вып. 6. С. 210.

сударственного совета было преобразовано в женскую гимназию⁴³⁴. Необходимость подобного преобразования начальник Терской области Лорис-Меликов мотивировал следующим образом: если раньше училище удовлетворяло потребностям населения в женском образовании, то теперь нет, так как увеличилось число жителей, и, во-вторых, объем образования, получаемый в училище, недостаточен. «В настоящее время, — отмечал он, — Ольгинское училище поставлено в необходимость отказывать в приеме новым воспитанницам за недостатком помещения, так что при наличных 129-ти ученицах оставлено без удовлетворения более ста заявлений о приеме»⁴³⁵. В результате преобразования Ольгинского женского училища в гимназию в системе женского образования в Осетии появилось первое учебное заведение с полным общеобразовательным курсом.

Кроме всех этих школ в ведении Терской дирекции народных училищ находились три частные школы, из которых одна была женской.

Ниже представлены данные по учебным учреждениям Терской дирекции народных училищ и Общества восстановления православного христианства на Кавказе к 1 января 1880 г. Эти сведения почерпнуты из статистического раздела известного труда инспектора Кавказского учебного округа Льва Николаевича Модзалевского «Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год», изданного в 1880 г.

⁴³⁴ ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 1-е. №53642. С. 882-883.

⁴³⁵ Цит. по: Мельниченко Е. Х. Указ. соч. С. 62.

**Список учебных учреждений к 1 января 1880 г. Терской
дирекции народных училищ и Общества восстановления
православного христианства на Кавказе**

Средне-учебные заведения:

Владикавказское реальное училище (11 кл. и отд.), основ. 1870 г., число учащихся 387, из них в пансионе — 157

Владикавказская Ольгинская женская гимназия (12 кл. и отд.), основ. 8 сентября 1874 г., число учащихся 383

Низшие учебные заведения:

Владикавказское 3-х классное (3 кл., 6 отдел.) основ. 1873 г., число учащихся 156

Моздокское 3-х классное (3 кл., 6 отдел.) преобр. 1875 г., число учащихся 160

Кизлярское 4-х классное (8 кл., 6 отдел.), основ. 1877 г, число учащихся 120

Георгиевское 2-х классное (2 кл., 5 отд.), преобр. из нач. 1878 г., число учащихся 56

Горские школы:

Грозненская 2-кл. горская школы (3 кл., 5 отд.), основ. 1863 г., число учащихся 136, из них в пансионе — 45

Назрановская 1-кл. начальная горская школа (2 кл., 5 отд.), основ. 1868 г., число учащихся 82, из них в пансионе — 18

Нальчикская 3-кл. горская школа (4 кл., 6 отд.), основ. 1860 г., число учащихся 99, из них в пансионе — 60

Общественные городские училища:

Владикавказское ремесленное Лорис-Меликовское училище, основ. 1875 г., число учащихся 52

Владикавказское Константиновское 1-классное, основ. 1871 г., число учащихся 71

Владикавказское Общества ремесленников (1 кл., 3 отд.), основ. 1875 г., число учащихся 57

Владикавказское женское 2-кл. училище (1 кл., 3 отд.), откр. 1878 г., число учащихся 56

Георгиевское женское 2-кл. (2 кл., 5 отд.), основ. 1864 г., число учащихся 45

Грозненское женское 2-кл. (2 кл., 5 отд.), основ. 1867, число учащихся 58

Моздокское женское 2-классное Александровское (2 кл., 5 отд.), основ. 1873 г., число учащихся 69

Сельские школы Владикавказского округа (Общество восстановления православного христианства на Кавказе)

Алагиро-Салугарданская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 77

Алагиро-Салугарданская, осетинск. женск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 23

Ардонская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 61

Ардонская, осетинск. женск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1871 г., число учащихся 24

Батакоюртовская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1870 г., число учащихся 32

Владикавказская Ольгинская, осет., девичья, 3-кл., основ. 1863 г., число учащихся 54, из них в пансионе 25

Вольнохристиановская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 71

Гизельская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1870 г., число учащихся 18

Гизельская, осетинск., женск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1872 г., число учащихся 20

Далакавская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 40

Даргавская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 19, 2 ж.

Даргкохская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1870 г., число учащихся 33

Даргкохская, осетинск., женск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1871 г., число учащихся 33

Заромагская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1872 г., число учащихся 31

Мизурская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 26

Ольгинская, осетинск., женск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 22

Ольгинская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся не указано

Садонская, осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 24

Хумалагская, Владик. окр., осетинск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 45

Хумалагская, осетинск., женск., 1-кл. (4 отд.), основ. 1869 г., число учащихся 36

3 частных училища во Владикавказе, одно из к-рых женское (учеников от 8 до 14) и 1 в Грозном (12 — муж, 8 — жен).

Большая часть перечисленных учебных заведений создавалась для беднейших слоев населения и существовала за счет общественных средств. Исключение составляли Владикавказское реальное училище во Владикавказском округе и горские школы в других округах Терской области, которые находились в ведении окружных администраций и обеспечивались из казны. Эта ситуация была следствием политики Министерства народного просвещения, которое открыто руководствовалось сословными принципами: для социальных низов предназначались низшие учебные заведения, открываемые как правило за счет сельских обществ, а казенные гимназии и прогимназии были доступны преимущественно выходцам из привилегированных сословий. Понятно, что в целом в Кавказском учебном округе число казенных учебных заведений заметно отставало от количества начальных школ, которые устраивались самими обществами. Эта тактика МНП — поощрять тягу населения к открытию школ за счет общественных сумм — позволяла экономить государственные средства.

Но даже довольно значительные материальные издержки, которые несли сельские общества по открытию и содержанию школ, не становились непреодолимым препятствием на пути к просвещению. Местные общества демонстрировали стойкое стремление к организации новых школ. Например, население Хасавюртовского округа, кумыки и чеченцы Салатау и Ауха добровольно вносили средства в размере 30 копеек с дыма в счет образования

школьного «капитала»⁴³⁶. Открыть у себя собственную школу стремились все крупные селения Терской области: в 1875 г. первые аульные школы, содержавшиеся за счет обществ, возникли в Кабарде; в 1876 г. открылась школа в Гривенно-Черкесском ауле. В Дагестане общества селений Касумкент и Дешлагар выделили помещения для учебных заведений и взяли на себя расходы по отоплению, освещению и найму прислуги; в 1877 г. была учреждена школа в ауле Учкулан, а в следующем — в ауле Мансуровском⁴³⁷. Правом открытия учебных заведений обладали не только сельские, но и городские общества. В соответствии с «Правилами о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих уставов гимназий, прогимназий и реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения» от 22 ноября 1873 г. низшие училища округа предполагалось преобразовать в городские. Основываясь на этом, моздокское городское общество ходатайствовало об открытии в городе четырехклассного реального училища, что могло бы обеспечить образовательные нужды населения города. Училище было открыто, но с трехклассным курсом⁴³⁸. По данным попечителя Кавказского учебного округа, в 1876 г. в Терской области действовало 106 начальных учебных заведений (среди которых 199 мужских и 7 женских), относящихся к округу и другим ведомствам⁴³⁹.

Таким образом, министерские реформы первой половины 1870-х гг. задали тон правительственной образовательной политике, проводившейся на Кавказе в последующие десятилетия, и заложили основы стройной системы народного просвещения в Кавказском учебном округе, все уровни которой были унифицированы в соответствии с общероссийскими положениями.

⁴³⁶ Гатагова Л. С. Указ. соч. с. 94.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Там же. С. 95.

⁴³⁹ Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. Ч. СХСШ. Октябрь. Отд. 4. С. 151.

Ранний этап организации школьного дела на Кавказе тесно связан с христианизацией местного населения. Начало его относится к середине XVIII в., когда в 1745 г. была открыта Осетинская духовная комиссия. Помимо миссионерской деятельности комиссия занималась распространением грамотности среди местного населения, а начальное образование, ведущееся в приходских школах, служило механизмом идеологического воздействия на местные народы.

В период наместничества М. С. Воронцова был осуществлен целый комплекс мер, направленных на упорядочение образовательного процесса в кавказской школе. Теперь разрозненные учебные заведения региона оказались в одном подчинении, что положило начало процессу централизации управления образованием в Кавказском наместничестве. Благодаря тому, что Кавказский учебный округ оказывался вне ведения МНП, он обладал значительной автономией. Это открывало возможности учета в образовательной практике местных особенностей.

Дальнейшее развитие народного просвещения на Кавказе было связано с мероприятиями, изменившими организационные формы образования. Созданная в первой половине XIX в. система учебных заведений отличалась разнообразием. Одновременно с государственными и приходскими открывались школы военных воспитанников, предназначенные для детей горской знати. В образовательный процесс были вовлечены различные ведомства (учебное, духовное, военное), деятельность которых всецело поддерживалась государством. В этот период на Кавказе сложились условия для дальнейшего развития школьного дела, создания специальных учебных заведений и женского образования. В то же время сословный характер образования ограничивал доступ к нему подавляющего большинства населения. Среди мер по вовлечению Кавказа в российскую государственность образованию отводи-

лась важнейшая роль посредника и проводника государственных устоев. На это были ориентированы важнейшие законоположения, касающиеся народного просвещения.

Начиная с 1860-х гг. в социально-политической жизни региона происходят существенные трансформации. Этот период знаменателен окончанием изнурительной и для самой Российской империи, и для северокавказского социума Кавказской войны, в течение долгих лет отвлекающей и силы, и средства воюющих сторон. Теперь правительство сосредоточилось на развитии гражданских начал в управлении Кавказом.

Постепенная переориентация кавказской начальной школы в сторону ее профессиональной специализации, отмечаемая после окончания Кавказской войны, отразилась на состоянии и положении горских училищ, что соответствовало взглядам на начальное образование кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича. С его деятельностью связывается оживление школьного дела на Кавказе. Главную задачу он видел в развитии начального образования для основной массы населения, которое должно было идти по пути сближения учебной части в крае с общероссийской. Эти идеи были заложены в Положении об учебной части на Кавказе и за Кавказом 1867 г. — последнем разработанном для региона нормативном документе. Оно четко определило цели образовательной политики в крае и регламентировало систему мер, направленных на слияние образовательного пространства Кавказского наместничества с общероссийским. Теперь в управлении образованием на Кавказе осталось два руководящих центра — МНП и духовное ведомство. Основная задача — создание школы «для народа» — возлагалась именно на институты духовного ведомства. В Осетии распространением грамотности среди населения занялось ОВПХ, силами которого в осетинских приходах открывались начальные приходские школы для горцев, сыгравшие особую роль в формировании и развитии образовательного потенциала.

Образовательные реформы начала 70-х гг. XIX в. стали важной вехой в развитии народного образования на Кавказе в целом и в Осетии в частности. Край все более и более вовлекался в общегосударственную систему социальных, правовых и хозяйственно-экономических отношений. Растущие потребности капитализирующейся экономики формировали запрос на специалистов разного уровня и разной специализации. Расширение городского пространства, ускоряющиеся темпы урбанизации определяли необходимость в развитии отраслей городской инфраструктуры, в том числе и в административно-управленческой сфере. Усложнение административно-управленческого аппарата за счет формирования его низового звена в виде сельских управлений также требовало грамотных кадров (сельских старшин, писарей, сборщиков податей и т.п.). Все эти факторы определяли ход и направленность образовательного процесса в регионе.

И, несмотря на ужесточение правительственного курса в отношении кавказской школы, реформы МНП стимулировали позитивные сдвиги в ее развитии. Положительные результаты дала система начального образования, предназначенная для основной массы местного населения. Успехи, достигнутые в женском образовании, даже вывели его на лидирующие позиции. Принципы, заложенные в этот период в основу среднеспециального образования, определили его постановку в следующие десятилетия. Но самое важное, что необходимо отметить как основную социокультурную характеристику этого периода, — это возросший общественный интерес к образованию и появление частной и общественной инициативы, ориентированной на поддержку и расширение образовательного потенциала как в городской, так и в сельской среде. Для осетинского общества образование становилось важнейшим фактором интеграции в российское экономическое, социально-политическое и культурное пространство⁴⁴⁰.

⁴⁴⁰ История Осетии. Т. 2. С. 340.

Глава 3

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ОСЕТИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

**Осетия в системе Кавказской школы во второй половине
1870-х – 1880-х гг.**

Образовательные реформы 70-х гг. XIX в. заложили основу для поступательного развития системы народного образования в Кавказском учебном округе: была сформирована стройная система образовательных учреждений (начальных и общеобразовательных), в которых могли обучаться дети не только привилегированных сословий, но и основной массы горского населения, заметно расширилась сеть начальных школ, дальнейшее движение получило женское и начало формироваться профессиональное образование. Уже со второй половины 1870-х гг. народное просвещение на Кавказе эволюционировало в том же направлении, что и в других регионах империи.

Прогрессу учебного дела на Кавказе способствовали не только правительственные мероприятия и действия духовного ведомства, но и усилия со стороны общества и отдельных лиц, обеспокоенных состоянием грамотности среди местных народов. Практическая польза образования понималась и самим населением, заинтересованным в устройстве в своих селах начальных школ, даже за счет собственных средств. На начальное народное образование в крае обращалось особое внимание и Министерством народного просвещения, возглавляемым в эти годы графом Д.А. Толстым, тогда как его предшественники были сосредоточены главным образом на высших и средних училищах⁴⁴¹.

Подобная министерская политика имела двоякие последствия: с одной стороны, получила заметное развитие система начального образования, но с другой — возник-

⁴⁴¹ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 576.

ли проблемы со средней ступенью, и в большинстве регионов Кавказа в течение 1870-х гг. не было открыто ни одного казенного среднего учебного заведения⁴⁴². После завершения цикла образовательных реформ перед МНП встали уже иные задачи. Их решению была подчинена деятельность нового министерского руководства и учебного начальства в Кавказском учебном округе в последней четверти XIX в. Новый попечитель округа тайный советник К. П. Яновский, вступив в должность в начале 1879 г., предложил на рассмотрение кавказского наместника собственную программу. В ней нашли отражение как общая позиция МНП по вопросу о народном образовании в стране, так и представления учебной администрации округа. Прежде всего, по мнению попечителя округа, следовало обратить внимание на более полное и всестороннее применение общих Уставов гимназий, прогимназий и реальных училищ к местным учебным заведениям. Необходимо было также улучшить хозяйственную, финансовую и учебно-административную часть образовательного процесса, гигиеническое состояние учебных помещений и пансионов⁴⁴³. В программе Яновского предлагалось также усовершенствовать изучение местных языков. Отдельное внимание в предложениях попечителя уделялось городским училищам, устроенным на основании Положений о городских училищах и о учительских институтах от 31 мая 1872 г.⁴⁴⁴, которые являлись основным типом начальной школы в городе. По Положению, в городские училища (четырёх-, трёх-, двух- и одноклассные) предполагалось преобразовать существующие в стране 402 уездных училища, а учителя для них должны были готовиться в специально создаваемых семи учительских институтах.

⁴⁴² Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 95.

⁴⁴³ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 84-85.

⁴⁴⁴ ПСЗ-II. Т. XLVII. Отд. 1-е. № 50909. С. 727-736.

В случае если по желанию учредителей в городские училища, открытые за счет общественных средств или частных вложений, учителя назначались правительством, то такие училища приравнивались по своим правам к казенным учебным заведениям. Во всех остальных случаях они подчинялись положениям о частных учебных заведениях. Основу учебной программы городских училищ составляли Закон божий, чтение и письмо, русский язык, арифметика, геометрия, география и отечественная история, сведения из естественной истории и физики, черчение, рисование, пение и гимнастика. Кроме того, если общества вносили для этой цели не менее половины необходимой суммы, в училищах разрешалось внеклассное обучение ремеслам.

Задуманные изменения должны были производиться постепенно, по мере подготовки учителей, и начаться не ранее второй половины 1874 г. Но Кавказский учебный округ в зону действия Положения о городских училищах не входил — оно распространялось на учебные округа Европейской России, Поволжья и училища сибирских губерний, где преобразование уездных училищ в городские растянулось на несколько десятков лет: во-первых, из-за недостатка учителей, а во-вторых — из-за нежелания самих городских обществ устраивать за свой счет училища с большим сроком обучения⁴⁴⁵.

Между тем, стремительно растущее население кавказских городов, увеличение численности мещанского и низшего торгового сословий диктовали настоятельную необходимость увеличения числа городских училищ и на Кавказе, где ощущалась острая нехватка подобных учебных заведений. К примеру, в городских общеобразовательных заведениях Кавказского учебного округа среднее образование получало лишь 44% населения, низшее образование — 53%, а низшее профессиональное (во Владикавказском

⁴⁴⁵ См. подробнее: Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 648-649.

Лорис-Меликовском и в Ставропольском ремесленном училищах) — лишь 1% всего числа учащихся в городах Кавказского края⁴⁴⁶. Но поскольку средства МНП не позволяли в полной мере удовлетворить образовательные запросы горожан, к устройству городских школ широко привлекались городские общества и сословия, что было предусмотрено Положением от 31 мая 1872 г. (ст. 3)⁴⁴⁷. Именно их силами и открывались в кавказских городах новые реальные, профессиональные и низшие начальные училища. Как пишет Л. Модзалевский, «заявления в этом отношении были получены не только из Ейска и Владикавказа, но также Шуши, Александрополя и Темир-Хан-Шуры, принявших на себя устройство и отчасти содержание проектируемых реальных училищ»⁴⁴⁸.

Помимо низших начальных училищ в городах региона по инициативе самих обществ открывались низшие специальные училища: ремесленные, технические, агрономические. Они были либо самостоятельными учебными заведениями, либо возникали как дополнительные классы при уже существующих (например, дополнительные агрономические классы открылись при Нальчикской горской школе). Учебное начальство полагало, что низшие училища должны составлять фундамент образовательной системы, и от их устройства и функционирования напрямую зависит успех образовательного процесса средней ступени.

Ориентация МНП на специализацию среднего образования вела к изменениям в структуре существовавших казенных учебных заведений среднего звена. По представлению попечителя Кавказского учебного округа Горское отделение при Ставропольской гимназии планировалось преобразовать в самостоятельное реальное училище. Яновский считал, что совмещение двух разнохарактерных учебных заведений в одной гимназии и под одним нача-

⁴⁴⁶ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 83.

⁴⁴⁷ ПСЗ-II. Т. XLVII. Отд. 1-е. № 50909. С. 728.

⁴⁴⁸ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 85.

лом отрицательно сказывается на самом преподавании. Однако таким путем понижался бы статус реального училища, что влияло на перспективы получения высшего образования его выпускниками. Кроме того, политика МНП вела к увеличению дистанции между начальной и средней школой. Разрыв между начальным и средним образованием негативно сказывался и на настроениях местного населения, заинтересованного в том, чтобы их дети имели возможность продолжать обучение в средних и высших учебных заведениях, откуда «они могут выйти офицерами, чиновниками или священниками». Инспектор школ ОВПХ С. Стрелецкий в своем отчете за 1876 г. справедливо указывал начальнику Терской области А. П. Свистуну на то, что надежды местного населения на принятие детей в другие учебные заведения не оправдались, «так как в последнее время значительно возвысился курс почти всех казенных заведений и уменьшились льготы, делавшиеся до настоящего времени для местных уроженцев, вследствие чего школы значительно упали в глазах населения и оно получило повод относиться к ним уже более или менее небрежно»⁴⁴⁹.

Чтобы разрешить возникшую проблему, попечитель округа выступил с прогрессивным предложением об учреждении на Кавказе высшего специального училища с техническим, агрономическим и горным отделениями⁴⁵⁰. Более того, в программе развития кавказской школы Яновского было предусмотрено устройство факультета восточных языков. Их изучение на Кавказе, богатом «языками и наречиями», уже в скором времени должно было принести пользу истории, этнографии и языкознанию.

Действительно, такая разнообразная в языковом, этническом и религиозном отношении среда, в которой приходилось работать кавказскому учебному начальству, да и самим учителям, требовала более глубокого ознакомления

⁴⁴⁹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 139.

⁴⁵⁰ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 88-89.

с местной спецификой. Кавказская школа, по мнению чиновников, могла достигнуть желанных результатов лишь в том случае, если ей будет известна среда, в которой живут ее ученики⁴⁵¹.

В этих же целях — ближе знакомить жителей края с историей и культурой народов Кавказа и содействовать более эффективной работе учителей в школах — в управлении Кавказского учебного округа по инициативе его попечителя К. П. Яновского было принято решение об издании периодического журнала «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Журнал начал выходить в свет с 1881 г. (выходил до 1915 г.) и давал обширный материал по истории, археологии, лингвистике, этнографии и фольклору кавказских народов, знакомил с богатой духовной и материальной культурой горцев. Для издания «Сборника сведений...», исторических и этнографических трудов видных кавказоведов XIX в., букварей, учебников и программ, книг на местных языках и на оплату рецензентов издаваемой литературы было выделено 4% из бюджета МНП⁴⁵².

В целом же начальное народное образование на Кавказе развивалось в соответствии с установками самого наместника, великого князя Михаила Николаевича. Он считал, что введение в систему обучения детей горцев «занятий ремеслами и сельскохозяйственными работами» будет «полезным»⁴⁵³. Поэтому обучение началам ремесла, садоводству и сельскому хозяйству дополняло основной учебный курс при некоторых низших училищах — уездных, городских и горских. Они открывались на средства общественных организаций и частных лиц, а также за счет казенных сумм городского или сельского общества. В некоторых горских школах Терской области (во Влади-

⁴⁵¹ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 97.

⁴⁵² Созаев А. Б. Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. — 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. С. 48.

⁴⁵³ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. С. 100.

кавказе, Нальчике, Грозном) работали столярно-токарные мастерские. Они содержались за счет средств, вырученных от продажи изделий, изготовленных учениками. Преподавателями в ремесленные отделения горских школ назначались выпускники Владикавказского ремесленного училища⁴⁵⁴. Ученикам, окончившим ремесленный курс, выдавались специальные свидетельства.

Но, хотя ремесленные курсы были довольно популярны, объем преподаваемых там начальных знаний по ряду отраслей хозяйства учебным планом не регламентировался и в целом был недостаточен для того, чтобы дать ученикам профессию, что особо подчеркивалось попечителем округа. Эти учебные заведения служили главным образом для того, чтобы дать ученикам элементарное образование, и лишь затем — привить практические навыки в различных видах ремесел и сельскохозяйственных занятий. Естественно, что одной из задач народного образования в регионе было расширение сети профессиональных училищ, ориентированных на подготовку специалистов низшего звена по разным отраслям местного хозяйства.

Для улучшения качества начального профессионального образования, более глубокого знакомства с техническими сведениями и овладения навыками ремесла и хозяйства попечитель Кавказского учебного округа предложил учредить в крае ремесленные и сельскохозяйственные школы, куда бы могли поступать мальчики не моложе 12 лет, уже окончившие курс городских, уездных и двухклассных начальных училищ, а также низших и средних классов гимназий, реальных училищ и духовных семинарий. По мнению Яновского, учебный курс в предполагаемых учебных заведениях должен был продолжаться не менее двух лет с тем, чтобы ученики могли основательно освоить уже известное им ремесло или отрасль сельского хозяйства. Целям профессиональной подготовки должен был отвечать

⁴⁵⁴ См.: Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. Б. м., б. г. С. 3, 8-9, 11-12, 17.

и теоретический курс, включающий прежде всего точные науки, агрономию и черчение⁴⁵⁵. Организации подобных школ Яновский придавал особое значение, выдвигая задачу их создания в число первоочередных для самого правительства. Он считал, что только таким путем можно «предупредить развитие того умственного пролетариата, который, к сожалению, начинает проявляться и у нас в России в виде безобразных стремлений к нарушению существующего порядка»⁴⁵⁶. Наместник счел доводы Яновского убедительными, пожелав, чтобы высказанным предложениям был дан ход, но «по мере открытия денежных средств»⁴⁵⁷.

Отчасти поставленным целям отвечало Владикавказское реальное училище, преобразованное из Владикавказской реальной гимназии в январе 1872 г., о чем уже говорилось выше. Другим важным шагом в этом направлении стало изменение учебного курса Владикавказского Лорис-Меликовского ремесленного училища: в первые годы он соответствовал курсу уездного училища, а после принятия нового «Положения о Владикавказском, графа Лорис-Меликова, ремесленном училище» от 20 мая 1886 г. — городского⁴⁵⁸.

В 1876 г. в Кавказском учебном округе завершилось преобразование реальных гимназий в реальные училища в соответствии с уставом 1872 г. Уже к 1878 г. здесь на новых основаниях действовало 16 реальных училищ, часть из которых была преобразована из уездных, а часть — открыта силами городских и профессиональных обществ⁴⁵⁹. В Терской области в первом десятилетии XX в. функционировало семь реальных училищ (во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Моздоке, Георгиевске) и две низшие ре-

⁴⁵⁵ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 91-92.

⁴⁵⁶ Там же. С. 91.

⁴⁵⁷ Там же. С. 92.

⁴⁵⁸ ПСЗ-III. Т. VI. № 3719. С. 224-227.

⁴⁵⁹ Попов Н. П. Деятельность управления Кавказского учебного округа за последнее 20-летие (1879-1899) // Русская школа. 1901. № 2. С. 61.

месленные школы (Грозненская и Пятигорская)⁴⁶⁰, причем три реальных училища (1-е и 2-е Владикавказское и Лорис-Меликовское) находились во Владикавказе⁴⁶¹. Училища содержались как на казенные средства, так и за счет взносов от городских и сельских обществ, платы за обучение, пожертвований отдельных лиц.

Власти поощряли открытие учебных заведений разного уровня, особенно низших, за счет общественной и частной инициативы. Для регламентации их учебно-административной деятельности 13 апреля 1879 г. были изданы особые «Правила для частных учебных заведений в Кавказском учебном округе», основанием для которых послужили законоположения о частных училищах 1828 и 1868 гг. с изменениями, вызванными местными условиями. Правила дифференцировали типы частных школ. Среди них были открытые, существовавшие за счет платы с учеников, и закрытые, где все расходы на содержание учащихся несли сами учредители. По характеру учебного курса частные учебные заведения делились на разряды. К первому (высшему) разряду относились шестиклассные, ко второму — трехклассные, к третьему (низшему) — двухклассные и одноклассные. Учредителям подобных учебных заведений предоставлялась свобода выбора преподаваемых дисциплин, однако такие предметы, как Закон божий и русский язык, являлись обязательными⁴⁶².

Недостаток казенных средств наряду с относительно небольшим числом правительственных и общественных учебных заведений обусловил появление в крупных городах Кавказского наместничества множества част-

⁴⁶⁰ Терский календарь на 1912 год. Владикавказ, 1911. Вып. 21. Отд. III. С. 45-47, 52.

⁴⁶¹ Кроме них, действовало также Моздокское трехклассное реальное училище, но в те годы город Моздок территориально относился к Кабардинскому округу.

⁴⁶² Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Третье пятилетие. 1877-1881. Тифлис, 1891. С. 375.

ных училищ, причем не только первого, но и второго разрядов.

Яркий пример частной инициативы в деле народного просвещения дала Владикавказская классическая мужская прогимназия, открытая 1 июля 1880 г.⁴⁶³ Поначалу она содержалась за счет средств ее заведующего — преподавателя латинского языка и географии М.Н. Шимановского⁴⁶⁴, но уже вскоре на ее содержание стали выделяться средства в размере 14970 руб. в год из государственного казначейства⁴⁶⁵. Первоначально учебный курс включал два отделения: подготовительное и одноклассное. В скором времени, уже 5 марта 1885 г., прогимназия была преобразована в гимназию⁴⁶⁶, а в 1888 г. в ней снова открылся подготовительный класс⁴⁶⁷. По количеству учащихся (260 чел.) Владикавказская мужская гимназия занимала одно из первых мест на Кавказе. В 1889 г. в ней обучалось 327 чел., через десять лет число учеников выросло до 500 (в том числе около 300 детей горожан), а в 1907 г. в гимназии насчитывалось 634 ученика. В 1889 г. состоялся первый выпуск гимназистов, в котором было 22 человека. Тогда же гимназия получила собственное здание, выстроенное на средства жителей города и подаренное Министерству народного просвещения⁴⁶⁸. В разное время из стен Владикавказской мужской гимназии вышли Е.Б. Вахтангов, Г.А. Цаголов, Г.В. Баев, А.З. Кубалов, Д.С. Газданов, Э.Т. Шанаев и другие известные представители культуры, искусства и общественной мысли Осетии.

Проявлением активной общественной позиции в сфере народного просвещения по праву считаются многочисленные факты из истории благотворительности в Терской области.

⁴⁶³ История Владикавказа. С. 91.

⁴⁶⁴ Канукова З.В. Указ. соч. С. 117.

⁴⁶⁵ История Владикавказа. С. 91.

⁴⁶⁶ Терский календарь на 1898 г. С. LIV.

⁴⁶⁷ Сборник распоряжений... Пятое пятилетие. Ч. 1. С. 179.

⁴⁶⁸ Терский календарь на 1898 год. С. LIV.

Владикавказская мужская гимназия

Благотворительные организации, развернувшие свою деятельность для «вспомоществования учащимся в учебных заведениях», оказывали финансовую поддержку ученикам из малоимущих семей. Одним из самых крупных было Общество вспомоществования учащимся в учебных заведениях г. Владикавказа, учрежденное в 1880 г. Его основной целью была материальная поддержка учащихся средних учебных заведений Владикавказа. Однако, если это позволяли средства, Общество бралось помогать ученикам и всех прочих учебных заведений города и их выпускникам, намеревающимся поступать в высшие учебные заведения. Уже в год основания Общества материальную поддержку в размере 635,5 руб. получило 50 человек, в 1882 г. была оказана помощь 160 учащимся, в 1883 г. — 154, в 1884 г. — 131⁴⁶⁹. Среди тех, кто получал вспомошествова-

⁴⁶⁹ Туаева Б.В. Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4-5. С.210,211.

ние, были ученики классической гимназии, Владикавказской женской гимназии, реального училища, городского ремесленного училища и городских школ. Нередко адресная помощь оказывалась и слушателям высших учебных заведений. В последующие годы возрастал объем материальной помощи и увеличивалось количество детей, ее получивших.

После проведения образовательных реформ развитие системы народного просвещения в регионе шло поступательно, по пути расширения сети образовательных учреждений за счет не только начальных школ, но и общеобразовательных учебных учреждений. К 1880 г. общее число учебных заведений низшей и средней ступени в Кавказском учебном округе за короткое время (с 1875 г.) увеличилось более чем втрое, а по сравнению с 1865 г. — в 13 раз (табл. 8).

Судя по данным Модзалевского, приведенным в таблице 8, наиболее динамично развивалась система среднего и, особенно, низшего образования, в том числе женского и профессионального. Даже несмотря на то, что в состав начальных городских и сельских училищ Модзалевский включил и конфессиональные учебные заведения, существующие при храмах и мечетях и лишенные общеобразовательного характера (мечетские и армяно-григорианские школы), рост количественных показателей все равно был внушительным.

Число училищ увеличивалось соответственно численности учащихся, хотя это правило касалось, скорее, низших образовательных учреждений, открываемых в селах и уездах. Количество гимназий, реальных училищ и городских учебных заведений в Кавказском учебном округе росло намного медленнее, а само среднее образование в силу ограниченного доступа к нему лиц из низших сословий в целом становилось элитарным, предназначенным для обеспеченных горожан и местной социальной элиты (табл. 9).

Таблица 8

Число учебных заведений Кавказского учебного округа
по разрядам

Годы	Гимназии и прогимназии	Реальные училища	Учит. институты и семинарии	Женские гимназии и прогимназии	Низшие женские училища	Городские и уездные училища	Начал. город. и сельск. училища	Частные учебные заведения	Всего училищ
1865	5	1	-	2	9	21	169	32	239
1875	10	3	2	7	71	22	736	97	948
1880	10	3	3	10	125	29	2834	65	3111

Источник: Модзалевский Л. Указ. соч. С. 93.

Таблица 9

Число учащихся по разрядам учебных заведений

Годы	Гимназии и прогимназии	Реальные училища	Учит. институты и семинарии	Женские гимназии и прогимназии	Низшие женские училища	Городские и уездные училища	Начал. город. и сельск. училища	Частные учебные заведения	Училища других ведомств	Всего учащихся
1865	1999	147	-	1027		2406	8742	1290	-	15611
1875	2891	945	202	1387	8439	2683	25962	3242	9653	55134
1880	3219	1190	285	2663	10025	4046	58217	2320	10062	92027

Источник: Модзалевский Л. Указ. соч. С. 94.

Отмеченная закономерность связывается исследователями с политикой российского правительства в области среднего и высшего образования в пореформенные годы. Если в сфере экономики после проведения буржу-

азных реформ 1860-х гг. возникли условия для широкого развития капиталистических форм хозяйствования с одновременным разрушением феодально-крепостнической системы, то в надстроечной сфере самодержавие стремилось сохранить и укрепить свои позиции и не допустить в государственный аппарат недворянские элементы. Надежным средством для этого становилось сохранение характерной для феодальной эпохи сословной замкнутости школы, при которой доступ к высшему образованию был ограничен для всех сословий, кроме дворянского⁴⁷⁰. Еще в 1860-х гг. мнение правительства по этому вопросу было сформулировано министром Толстым: «Если всегда русское дворянство стояло во главе просвещения в России, то в настоящее время, при великих внутренних преобразованиях и дабы быть в уровень с ними, дворянство должно стоять не ниже, но выше других сословий по своему образованию»⁴⁷¹. Таким образом, если в отношении начальной (народной) школы отмечалась тенденция к сужению ее собственно образовательной миссии, то средняя и высшая ступени по сути обеспечивали монополию правящих верхов на образование, связанную с воспроизводством социальной элиты.

Однако динамика численности учащихся в учебном округе свидетельствовала о заметно выросших образовательных запросах низших слоев населения, которые не могли удовлетворить имеющиеся учебные заведения даже при том, что их количество неуклонно возрастало. Но общее среднее образование по-прежнему оставалось практически недоступным для подавляющего большинства кавказских жителей, во-первых, из-за высокой платы за обучение, и, во-вторых — необходимости достаточного для поступления объема начальных знаний, который не давали низшие училища. Но и для тех, кто имел потенци-

⁴⁷⁰ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в. М., 1991. С. 15.

⁴⁷¹ Там же.

альные возможности для поступления в гимназии, обучение в них зачастую оказывалось невозможным из-за перегруженности гимназий. По данным попечителя Кавказского учебного округа Яновского за 1880 год, в гимназии и прогимназии округа было принято всего 31,5% из всех подавших прошения. При этом наполняемость классов кавказских гимназий в два раза превышала общероссийскую норму⁴⁷².

Между тем, задачи экономического развития Осетии, как и других регионов Кавказа, настойчиво требовали открытия новых учебных заведений общеобразовательного характера. Но правительство не стремилось вкладывать казенные средства в образование «инородцев» даже из привилегированных сословий. К примеру, Ольгинская женская и Владикавказская мужская гимназии, действующие во Владикавказском округе, существовали за счет общественных средств и не вмещали и доли всех желающих. Основная масса горского населения, как и горожан из низших сословий, могла рассчитывать на обучение лишь в начальных сельских и городских школах либо в реальных и ремесленных училищах (см. табл. 10).

Подобная практика, впрочем, касалась не только горского крестьянства на Кавказе — в целом правительственная образовательная политика была ориентирована прежде всего на русское население страны, в том числе проживающего на окраинах Российской империи, для которого и предназначалось среднее образование. Более того, в середине 1880-х гг. в МНП был поднят вопрос о социальном составе учеников средних учебных заведений. Поскольку по гимназическому уставу 1871 г. в гимназии допускались дети всех состояний, без различия вероисповеданий и званий, то, как сетовал новый министр народного просвещения И. Д. Делянов, гимназии стали напол-

⁴⁷² Бозиев Р. С. Развитие образования народов Северного Кавказа в XIX — начале XX веков: этапы, движущие силы и механизмы: Дисс. ... докт. пед. наук. М., 2009. С. 217.

Таблица 10

Этнический состав учащихся обоего пола к 1880 г.
(без училищ Арутих ведомств)

№	Разряды учебных заведений	Всего числа учащихся										
		Всего	Русских	Грузинских паэмен	Армян	Горцев	Греков	Немцев, французов и итальянцев	Польшков и чехов	Евреев	Татар и казмыков	
1	Гимназии, прогимназии, реальные училища, учительский институт и семинарии	7357	4286	947	1303	194	-	254	38	165	170	
2	Уездные, городские и горские училища	4046	1466	738	1238	234	31	4	3	49	283	
3	Начальные городские и сельские училища всех наименований	68343	22755	6717	11899	8413	456	2612	23	882	14586	
	Итого	79746	27507	8402	14440	8841	487	2870	64	1096	15039	
		1,3%	35,8%	10,5%	18%	11%	0,6%	3,6%	0,08%	1,7%	18,8%	
		Всего насел.					Всего числа учащихся					

Источник: Модзалевский Л. Указ, соч. С. 96.

няться такими учениками, которым «по условиям быта их родителей совершенно не следует стремиться к среднему гимназическому, а затем и к высшему университетскому образованию»⁴⁷³. И в силу этой своей убежденности новый министр просвещения вошел в историю прежде всего как автор печально известного циркуляра «О кухаркиных детях» — так стал именоваться доклад министра «О сокращении гимназического образования», опубликованный 18 июня 1887 г.⁴⁷⁴ И хотя о детях кухарок речи не шло, министр предлагал принимать в гимназии и прогимназии детей лишь некоторых сословий, но «не ниже купцов 2-й гильдии», а учебной администрации разъяснить, чтобы в гимназии принимались только те дети, которые обеспечены «правильным домашним надзором» и необходимыми для учебных занятий «удобствами». Таким образом, «при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию». Чтобы окончательно снять вопрос о возможности обучения в гимназиях детей из низших сословий, рекомендовано было закрыть приготовительные классы при гимназиях и немедленно прекратить в них прием. И это была позиция не одного лишь министра просвещения, но российского правительства, представленного на совещании, где был заслушан доклад, главами ключевых министерств и ведомств: внутренних дел, государственных имуществ, министерства финансов и Св. Синода.

⁴⁷³ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 640.

⁴⁷⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра III, 1885-1888 годы. СПб., 1894. Т. X. С. 880-883.

Иван Давыдович Деянов

Что же касается «инородцев», то в правительстве были убеждены, что «по слабому культурному развитию» их образовательные потребности «совершенно удовлетворялись системой начального образования»⁴⁷⁵.

В Кавказском учебном округе эта тенденция обнаруживалась в объеме казенных средств, затраченных на средние учебные заведения, который с 1855 г. до 1880 г. увеличился более чем в шесть раз: с 101 тыс. руб. до 698 тыс. руб. И хотя расходы на содержание начальных школ за тот же период выросли почти в 36 раз (10 тыс. руб. — в 1855 г. против 364 тыс. руб. — в 1880 г.), сумма вложенных в них средств по сравнению с затратами на средние

⁴⁷⁵ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 693-694.

учебные заведения к 1880 г. оказалась вдвое меньше при том, что количество начальных школ было на два порядка выше числа гимназий (мужских и женских) и реальных училищ⁴⁷⁶. Основное бремя по содержанию начальных училищ округа (городских и сельских) несли городские и сельские общества, благотворительные организации, частные лица и духовное ведомство, представленное Обществом восстановления православного христианства на Кавказе.

Как и в предшествующие десятилетия, начальное образование в осетинской сельской среде обеспечивалось преимущественно институтами духовного ведомства. Выше было сказано, что «в видах единства системы образования для инородцев» педагогическая часть начальных училищ, открываемых в горских приходах, сосредотачивалась в ведении инспектора школ Общества восстановления христианства при управлении Кавказским учебным округом. Инспектор должен был наблюдать за общим ходом учебного процесса, поскольку «главной заботой по отношению к инородческому и иноверческому населению южных и восточных окраин являлось развитие начального образования на основании общих принципов, выработанных в 70-х годах»⁴⁷⁷.

Совет ОВПХ брал на себя обязательства по содержанию учительского штата приходских школ. Учителям назначалось содержание до 400 руб. в год, их помощникам и учительницам — 200 руб. В случае если сельское общество хотело пригласить в школу второго учителя, его содержание обеспечивалось самим обществом. Кроме того, Совет ОВПХ ввел в штат приходских школ должность законоучителя с окладом 100 руб. в год. В этой должности состояли церковнослужители (священники и дьяки), но иногда Закон божий преподавался и учителем, если в приходе не

⁴⁷⁶ Модзалевский Л. Указ. соч. С. 95.

⁴⁷⁷ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 692.

было священника (как, например, в Батакоюртовской и Даргавской приходских школах⁴⁷⁸). Заведование школой возлагалось на одного из ее учителей.

Напомним, что учительский контингент приходских школ с 1874 г. формировался из выпускников годичных курсов при Тифлисской Александровской учительской школе и Владикавказского осетинского женского приюта имени княгини Ольги Федоровны. К примеру, на 1 января 1877 г. в составе учителей осетинских приходских школ было 22 человека (из них 8 женщин), среди которых 12 человек окончили годичные курсы при Тифлисской Александровской учительской школе, 8 – Осетинский женский приют во Владикавказе и 2 человека окончили двухклассную школу⁴⁷⁹. Но хотя образовательный уровень самих учителей приходских школ был невысок, одно то, что они получили хотя бы минимальную педагогическую подготовку, положительно сказалось на качестве преподавания в приходских школах. В то же время и требования, предъявляемые к образованию в начальной приходской школе, были облегченными. Помимо собственно образовательных, учителя выполняли также и воспитательные функции, проводя «просветительную» работу среди местного населения и воздействуя через учеников на их родителей.

На самом деле, преподавание в приходской школе было настоящим подвижничеством. Скромное жалование, суровые бытовые условия, огромная моральная ответственность, которая возлагалась на учителей Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе 1874 г., делали этот труд невероятно тяжелым. Кроме того, положение учителей школ ведомства ОВПХ по сравнению с учителями начальных школ России было неравноправным: работа

⁴⁷⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 16, 18.

⁴⁷⁹ Габеев А. Я. Указ. соч. С. 16.

в приходской школе не считалась «училищной службой» и не давала права на получение пенсии за выслугу лет. Лишь 20 февраля 1895 г. вышел указ, приравнивающий учителей церковно-приходских школ ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе к категории учителей начальных школ России и дающий право на получение пенсии за выслугу лет. Эти выплаты осуществлялись из пенсионного фонда Совета Общества, который формировался за счет двухпроцентных отчислений из содержания учителя и ежегодного отпуска 2000 руб. из средств самого Общества⁴⁸⁰.

Но самоотверженное служение на ниве просвещения стало одним из факторов формирования национальной осетинской интеллигенции, ядро которой составляли учителя приходских (позже церковно-приходских) школ — «труженики сельского просвещения»⁴⁸¹. Подобная деятельность мыслилась вне материальных категорий, имея нравственный смысл и значение. Начальные школы были для подавляющего большинства горского населения не только единственным источником грамотности, но и, по сути, единственным доступным окном в большой мир. И формирующаяся педагогическая интеллигенция Осетии стремилась использовать возможности обучения для развития осетинской письменной культуры и для приобщения горцев к достижениям русской культуры.

В таблице 11 приведены сведения о количестве и состоянии приходских школ Осетии (во Владикавказском округе Терской области и Горийском уезде Тифлисской губернии) на 10 ноября 1876 г., представленные инспектором училищ Общества Восстановления православного Христианства на Кавказе С. Стрелецким.

⁴⁸⁰ ПСЗ-III. Т. XV. №11396. С. 102.

⁴⁸¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 168.

Таблица 11

Сведения о школах Общества восстановления православного христианства на Кавказе на 10 ноября 1876 г.

	Название школы	Помещение	Учителя	Состояние школы
А. В Северной Осетии (во Владикавказском округе)				
1.	Ольгинская	Удовлетворительное, но тесное, в виду чего жители сооружают на свои собственные средства новое обширное каменное здание, в котором, кроме мужской школы, они предполагают устроить пансион для своих детей	1. Воспитанник Александровской учительской школы Туаев, он же преподает и закон Божий, служит 8-й год; 2. Помощник его Доев, был прикомандирован к Александровской учительской школе.	Эта школа, во всех отношениях, одна из лучших школ общества и за отличное ее состояние учитель Туаев удостоился пожалованья от Его Императорского Высочества августейшего Председателя общества золотых часов.
2.	Гизельская	Прекрасное	1. Воспитанник Александровской учительской школы Кокаев, служит 7-й год; 2. Законоучитель священник Токаев.	Вследствие холодного отношения населения эта школа не оказывает особенных успехов несмотря на то, что в течение 6-ти лет в ней переменилось трое учителей и все они в других местах отлично ведут свое дело.
3.	Кадгаронская	Прекрасное	1. Воспитанник Александровской учительской школы Дзугаев, служит 5 год; 2. Законоучитель диакон Маргоев.	С назначением учителя Дзугаева ведется прекрасно.

4.	Салугарданская	Плохое и тесное. Население настолько сочувствует школе, что легко согласилось бы, при инициативе местной власти, построить на свои средства новое здание, ремесленный класс помещается крайне тесно.	1. Воспитанник Александровского учительского Института, городской учитель Инасаридзе, служит 3-й год; 2. Законоучитель священник Гатуев; 3. Учитель ремесл воспитанник Лорис-Меликовского Ремесленного училища Каргинов; 4. Помощник учителя Гатуев.	Эта школа всегда была одна из лучших в Осетии, и в настоящее время ведется удовлетворительно.
5.	Ардонская	Удовлетворительное, ремесленный класс помещается в квартире учителя ремесл.	1. Воспитанник Александровской учительской школы Хурумов, служит 6-й год; 2. Законоучитель священник Цаликов; 3. Учитель ремесл воспитанник Лорис-Меликовского Ремесленного училища Цопанов.	Ведется вполне удовлетворительно.
6.	Даргкокская	Помещается в ветхом тесном и грязном здании; на содействие жителей при постройке нового школьного здания рассчитывать нельзя, так как они не выстроили до сих пор даже церкви.	1. Воспитанник Александровской учительской школы Дигуров, служит 7-й год; и 2. Законоучитель священник Маркозов.	Ведется вполне удовлетворительно.

7.	Новохристианская	Помещение тесное, старое и неудобное	<p>1. Воспитанник Александровского учительского Института Агладзе, служит 1-й год;</p> <p>2. Законоучитель священник Габараев.</p>	<p>Вследствие холодного отношения жителей к школе в ней переменялось за 7 лет 5-ть учителей; при последнем Кончухидзе, переведенном теперь во Владикавказскую Осетинскую девичью школу, велась вполне удовлетворительно.</p>
8.	Хумалагская	Помещение прекрасное	<p>1. Воспитанник Александровской учительской школы Кулаев, служит 6-й год;</p> <p>2. Помощник его Бараков, был прикомандирован к Александровской учительской школе.</p>	<p>Всегда прекрасно.</p>
9.	Батакюртовская	Помещение прекрасное.	<p>1. Воспитанник Александровской учительской школы Хетагуров, служит 8-й год;</p> <p>2. Воспитанник Александровской учительской школы Кубалов, уволившийся по болезни от службы, за отсутствием священника, знающего русский язык, преподает частно Закон Божий.</p>	<p>Вследствие долговременной болезни бывшего учителя Кубалова оказывала весьма мало успехов; за два года учительства Хетагурова заметна некоторая перемена к лучшему.</p>

10.	Садонская	Прекрасное, но тесное помещение в здании Садонского рудника.	1. Воспитанник Александровской учительской школы Хаталов, служит 5-й год; 2. Законоучитель священник Иниев; 3. Помощница учителя воспитанница Владикавказской осетинской девичьей школы Хатагова.	Ведется прекрасно.
11.	Мизурская	Прекрасное помещение	1. Учитель Сергеев был прикомандирован к Александровской учительской школе; 2. Законоучитель священник Джиоев	Ведется прекрасно.
12.	Заромагская	Тесное, грязное, ветхое и холодное помещение.	Вследствие выхода со службы по расстройству здоровья учителя Дзибоева, прослужившего в ведомстве общества 7-мь лет, школа эта закрылась в ноябре сего 1876 года, до приискания другого правильно подготовленного учителя.	
13.	Хидикуская	С соизволения Его Императорского Высочества, Августейшего председателя Общества школа эта в виду: 1) совершенно уже разрушившегося помещения; 2) нежелания жителей соорудить новое здание; 3) отсутствие учителя специалиста и 4) близости (4 версты селения Хидикус к сел. Далакаев — закрыта с 1-го января сего 1876 года.		
14.	Далакаевская	Просторный класс и крайне плохое помещение для учителя	1. Учитель Хетагуров был прикомандирован к Александровской учительской школе; 2. Законоучитель священник Джануев.	Вследствие нерадения бывшего учителя Дзусова (не воспитавшего в Александровской учительской школе) отрешенного в настоящем году от должности, оказала весьма мало успехов.

15.	Даргав- ская	Помещается в тес- ном и неудобном здании, занятия мастерствами про- исходят в турлуч- ном доме.	Воспитанник Александровской школы Саламов, служит 3 год, за отсутствием священника, зна- ющего русский язык, преподает и Закон Божий.	С назначением в нее Саламова ведется прекрасно
Б. В Южной Осетии (в Горийском уезде)				
16.	Бекмар- ская или Карнис- ская	Помещение чистое и почти совершенно развалившееся.	С выходом учителя Татиева, среди самых неблагоприятных условий (на- селение оказывало не повиновение местной власти относительно поимки разбойников) сумевшего создать пре- красную школу, она временно закрыта до приискания учителя специалиста, с 1-го июля сего 1876 г.	
17.	Ортев- ская	Худшее из всех школьных поме- щений Общества, ремонтируется.	Воспитанник Александровской учительской школы Пурце- ладзе, служит 7-й год, за неимени- ем в с. Ортеви священника пре- подает и закон Божий.	Ведется удовлетво- рительно.
18.	Джав- ская	Помещение совер- шенно разваливше- ся, с обрушившей- ся крышей.	С поступлением в настоящем году учи- теля Санакоева в духовное звание, шко- ла эта временно закрыта до приискания учителя специалиста.	
19.	Рокская	Развалившаяся. сырое, холодное.	1. Учитель Па- пелов был при- командирован к Александровской учительской школе; 2. За отсутстви- ем священника, знающего по русски, препода- ет и закон Бо- жий.	Ведется вполне удов- летворительно.

Женские школы				
41.	Владикавказская осетинская девичья	Заклучен контракт с домохозяевым, по выполнении которого школа будет обладать соответствующим ее потребностям помещением.	1. Начальница, окончившая курс Тифлисского Института Агаева; 2. Классная дама, окончившая курс при Тифлисской женской гимназии Королевская; 3. Классная дама, окончившая курс С.-Петербургского Института Энкман; 4. Законоучитель священник Сухиев; 5. Окончивший курс Александровской учительской школы учитель Кончухидзе; 6. Учительница рукоделий (по частному найму)	Заведение это добросовестным выполнением своего назначения приобрело себе прочную и почтенную репутацию.
42.	Тионетская	Прекрасное.	Окончившая курс Тифлисского заведения Св. Нины Нацвалова.	Ведется замечательно хорошо.
43.	Ольгинская	Помещается вместе с мужской школой.	Окончившие курс Владикавказской осетинской девичьей школы 1. Доева и 2. Хатагова.	Ведется прекрасно. Учительница Доева удостоилась получить от Его Императорского Высочества, Августейшего Председателя Общества золотые часы.
44.	Даргкохская	Помещается вместе с мужской школой.	Окончившая курс Владикавказской Осетинской девичьей школы Дзигоева.	Удовлетворительное.

45.	Ардонская	Помещается в квартире священника.	Окончившая курс Владикавказской Осетинской школы Хурумова.	Вследствие постоянной смены детей приносит весьма мало пользы.
46.	Салугарданская	Наемное помещение.	Окончившая курс Владикавказской Осетинской девичьей школы Саламова.	Удовлетворительное.
47.	Хумалагская	Помещается в квартире учителя.	Окончившая курс Владикавказской Осетинской девичьей школы Кулаева.	Очень хорошо.

Источник: НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 13-21.

Таким образом, даже несмотря на общий, установочный характер министерских реформ первой половины 1870-х гг., они во многом способствовали более динамичному развитию кавказской школы. Народное просвещение в Кавказском наместничестве развивалось поступательно, в русле общероссийских тенденций, способствуя интеграции региона в социально-экономическую систему Российской империи.

Но в Осетии этот процесс не был однозначным: просвещение населения окраинных регионов империи не ставилось в ряд приоритетных направлений внутренней политики правительства, и поэтому система народного просвещения здесь была представлена лишь ее начальными уровнями, обеспечивающими начальное и низшее техническое образование. Организация школьного дела в осетинской сельской среде была полностью возложена на духовное ведомство, которое на Кавказе представляло Общество восстановления православного христианства. По мере собственных сил и материальных возможностей Общество открывало в осетинских приходах начальные школы, которые, несмотря на множество недостатков, приобретали все большую популярность в народе, о чем красноречиво свидетельствуют данные о количестве приходских

школ и их учащихся. Тяге населения Осетии к получению образования отвечали также реальные училища и гимназии, действовавшие во Владикавказе под управлением Терской дирекции народных училищ. В эти годы учебный процесс во всех учебных заведениях края находился в ведении Кавказского учебного округа, что в некоторой степени обеспечивало единство в постановке учебного дела в регионе. Однако конкуренция между различными ведомствами и администрациями, связанными с образовательной деятельностью, очень скоро привела к разобщенности целей и задач образования и смене ориентиров в организации образовательного процесса в России и в ее национальных регионах. Рассмотрению этих вопросов на примере Осетии будет посвящен следующий раздел.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ОСЕТИИ В УСЛОВИЯХ
РОССИЙСКИХ КОНТРЕФОРМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
80-х – 90-е гг. XIX в.)**

Начало 1880-х гг. отмечено резкими переменами во внутренней политике правительства, последовавшими после убийства императора Александра II. Изменение политического курса болезненно отразилось на национальных окраинах и, в частности, на Кавказе, где была решительно изменена вся система управления. В правительственной политике усиливается, если не сказать — гипертрофируется, тенденция к централизации управления, что ставит на повестку дня вопрос о допустимости такой специфической формы административного устройства, как наместничество.

Упразднение в начале 1882 г. Кавказского наместничества повлекло за собой изменения в структуре управления отдельными отраслями административной деятельности, в том числе и учебной частью. По принятому 26 апреля 1883 г. Учреждению управления Кавказского края Кавказ передавался в ведение главноначальствующего граждан-

ской частью⁴⁸². Кавказ лишался административной автономии, сливаясь с остальными регионами государства, а сам главноначальствующий — многих прерогатив бывшего наместника, в том числе относящихся к формированию направлений образовательной политики в Кавказском учебном округе. Все, что связывалось с осуществлением на Кавказе правительственной политики в сфере образования, подлежало теперь исключительно ведению Министерства народного просвещения и его представителя в лице попечителя Кавказского учебного округа. Сам учебный округ также терял ряд привилегий, прежде обосновавшихся местной спецификой, и входил теперь в ведение МНП на общих основаниях. Таким образом, в образовательной политике правительства на Кавказе, как, впрочем, и в других сферах административной деятельности, возобладали централистские установки.

Общая тенденция к централизации коснулась и сложившейся на Кавказе в период наместничества системы народного просвещения. Прежде всего был перестроен механизм центрального управления. По новым правилам, компетенция главноначальствующего в сфере образования была резко ограничена полномочиями попечителя округа, который не только пользовался теперь всеми правами, предоставленными попечителям других учебных округов империи, но также осуществлял надзор за учебной частью в Закавказском девичьем институте ведомства императрицы Марии Федоровны и распоряжался всеми средствами округа, предназначенными на нужды учебных заведений. Попечитель рассматривал также все соображения главноначальствующего относительно учебной части и, если считал нужным давать им дальнейший ход, передавал на рассмотрение в МНП со своим отзывом⁴⁸³. Устройством новых учебных заведений и преобразованием уже существующих обяза-

⁴⁸² ПСЗ-III. Т. III. № 1522. С. 187-205.

⁴⁸³ Там же. С. 195.

валось заниматься МНП по представлению попечителя округа.

При попечителе состояли совет, два окружных инспектора, инспектор училищ Общества восстановления православного христианства на Кавказе и канцелярия. Надзору инспектора училищ ОВПХ подлежали не только начальные училища, открытые в приходах самим Обществом, но и некоторые народные училища, учреждаемые правительством, хотя в порядке их заведования допускались особые правила.

Однако ряд принятых ранее положений, касающихся учебного дела на Кавказе, сохранял свою силу. Так, например, продолжало действовать Положение «о кавказских воспитанниках» 1867 г., обучающихся за счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи. С 1883 г. в связи с роспуском Кавказского комитета определение уроженцев Кавказского края казеннокоштными воспитанниками и стипендиатами в учебные заведения России, размер кавказских стипендий, в пределах установленных для этого сумм, и распределение стипендий по учебным заведениям производилось главноначальствующим гражданской частью на Кавказе⁴⁸⁴.

В целом же, характеризуя состояние народного просвещения на Кавказе после ликвидации наместничества, исследователи приходят к выводу о сворачивании правительственных программ, нацеленных на формирование системы светского образования в регионе, и отход от активной политики просвещения местных народов⁴⁸⁵, культивируемой наместниками М. С. Воронцовым и великим князем Михаилом Николаевичем. Либеральные принципы, на основе которых проводились образовательные реформы предшествующих десятилетий, уступили место новым взглядам на образовательный процесс в целом, ведущая роль в котором была отведена церкви

⁴⁸⁴ ПСЗ-III. Т. III. № 1522. С. 194-195.

⁴⁸⁵ Бозиев Р. С. Указ. соч. С. 219.

и духовенству, всегда претендовавшим на монополию в деле народного просвещения. Успешность религиозного воспитания традиционно связывалась с начальным образованием, которое давали школы, учреждаемые в православных приходах.

Основное бремя по их организации было возложено на духовное ведомство, представленное Св. Синодом. Так был разрешен принципиальный вопрос о единстве управления начальным образованием, что, по мнению Государственного совета, способствовало «наилучшему направлению сего дела по существу... и наиболее целесообразному и бережливому употреблению средств Государственного казначейства, могущих быть назначаемыми на потребности первоначального народного образования»⁴⁸⁶. Ведомство во главе со своим руководителем, обер-прокурором К. П. Победоносцевым, активно занялось формированием основ государственной образовательной политики, касающейся главным образом начальных ступеней образования.

«Победоносцев был известен как последовательный консерватор, православный традиционалист и сторонник неограниченной самодержавной власти, но одновременно он относился к “демофильскому” направлению в русском консерватизме, подчеркивающим необходимость единения Царя и народа, а также “обуздания” элиты», — отмечает Д. Л. Сапрыкин, анализируя обстоятельства появления царского манифеста от 25 марта 1901 г., в котором говорилось о необходимости «коренного пересмотра и исправления» «нашего учебного строя» и в подготовке которого самое деятельное участие принял и обер-прокурор⁴⁸⁷.

Но первые реформаторские преобразования Победоносцева, касающиеся «учебного строя», пришлось на

⁴⁸⁶ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 652.

⁴⁸⁷ Сапрыкин И. Д. Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009. С. 125, 126.

начало 1880-х гг. Исходя из собственных представлений о роли церкви в соблюдении государственных интересов и взглядов на соотношение в учебном процессе светского образования и морально-нравственного, религиозного воспитания, Победоносцев инициировал реформу начального школьного образования. Она стала важным событием во внутривластительской жизни Российской империи. В центре реформы находилась приходская школа, изначально игравшая роль основного инструмента идеологического воздействия на низшие слои населения.

Константин Петрович Победоносцев

Реформа приходских школ, осуществленная в 1884 г., превратила церковь в ведущую координирующую силу в деле начального образования. Проводником синодальной политики стали церковно-приходские школы — так стали именоваться начальные училища, открываемые православным духовенством. В соответствии с утвержденными

13 июня 1884 г. Правилами о церковно-приходских школах⁴⁸⁸ главной целью церковно-приходской школы объявлялась воспитательная и лишь затем — образовательная: «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»⁴⁸⁹. Особо оговаривалось, что церковно-приходские школы нераздельно с церковью должны «внушать детям любовь к церкви и богослужению, дабы посещение церкви и участие в богослужении сделалось привычкой и потребностью сердца учащихся»⁴⁹⁰.

Новые правила утверждали два типа церковно-приходской школы: одноклассной — с двухлетним и двухклассной — с четырехлетним курсом. Основными преподаваемыми дисциплинами являлись Закон божий, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения; в двухклассных школах курс расширялся за счет включения начальных сведений «из истории Церкви и Отечества». Несмотря на то, что учебные программы школ утверждались Св. Синодом, состав изучаемых в одноклассных школах предметов должен был соответствовать предметному курсу, определенному МНП в Положении о начальных народных училищах 1874 г. Под надзор духовного начальства ставились и сельские школы грамоты для крестьян (подробнее о школах грамоты будет сказано ниже). При церковно-приходских школах дозволялось открывать дополнительные классы по изучению школьных предметов, ремесленные и рукодельные отделения, а также воскресные школы для тех, кто не мог посещать школу ежедневно.

Теперь обучением и надзором за учебным процессом в церковно-приходских школах предписывалось зани-

⁴⁸⁸ ПСЗ-III. Т. IV. № 2318. С. 372-374. Правила просуществовали до апреля 1902 г., когда было принято новое «Положение о церковных школах ведомства православного исповедания» (ПСЗ-III. Т. XX. Отд. 1-е. № 21290. С. 206-211).

⁴⁸⁹ ПСЗ-III. Т. IV. № 2318. С. 372.

⁴⁹⁰ Там же. С. 373.

маться лицам духовного звания. В школах дозволялось работать и утвержденным епархиальным начальством учителям, которые получили образование в духовных учебных заведениях или женских училищах духовного ведомства. Непосредственное заведование и ближайшее руководство школами возлагалось на приходских и благочинных священников. Высшее управление всеми церковно-приходскими школами и распоряжение средствами, отпускаемыми на их содержание, принадлежало Св. Синоду. Представители светской учебной администрации, в том числе директор народных училищ, могли входить в создаваемые епархиальные училищные советы и участвовать в их заседаниях. Общее заведование церковно-приходскими школами в каждой епархии поручалось епархиальному архиерею.

Перепоручая начальное народное образование духовному ведомству, МНП обязывало администрацию учебных округов «оказывать полное содействие православному духовенству к открытию и поддержанию церковно-приходских школ», т.к. «только ближайшее и деятельное участие духовенства в деле народного образования может придать последнему тот глубоко религиозный характер, который так необходим и дорог русскому народу»⁴⁹¹.

Поворот государственной политики в сфере народного просвещения в сторону его клерикализации обусловил пересмотр статуса и функций учреждений духовного ведомства, так или иначе связанных с образовательным процессом. На Кавказе таким учреждением было Общество восстановления православного христианства, которое со дня своего основания в организационном отношении существовало независимо от Святейшего Синода, находясь под непосредственным управлением кавказского наместника. Представители духовного ведомства в лице экзарха

⁴⁹¹ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Четвертое пятилетие. 1882-1886. Тифлис, 1889. С. 197.

Грузии занимали лишь должность вице-председателя совета Общества. Стремясь ликвидировать обособленность Общества, обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев поднял вопрос о переподчинении ОВПХ и передаче его от светской власти к духовной. Предложения обер-прокурора были внесены на рассмотрение в комитет министров, который своим решением утвердил проект обновленного устава Общества восстановления православного христианства на Кавказе⁴⁹². В его новой редакции, вступившей в силу 10 февраля 1885 г.⁴⁹³, декларировался переход Общества в подчинение Св. Синоду и под непосредственное ведение экзарха Грузии, который объявлялся председателем Общества и ставился во главе его совета. Вице-председатель совета назначался главноначальствующим гражданской частью на Кавказе.

Основной целью Общества оставалась миссионерская деятельность среди кавказских горцев, которой подчинялась и ее образовательная составляющая. Все прежние приходские школы, находившиеся в ведении ОВПХ, переименовывались в церковно-приходские с применением к ним Правил о церковно-приходских школах от 13 июня 1884 г.

Поначалу, после утверждения нового устава ОВПХ, церковно-приходские школы находились под надзором инспектора училищ Общества восстановления православного христианства на Кавказе, т.е. в педагогическом отношении были связаны с Кавказским учебным округом. Однако уже 9 мая 1886 г. должность инспектора училищ ОВПХ была передана в ведение Св. Синода⁴⁹⁴ и, по сути, оказалась соединена с должностью миссионера. После передачи функций инспекции школ ОВПХ в духовное ведомство инспектором и миссионером стал

⁴⁹² См.: Сборник распоряжений... Первое пятилетие. 1891. С. 932-940.

⁴⁹³ ПСЗ-III. Т. V. № 2726. С. 42-46.

⁴⁹⁴ Там же Т. VI. № 3686. С. 188-189.

архимандрит Леонид. Задачи инспекции сводились к проверке усвоения учениками церковно-приходских школ догматов церкви и их нравственного состояния. Но, поскольку штат инспекции располагался в Тифлисе, непосредственное ознакомление с положением дел в школах Терской области было достаточно затруднительным. Фактически же школы, как и прежде, были предоставлены попечению местного духовенства и окружной администрации. А после выделения в 1894 г. из грузинского экзархата самостоятельной Владикавказской епархии церковно-приходские школы Владикавказского округа перешли в непосредственное ведение Владикавказского епископа.

В действительности, переподчинение ОВПХ духовному ведомству не изменило общей направленности работы этого учреждения по распространению начальной грамотности среди местного населения. Общество продолжало заниматься организацией начального школьного образования, стремясь привлечь к этой деятельности и сами сельские общества, и состоятельных лиц, интересующихся школьным делом и готовых к пожертвованиям на эти цели. В 1886-1894 гг. в Осетии действовало от 15 до 21 церковно-приходских школ, находящихся в ведении ОВПХ. Число школ не было постоянным, поскольку бедность населения, нехватка учителей, отсутствие подходящих для занятий помещений или недостаточное для открытия классов количество учеников заставляли идти на закрытие ряда школ в отдельных, малонаселенных отселках (как, например, в Галиате и Махческе)⁴⁹⁵.

Несомненно, на состоянии школьного дела в Осетии сказывалась и общая обстановка в стране, пронизанная духом реакционности. По замечанию одного из деятелей народного просвещения Харитона Уруймагова, в это десятилетие в школах «наибольшим вниманием окружают

⁴⁹⁵ См.: Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 150-154.

преподавание закона божьего, а на остальные предметы не обращают никакого внимания, “Родное слово” Ушинского выдворили из школы... Осетинский язык в загоне...”⁴⁹⁶

В этот сложный период было закрыто и несколько сельских женских школ⁴⁹⁷. А в 1890-х гг. развернулась острая борьба за сохранение Владикавказской осетинской женской школы, открытой еще Аксо Колиевым в 1862 г. и преобразованной в 1866 г. в трехклассную. Совет ОВПХ, на чьи средства существовала школа, пытался закрыть ее после двадцатипятилетнего существования под предлогом несоответствия миссионерским задачам Общества восстановления православного христианства на Кавказе⁴⁹⁸. Одним из аргументов в пользу закрытия учебного заведения служило то обстоятельство, что школа якобы «уклонилась от намеченной цели своего учреждения — готовить туземок-осетинок к занятию должностей учительниц в осетинские сельские школы». Вместо этого школа «служила главным образом обучению детей владикавказских горожан из низших сословий, по программе прогимназического курса, отучая в то же время от сельской среды и тех немногих осетинских сельских девочек, которые находились в школе вместе с горожанками»⁴⁹⁹.

В Совете ОВПХ считали, что более эффективно школа будет работать на территории Грузинского экзархата, и потому предлагали перенести школу в Закавказье, в местечко Цхинвали⁵⁰⁰. Против этой идеи активно высказывались во Владикавказской епархии⁵⁰¹, на что Совет предложил духовенству епархии преобразовать осетинскую женскую школу в г. Владикавказе в епархиальное училище, но эту мысль не поддержали в Грузинском эк-

⁴⁹⁶ Цит. по: История Северо-Осетинской АССР. Т. I. С. 350.

⁴⁹⁷ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 150-151.

⁴⁹⁸ Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880-1901. Тифлис, 1903. С. 338-339.

⁴⁹⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁵⁰⁰ Там же. Д. 75. Л. 4-6.

⁵⁰¹ Там же. Л. 10, 14.

зархате⁵⁰². Взамен упраздняемой женской школы в городе предполагалось открытие двух женских школ в селениях Новохристиановском и Хумалаге, о чем были оповещены жители этих селений⁵⁰³.

На защиту школы поднялась вся передовая общественность Осетии во главе с самым ярким ее представителем К. Л. Хетагуровым⁵⁰⁴. О том, чтобы оставить школу во Владикавказе, настойчиво ходатайствовало Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области⁵⁰⁵. Поступающие в Совет ОВПХ, в Грузинский экзархат и в Св. Синод ходатайства поддерживались и на разных уровнях региональной администрации — от начальника Терской области С. Е. Толстова⁵⁰⁶ до главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г. С. Голицына⁵⁰⁷. К движению по защите школы присоединился и бывший кавказский наместник, а в те годы — председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич. Школу удалось отстоять — 4 августа 1901 г. из Св. Синода экзарху Грузии поступило распоряжение оставить осетинский женский приют во Владикавказе⁵⁰⁸. Это событие дало толчок к открытию целого ряда женских школ, готовивших учительниц для начальных училищ. «Без учительниц, — подчеркивал Коста Хетагуров, — немыслимо было бы никогда достичь тех благо-

⁵⁰² Там же. Д. 7. Л. 3.

⁵⁰³ См.: там же. Д. 73. Л. 1-5.

⁵⁰⁴ См. подробнее: Гостиева Л. К. Борьба осетинской интеллигенции за сохранение Владикавказской Ольгинской женской школы в конце XIX века // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2014. С. 64-72; Нарон. Владикавказские письма (маленькая история) // Северный Кавказ. 23 января 1897 г. № 7.

⁵⁰⁵ См.: НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 11, 14.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 10-12.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 12-13.

⁵⁰⁸ См.: там же. Л. 13-15.

творных результатов, которые мы теперь видим. Владикавказская женская школа незаметно сделалась по требованиям и обстоятельствам времени женскою учительскою семинарией»⁵⁰⁹.

В целом усилиями Совета ОВПХ число школ в Осетии понемногу росло, и уже к 1898 г. здесь вдобавок к существующим 32 школам было вновь открыто 18, из которых 32 являлись церковно-приходскими, а 18 — школами грамоты. В числе открываемых школ были и школы для девочек — к 1 января 1895 г. в восьми женских школах Осетии обучалось 379 девочек⁵¹⁰.

Судя по отчету Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета за 1897-98 уч. гг., 17 из церковно-приходских школ содержались за счет ОВПХ, остальные — на средства училищного совета при Св. Синоде⁵¹¹. Таким образом, церковно-приходские школы могли получать содержание из трех основных источников — от Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе, от Св. Синода и от сельских обществ. В среднем Совет ОВПХ отпускал на содержание учителей в 16 ранее открытых школах 6979 руб. 68 коп.⁵¹²

В церковно-приходских школах Владикавказской епархии учебными предметами являлись Закон божий, русский язык, арифметика, осетинский язык, во многих школах — география и русская гражданская история и церковное пение; в некоторых школах курс дополнялся церковно-славянским чтением⁵¹³. Многие школы имели небольшие садово-огородные участки, где ученики знакомились с основами садоводства и огородничества. Вырученные от продажи урожая деньги поступали на

⁵⁰⁹ Нарон. Развитие школ в Осетии // Северный Кавказ. 1901. № 69.

⁵¹⁰ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 153-154.

⁵¹¹ Там же. С. 161-162.

⁵¹² Габеев А. Я. Указ. соч. С. 20.

⁵¹³ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.

ремонт школы и приобретение учебников и учебных пособий⁵¹⁴.

Церковно-приходские школы давали довольно скудные знания общеобразовательного характера, но, несмотря на это, они были достаточно востребованными, т.к. являлись единственными доступными для горской бедноты учебными заведениями. И жители осетинских сел с готовностью жертвовали для своих школ всем самым необходимым. Так, в рапорте инспектора школ ОВПХ архимандрита Леонида за 1893 г. говорилось о готовности жителей горного и малодоступного Стыр-Дигорского прихода Северной Осетии устроить у себя церковно-приходскую школу, построить для нее на свои средства «приличное помещение» и самим обеспечить половину жалованья учителю в размере 150 руб. в год. Архимандрит считал, что это желание общества нужно встретить «очень сочувственно», поскольку ввиду полной безграмотности местного населения здесь «начинает свивать широкое гнездо» мусульманство⁵¹⁵. По этой же причине положительно было воспринято желание жителей Санибанского общества устроить у себя церковно-приходскую школу и на свои средства выстроить для нее помещение, о чем в 1898 г. был составлен общественный приговор⁵¹⁶.

И в уже упоминавшемся отчете Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета за 1897-98 уч. г. особо отмечено «сочувственное», «желательное и приятное» отношение населения к церковно-приходским школам. «Сельские общества, при всей своей нередко крайней бедности, сами на свой счет без всяких пожертвований и помощи со стороны строят удобные помещения для школы и учителей, дают отопление и ремонт всему помещению, дают жалованье по 300 руб. в год

⁵¹⁴ Там же. Л. 10.

⁵¹⁵ Там же. Д. 74. Л. 1.

⁵¹⁶ Там же. Д. 7. Л. 55-56.

учителям и потом внимательно относятся ко всему школьному делу, — писал Косьма Токаев, наблюдатель над церковно-приходскими школами Осетии. — Сами просят и молят, чтобы открыли у них хотя какую-нибудь школу и каких нередко трудов стоит горцам построить школьное здание, по пешеходной тропинке приходится перевозить волоком или на своих плечах перетаскивать всякое бревнышко через горы и скалы издалека. И они при всех этих трудностях стараются устроить у себя школы, гораздо более ревнуя о школьном просвещении, чем соседи их русские казаки, живущие в гораздо более выгодных условиях...»⁵¹⁷

Взросший интерес местных жителей к образованию сказывался и на численности учащихся в церковно-приходских школах. В большинстве из них число учеников превышало норму и доходило до 100-150, а в Вольно-Христиановской в 1894 г. было 269 учащихся⁵¹⁸. Несмотря на то, что в соответствии с программами церковно-приходских школ максимальный срок обучения ограничивался четырьмя годами (в двухклассных школах), ученики ходили в школу по 5, 6, 8 лет, оканчивая ее к 12-18 годам⁵¹⁹, и при этом школы были в основном одноклассными. В целом в 1894 г. в существующей в Осетии 21 начальной школе (в том числе сельском начальном училище в сел. Эльхотовском и Алагирской школе ведомства православного исповедания) обучалось 1986 детей, из них 379 девочек⁵²⁰.

Таким образом, несмотря на целый комплекс обстоятельств, сдерживавших распространение церковно-приходской школы в Осетии (слабое финансирование, неблагоприятные материальные условия существования, нехватка педагогических кадров и зачастую недостаточный профессиональный уровень уже имеющих и т.п.), налицо была тенденция к их прогрессирующему развитию. Инсти-

⁵¹⁷ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 163-164.

⁵¹⁸ Там же. С. 154.

⁵¹⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.

⁵²⁰ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 153-154.

тут церковно-приходских школ объективно содействовал расширению начального народного образования в регионе.

Как уже было отмечено, церковно-приходские школы испытывали острую нужду в подготовленных учительских кадрах. Число выпускников Тифлисской Александровской учительской школы и Владикавказского осетинского женского приюта имени княгини Ольги Федоровны было невелико и не могло обеспечить преподавателями все школы в приходах. Чтобы как-то восполнить недостаток в учителях, а кроме того — и в священнослужителях для осетинских приходов, Св. Синод по представлению Совета ОВПХ 29 марта 1887 г. издал указ об открытии в сел. Ардон осетинского духовного училища. В обосновании этого решения свою роль сыграла «трудность замещения священноцерковнослужительских мест в Осетии, по условиям сурового и тяжелого строя жизни осетин, лицами, чуждыми этой среды по своему происхождению и воспитанию»⁵²¹.

Известие о появлении нового учебного заведения во Владикавказском округе обрадовало всех жителей Осетии, в особенности ардонцев. В знак признательности доверенные от Ардонского общества телеграфировали экзарху Грузии о том, что отдали под училище «каменное двухэтажное здание, стоящее 15 тысяч. Здание посвящено коронации их величеств, в нем больших 8 комнат, четыре класса, зал для школы, под сад отведено две десятины огороженных, деревья на наш счет, старое школьное здание тоже жертвуем, а если еще потребуется и землю. Ардон центр Осетии, [рядом] станицы, где все продукты, квартира — лучшая гарантия училищу»⁵²².

После нескольких месяцев согласования устава, штата, учебной программы и расписания занятий училище было, наконец, открыто 11 октября 1887 г., получив наименование Ардонское Александровское осетинское

⁵²¹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 71. Л. 36.

⁵²² Там же. Л. 41-42.

духовное училище⁵²³. Устав этого учебного заведения провозглашал в качестве основной цели «приготовление священно- и церковно-служителей в осетинские приходы и учителей в осетинские церковно-приходские школы Общества восстановления православного христианства на Кавказе»⁵²⁴. Училище находилось под главным управлением Св. Синода и наблюдением экзарха Грузии и относилось к ведению Владикавказского епископа. Руководство учебно-воспитательной частью осуществлялось правлением Тифлисской духовной семинарии. Учебный курс училища был трехклассным (по два года в каждом классе).

В качестве училища новое духовное учебное заведение просуществовало недолго и успело сделать только два выпуска, в составе которых было менее 40 учащихся⁵²⁵. Из них только пятеро посвятили себя служению церкви, став священниками. По-прежнему острая нужда в священниках для осетинских приходов и кадрах для церковно-приходских школ диктовала необходимость учреждения специального духовного учебного заведения, которое готовило бы священнослужителей в приходы и школы при них. В этих целях в начале 1895-1896 уч. г. Ардонское Александровское осетинское духовное училище было преобразовано в Александровскую миссионерскую духовную семинарию⁵²⁶.

Духовная семинария предназначалась для подготовки «местных юношей к служению, в звании священно-церковнослужителей и учителей, миссионерским целям Общества восстановления православного христианства

⁵²³ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 249.

⁵²⁴ Там же. С. 237.

⁵²⁵ В 1893-94 уч. г. в числе учащихся старших (IV и III) классов Владикавказского духовного училища значилось 15 и 19 человек соответственно. Они и стали первыми выпускниками училища перед его преобразованием в семинарию (НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74. Л. 10).

⁵²⁶ ПСЗ-III. Т. XV. № 11999. С. 539-541.

на Кавказе в пределах Владикавказской епархии и южной Осетии»⁵²⁷. В учебном плане семинарии значилось 22 предмета, среди которых, наряду с богослужебными, были всеобщая и русская история, педагогика и дидактика (с включением психологии и логики), география, математические дисциплины, русский и осетинский языки (причем осетинский язык и проповедь на нем проходились всеми учениками⁵²⁸), пение, иконописание, а также «противо-мусульманская полемика» (в двух старших классах), предполагавшая знакомство семинаристов с основами ислама. Предметы светского цикла преподавались хорошо подготовленными учителями, среди которых были даже выпускники Казанского университета⁵²⁹.

Программа семинарии была рассчитана на шесть классов с годичными курсами в каждом, приближаясь таким образом к гимназической. В семинарию принимались мальчики в возрасте 14-18 лет, окончившие церковно-приходскую школу Общества восстановления православного христианства на Кавказе, и выпускники духовных училищ. Обучение в семинарии было платным и стоило 20 руб. в год. От уплаты освобождались дети жителей сел. Ардон, т.к. Ардонское общество отвело под семинарию землю и построило здание для этого учебного заведения. На казенные вакансии могли определяться лучшие ученики из беднейших семей: по шесть человек «из русских» — на средства Св. Синода и «из туземцев» — на счет ОВПХ.

⁵²⁷ Там же. С. 539.

⁵²⁸ Впрочем, уже в начале XX в. преосвященный Кирион, миссионер-инспектор школ ОВПХ, по поручению экзарха Грузии давший отзыв на отчет Ардонской семинарии, высказал пожелание, чтобы воспитанники из «не-осетин» вместо осетинского языка занимались изучением русского раскола, старообрядчества и сектанства (см.: Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. С. 313).

⁵²⁹ См.: Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. С. 287-297.

Аргон. Александровская миссионерская духовная семинария

Приветствовалось поступление в семинарию «мусульман из туземцев», для которых при семинарии специально учреждалась подготовительная школа с 15 стипендиями по 60 руб. каждая. В отчетах ОВПХ можно обнаружить сведения о количестве мусульман среди учеников семинарии, и, например, в 1898 г. там обучалось шесть мусульман⁵³⁰.

В 1900 г. Св. Синод удовлетворил ходатайство ОВПХ об отчислении из 72 казеннокоштных стипендий семинарии 15 стипендий в непосредственное распоряжение Совета Общества. Стипендии должны были предназначаться для способных выпускников школ ведомства ОВПХ, «по преимуществу детей горских народов — хевсур, пшавов, тушин, сванов, абхазцев и др., не исключая и детей священно-служителей горских приходов; в случае же неполного контингента на замещение 15-ти стипендий, принимать и из уроженцев южной Осетии»⁵³¹.

В семинарию желали попасть не только дети из среды духовенства. К примеру, в 1898-99 уч. году среди 150 ее учеников было только 15 человек из духовного сословия, а

⁵³⁰ Там же. С. 298.

⁵³¹ Там же. С. 317, 318.

остальные — из крестьянского, ремесленного и казачьего сословий. Основную часть учащихся составляли осетины — в том же году их было 106 человек, среди остальных — 39 человек были русскими, 4 — грузинами и 1 — кабардинец⁵³².

Ректор Александровской миссионерской духовной семинарии архимандрит Иоанн становился председателем учрежденного с 31 декабря 1895 г. при Владикавказском епархиальном училищном совете Ардонского отделения, специально созданного для заведования всеми церковно-приходскими школами Северной Осетии⁵³³. С февраля 1898 г. эту должность занял протоиерей Косьма Токаев, в течение ряда лет исполнявший обязанности наблюдателя над церковно-приходскими школами Осетии⁵³⁴. С появлением Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета к нему перешли функции по организации и управлению церковно-приходскими школами Осетии. Открытие и содержание новых школ, инспекторский надзор, назначение и увольнение учителей — все это входило в обязанности Ардонского отделения. Можно констатировать, что с учреждением этой структуры положение церковно-приходских школ Осетии несколько улучшилось, поскольку ближайшее управление ими стало осуществляться местной организацией, расположенной на подведомственной территории.

Впрочем, открытие духовной семинарии не сняло вопроса о необходимом контингенте преподавателей для церковно-приходской школы. Нехватка средств у семинарии не позволяла принимать достаточное количество воспитанников — их общее число ограничивалось 150, и в год семинария выпускала не более 15 учеников⁵³⁵. К тому же, по наблюдениям председателя Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета К. То-

⁵³² Там же. С. 297-298.

⁵³³ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 154.

⁵³⁴ См.: Гостиева Л. К. Православие в Осетии. С. 296, 300.

⁵³⁵ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 164.

каева, среди выпускников семинарии было мало «вполне правоспособных и достойных»⁵³⁶. Лучшие из них занимали места в школах, содержащихся Советом ОВПХ, но в целом школ для населения Осетии по-прежнему не хватало. «Если бы были достаточные средства на содержание учителей, было бы достаточное количество достойных учительства кандидатов, — сетовал по этому поводу Токаев, — то можно было бы открыть церковные школы во всяких отселках или, по крайней мере, для двух-трех соседних отселков»⁵³⁷.

Тем не менее, несмотря на объективные сложности, Александровская миссионерская духовная семинария сыграла значительную роль в образовании осетинской молодежи. «Можно без преувеличения сказать, — пишет Х. С. Черджиев, — что эта семинария дала Северной Осетии куда меньше миссионеров и священников, чем деятелей культуры и хозяйства, получивших там среднее образование и возможность поступить в высшие специальные учебные заведения. Она сыграла, вопреки воле и желанию своих организаторов, выдающуюся роль в создании первых кадров осетинской интеллигенции, разношерстной по своему классовому происхождению и политическим убеждениям»⁵³⁸. Из ее стен вышли не только священники, но и народные учителя, врачи, юристы, литературные деятели, оставившие заметный след в осетинской культуре. В результате своей деятельности Ардонская семинария способствовала развитию в крае народного просвещения и формированию светской интеллигенции.

Вопрос о женском образовании в Осетии также тесно связывался с педагогическими кадрами, нехватка которых особенно остро ощущалась в сельских начальных школах. Чтобы пополнить ряды сельских учительниц, в отдельных

⁵³⁶ Там же. С. 162.

⁵³⁷ Там же. С. 164.

⁵³⁸ Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. С. 11.

селах Осетии в течение 1890-х гг. открывались женские школы. Как уже упоминалось, на волне кампании по закрытию Владикавказской осетинской женской школы в сел. Новохристиановском и Хумалаге в январе 1891 г. появились новые женские школы, готовившие сельских учительниц⁵³⁹. Открытием этих школ достигалась «давняя мысль совета общества готовить учащихся для туземных школ в той же сельской обстановке, в которой им предстоит возвращаться, лежавшая в основе учреждения известного специального мужского училища в селении Ардоне»⁵⁴⁰.

Отдельное место в системе женского образования заняло епархиальное женское училище для дочерей осетинского духовенства, открытое во Владикавказе 17 октября 1894 г. В год открытия училище посещало 32 ученицы⁵⁴¹. Первоначально оно существовало как трехклассное учебное заведение с двухгодичным курсом в каждом классе, а уже в 1903-1904 гг. было преобразовано в шестиклассное, приближаясь в учебном отношении к общеобразовательным учебным учреждениям гимназического типа. Окончившие училище девушки получали звание домашней учительницы⁵⁴². Женские учительские кадры готовились и в специально созданных в 1893 г. при Ольгинской женской гимназии педагогических классах⁵⁴³.

Ускоренные темпы экономического и социокультурного развития пореформенного Северного Кавказа, стремительная урбанизация городов, распад прежних патриархальных отношений и связанного с ними мировоззрения в сельской среде предъявляли повышенные требования к обычным людям. В ряду их повседневных потребностей одно из наиболее значимых мест все более и более настой-

⁵³⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 6.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 6.

⁵⁴¹ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. Владикавказ, 1895. С. 54.

⁵⁴² История Осетии. Т. 2. С. 328-329.

⁵⁴³ Там же. С. 330.

чиво занимало образование. «Для полноценного внедрения в новую систему социально-экономических отношений было необходимо в короткие сроки становиться их равноправными участниками, обладающими жизненно необходимыми навыками и знаниями — как профессиональными, так и социально-культурными, — пишет К. Р. Дзалаева. — В этих условиях образование стало наиболее закономерным и эффективным способом получения возможности удовлетворения все возрастающих экономических и материально-бытовых потребностей осетин»⁵⁴⁴.

Однако имеющиеся учебные заведения не могли обеспечить даже элементарные образовательные запросы всех желающих. Государство очевидно не справлялось с задачами просвещения основной массы населения страны, не говоря уже о ее национальных окраинах. Но и духовное ведомство, на которое были переложены проблемы организации начального образования, не располагало необходимыми ресурсами, чтобы охватить всю империю достаточным количеством церковно-приходских школ. Во-первых, у Св. Синода для этих целей было недостаточно средств, во-вторых, свою негативную роль играла общая для страны проблема с педагогическими кадрами.

И на рубеже 1890-91 гг. в синодальном училищном совете обратили особое внимание на т.н. школы грамоты, которые организовывались для российских крестьян чаще всего в порядке личной или общественной инициативы, но находились под управлением духовного ведомства⁵⁴⁵. Теперь сеть школ грамоты должна была покрыть все епархии империи за исключением Рижской и Великого княжества Финляндского. Важность этого вопроса подчеркивалась тем, что он рассматривался в нескольких ведомствах: Народного просвещения, Военном и Внутренних дел, по-

⁵⁴⁴ Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX — начало XX вв.). 2-е изд., перераб. Владикавказ, 2012. С. 27.

⁵⁴⁵ Сборник распоряжений... Пятое пятилетие. Ч. 2. С. 1184.

сле чего выработанные Св. Синодом «Правила о школах грамоты» были высочайше утверждены 4 мая 1891 г.⁵⁴⁶ Таким образом существовавшие прежде школы грамоты получили правовую основу.

В соответствии с Правилами, школы грамоты являлись школами начального обучения, открываемыми в городских и сельских приходах и при монастырях и находящимися в ведении местных епархиальных училищных советов или их отделений. Высшее управление этими школами и право распоряжения средствами на их содержание осуществляло духовное ведомство. Их учебный курс рассчитывался на один год, в течение которого ученикам преподавались Закон божий, церковное пение, чтение (церковно-славянское и русское), письмо и сведения из арифметики («начальное счисление»). Правила предписывали обращать особое внимание приходских священников на «церковно-воспитательную сторону школ грамоты, как то: благоговейное чтение молитв в школе, посещение учащимися храма Божия в воскресные и праздничные дни, внеклассное чтение книг и брошюр назидательного содержания»⁵⁴⁷. Учителем в таких школах полагалось приходским священникам или другим членам причта, но дозволялось работать в них и светским учителям, если они являлись лицами «православного исповедания, благочестивой жизни и знакомыми с предметами начального обучения». Впрочем, дефицит более или менее квалифицированных педагогических кадров обусловил довольно низкую профессиональную планку для учителей школ грамоты — в них могли работать и люди, не имеющие свидетельства на звание начального учителя или учителя церковно-приходской школы. В подобных случаях приходской священник обязан был удостовериться, что кандидат достаточно сведущ в Законе божьем, священной истории и других предметах обу-

⁵⁴⁶ ПСЗ-III. Т. XI. №7665. С. 235-238.

⁵⁴⁷ Там же. С. 237.

чения в школе грамоты, что давало основания для выдачи письменного разрешения на вступление в должность учителя.

По существу, школы грамоты представляли основной тип дореформенной сельской школы: «они не давали своим воспитанникам никаких прав и свидетельств, не имели постоянного помещения (пусть даже наемного), почти не контролировались властью (хотя формально состояли под надзором приходских священников) и всецело воплощались в учителе, работавшем за плату от родителей своих учеников по договору с ними и в предоставленном ими помещении — как правило, в избе, где жил один из учеников... Единственным преимуществом таких школ была их доступность: завести школу, то есть нанять грамотного человека для обучения своих детей, могли в складчину даже несколько крестьянских дворов»⁵⁴⁸.

В Осетии школы грамоты открывались в значительном количестве. Преподавателями в них назначались те, кто окончил класс церковно-приходской школы. Подобные школы служили альтернативой школе церковно-приходской, поскольку разбросанность нескольких отселков одного прихода и их отдаленность от села, где размещалась церковь и школа при ней, исключали для их жителей возможность обучения в сельской школе. Так, только в 1898 г. были устроены школы грамоты в сел. Ахсау, Гуларе, Задалеске, Цомаде, Архоне, Кобане, Лисри и Ногкау⁵⁴⁹. Каждую из них посещало от 40 до 60 человек, и, по свидетельству духовной училищной администрации, это число с каждым годом увеличивалось⁵⁵⁰.

⁵⁴⁸ Зубков И. В. Система начальных и средних учебных заведений в России (1890-1916 годы) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 105-106.

⁵⁴⁹ См., например: Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Исторический ракурс: Сборник документов. Владикавказ, 2012. С. 83.

⁵⁵⁰ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.

Впрочем, несмотря на специальные «Правила о школах грамоты», плана по их организации ни у Св. Синода, ни у епархиального начальства, ни у ОВПХ не было. Школы открывались стихийно и, зачастую просуществовав лишь несколько месяцев, так же стихийно закрывались. Вместе с тем, само их появление стало реакцией на мощный социальный запрос, возникший в среде осетинского крестьянства, — запрос на образование.

Об этом же свидетельствовали и воскресные школы — совершенно новый тип учебных учреждений, организуемых для тех, кто не мог посещать начальные школы ежедневно, а также для взрослых, желающих обучиться грамоте. Сама история воскресных школ примечательна тем, что наглядно иллюстрирует стремление российской интеллигенции, возникшее на рубеже 50-60-х гг. XIX в. на волне общественного подъема в преддверии предстоящих реформ, приобщить к грамоте беднейшие слои российского общества — крестьян, заводских рабочих, неимущих горожан. Поначалу это были бесплатные популярные курсы общеобразовательного направления, организованные для взрослых и детей энтузиастами из среды российской интеллигенции, в том числе студенчества. Прототипы воскресных школ возникли практически одновременно не только в Петербурге, Киеве, Пермской губернии, но и в российской провинции⁵⁵¹. Очень скоро курсы оформились в школы, и к движению по их открытию подключились профессиональные сообщества, как, например, ремесленные управы. Распространению воскресных школ во многом способствовало «сочувственное» отношение к ним военного ведомства, предоставлявшего помещения в своих зданиях, а также Министерства народного просвещения, которое не только разрешало помещаться воскресным школам в зданиях уездных училищ и гимназий, но и признало само открытие их полезным⁵⁵².

⁵⁵¹ См. подробнее: Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900.

⁵⁵² Сборник распоряжений... Первое пятилетие. С. 743.

В правовом отношении воскресные школы руководствовались распоряжением МНП от 30 декабря 1860 г. «О предметах преподавания в воскресных школах»⁵⁵³. Программы этих школ не были перегружены, поскольку их учителям рекомендовалось исходить из реальных возможностей и способностей к обучению самих учащихся. В них включались Закон божий (преподаваемый священником), русская грамота (в том числе письмо), арифметика, а если позволяли средства, то и основы естествознания, географии и истории; в женских школах преподавалось еще и рукоделие, а в учредители женских воскресных школ допускались только женщины⁵⁵⁴. За три года (с 1858 по 1861) в России появилось более 300 воскресных школ.

Затем это движение утало в связи с высочайшим повелением от 10 июня 1862 г. по поводу «временного» закрытия воскресных школ впредь до выработки подробных законоположений. Однако отдельного законодательного акта, регулирующего деятельность воскресных школ, так и не появилось. Лишь вскользь о них было упомянуто в Положении о начальных народных училищах 1864 г.⁵⁵⁵, которое приравнивало воскресные школы к общему типу начальных училищ без учета особенностей, касающихся их возникновения и функционирования, и обозначало их ведомственную отнесенность к Министерству народного просвещения. Лишь спустя 10 лет, в 1874 г., воскресные школы впервые получили законодательное оформление в новом Положении о начальных народных училищах⁵⁵⁶, которое «все вообще воскресные школы» приравнивало к обыкновенным начальным училищам, находившимся в ведении МНП. С изданием 13 июня 1884 г. Правил о церковно-приходских школах воскресные школы были отнесены к разряду церковно-приходских школ, перейдя таким образом в синодальное ведомство. В

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Там же. С. 744-745.

⁵⁵⁵ См.: Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 450.

⁵⁵⁶ См.: ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 1-е. № 53574. С. 834-840.

целом же ни законодатель в лице государства, ни учебная администрация особого внимания делу развития воскресных школ не уделяли, и их появление, да и сама деятельность, по существу становились возможными во многом благодаря общественной инициативе.

Очередная волна по открытию народно-просветительских учреждений, какими виделись воскресные школы, поднялась в конце 1880-х гг. Как писал историк воскресных школ в России Я. В. Абрамов, «движение это проявилось в самых отдаленных друг от друга местностях — от Петербурга до Барнаула... Среди лиц, выступивших в качестве инициаторов открытия новых воскресных школ, мы встречаем людей самых разнообразных возрастов и общественных положений. Молодые девицы здесь чередуются с зрелыми и даже престарелыми дамами, лица педагогической профессии — с духовенством и людьми, до сих пор стоявшими совершенно в стороне от школьного дела, совершенно неизвестные имена — с именами, пользующимися громкою известностью в данном городе или даже далеко за пределами его»⁵⁵⁷. В целом в городах Российской империи с 1888 по 1899 гг. было открыто 283 воскресных школы (как мужских, так и женских)⁵⁵⁸.

Сельские воскресные школы стали возникать уже в 1870-е гг., но, как и в городах, широкое распространение они получили лишь с конца 1880-х гг. На Северном Кавказе, в Кубанской и Терской областях, воскресные школы устраивались в станицах и селах при поддержке чинов местных дирекций народных училищ. Особым циркуляром попечителя Кавказского учебного округа рекомендовалось учреждать воскресные школы по селам и станицам, результатом чего стало значительное число новых воскресных школ, появившихся в регионе в 90-е гг. XIX в.⁵⁵⁹ По характеру обучения они практически не отличались от

⁵⁵⁷ Абрамов Я. В. Указ. соч. С. 251.

⁵⁵⁸ Там же. С. 283.

⁵⁵⁹ Там же. С. 285.

городских, а преподавателями сельских воскресных школ были чаще всего старшекласники-семинаристы или ученики обычных школ. Сельские воскресные школы получили столь широкое распространение, что, по оценкам Абрамова, к концу XIX в. их общее количество в стране должно было определяться многими тысячами⁵⁶⁰.

В Осетии первые мужская и женская воскресные школы открылись в г. Владикавказе 10 марта 1891 г. «в ознаменование 10-летия благополучного царствования Государя Императора». Школы находились при Николаевском училище, и обучение в них велось в соответствии с программами низших городских училищ МНП. Преподаванием в воскресных школах занимались лица, «жертвующие на это дело свой труд без всякого вознаграждения»⁵⁶¹. Примечательно, что женская воскресная школа во Владикавказе была открыта усилиями одной из выдающихся представительниц владикавказской педагогической интеллигенции В.Г. Шредерс, заведующей 1-м Владикавказским двухклассным женским училищем. (Само училище открылось 1-го сентября 1888 г., а спустя 10 лет, 25 января 1898 г., на его базе, по инициативе Шредерс, была основана женская прогимназия с трехклассным курсом.)

Следом появились школы в Моздоке; при винокуренном заводе Сараджева; в селениях Садон, Алагир, Кадгарон, Ардон. В 1895 г. в Терской области действовало 24 таких школы (преимущественно станичных)⁵⁶², где училось 1230 человек (650 мужчин и 580 женщин)⁵⁶³. Но желающих учиться было так много, что 12 июля 1895 г. Терское областное правление приняло решение об открытии вечерних классов для взрослых и воскресных — для детей при всех сельских и городских училищах⁵⁶⁴.

⁵⁶⁰ Там же. С. 294.

⁵⁶¹ Терский календарь на 1894 год. В 2-х кн. Владикавказ, 1893. Кн. 1. Вып. 3. С. 112.

⁵⁶² Абрамов Я. В. Указ. соч. С. 285.

⁵⁶³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 219. Л. 42.

⁵⁶⁴ Канукова З. В. Указ. соч. С. 118.

Таким образом, к концу XIX в., после десяти лет застоя, в учебном деле в Осетии наметились положительные сдвиги. Активная позиция самих сельских обществ, которые выносили общественные приговоры об открытии у них начальных школ, способствовала улучшению школьного дела: большинство школ получили собственные оборудованные для занятий помещения, возрос приток учащихся, общества брали на себя обязательства по содержанию (хотя бы и не в полном объеме) учителей и т.п. Уже в 1899 г. в Осетии действовало 63 школы (церковно-приходские, а также городские и сельские, находившиеся в ведении МНП), а с учетом воскресных и частных школ их число достигало 72. В крупных равнинных селах — Ардоне, Батакоюрте, Беслане, Гизели, Дарг-Кохе, Ольгинском, Салугардане, Эльхотово — наряду с со школами грамоты действовало по две-четыре начальные школы, а в сел. Христиановском их было девять. Открытая в 1891 г. школа в Беслане была поставлена в пример как образец того типа школ, которые рекомендовались училищным советом при Св. Синоде⁵⁶⁵.

В горной Осетии также открывались начальные школы: так, в Дигорском ущелье, где до 1890-х гг. не было ни одной, в 1897 г. функционировало уже шесть, в Алагирском ущелье их число возросло с двух до девяти. К концу столетия для мусульманского населения Осетии открылось девять казенных одноклассных начальных училищ Министерства народного просвещения⁵⁶⁶. И если в 1994 г. в 21 начальной школе Северной Осетии обучалось 1986 детей⁵⁶⁷, то через четыре года число школ увеличилось до 33 с общим количеством учащихся 3896 чел. (в том числе 511 девочек). Общее же число грамотных здесь к концу 1890-х гг. составило 6493 чел., причем в этот показатель включены и те, кто обучался в средних и высших учебных заведениях за пределами

⁵⁶⁵ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁵⁶⁶ История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 351.

⁵⁶⁷ Там же.

Терской области, в т.ч. Ставрополе, Санкт-Петербурге, Москве (см. табл. 12). Известными деятелями осетинской культуры стали Индрис Шанаев, учившийся в Московском университете, И. Абадиев – в Санкт-Петербургском технологическом институте, Т. Тулатов – в Санкт-Петербургском горном институте, Б. Датиев и К. Кусов – в Институте инженеров путей сообщения, А. Айдаров – в Московском технологическом училище и др. В Петербургском земледельческом институте учились Алихан Ардасенов, Ибрагим Шанаев, Д. Сохиев. Нельзя не упомянуть в этом ряду Коста Хетагурова, бывшего слушателем Академии художеств в Санкт-Петербурге.

Однако явные успехи, которые отмечались в деле начального народного образования в Осетии, не скрывали того факта, что в целом его состояние оставалось на низком уровне. Это обстоятельство неоднократно отмечал в своих годовых отчетах начальник Терской области С.В. Каханов. Еще в 1894 г. он писал, что «потребность местного населения в образовании удовлетворяется не так полно, как бы то было желательно... особенно же сильный недостаток в образовательных средствах ощущается по отношению к туземному населению области, которое до сих пор стоит на весьма низкой ступени культурного развития и потому наиболее нуждается в образовании. Из всего числа низших учебных заведений, существующих в туземных селениях и специально для обучения детей туземцев, насчитывается всего 30, из коих 24 заведения на 1921 учащегося содержатся на средства общества восстановления православного христианства на Кавказе и только 6 заведений на 458 учащихся открыты для детей туземцев остальных племен: кабардинцев, чеченцев, ингушей, кумыков и разных татарских и горских народностей, численность коих в общей сложности простирается до 421128 душ обоего пола»⁵⁶⁸.

⁵⁶⁸ Всеподданнейший отчет начальника Терской области... за 1894 год. С. 58.

Мальчики-осетины, учащиеся г. Ставрополя. 1895 год

Такое положение объяснялось не только нехваткой людских и материальных ресурсов у ведомств, отвечавших за развитие в стране народного просвещения, но и принципиальными разногласиями во взглядах на характер и организационные формы образовательного процесса, которые отстаивали Министерство народного просвещения и его всемогущий оппонент Св. Синод. Начальная школа оказалась тем полем, на котором развернулась конкурентная борьба МНП и духовного ведомства за приоритет в образовательной сфере.

В результате перемен 80-90-х гг. XIX в. в организации и порядке управления начальным народным образованием к концу столетия в ведении МНП остались лишь некоторые разряды начальных школ, в том числе и училища Кавказского учебного округа, включая горские школы Терской обла-

сти, переданные в ведение министерства в соответствии с положением комитета министров от 13 марта 1892 г.⁵⁶⁹

Несмотря на разнообразие форм подчинения этих учебных заведений Министерству народного просвещения, все они по существу представляли или школу начального обучения, или низшее элементарное училище. По оценке С. В. Рождественского, все одноклассные училища МНП были по сути школами грамотности, дополненными преподаванием начал Закона божия и арифметики; двухклассные школы лишь несколько расширяли учебный курс одноклассных за счет введения в программу сведений по истории, географии, естествознанию. На третьей ступени начальной школы находились многоклассные училища — уездные и городские. Большая часть одноклассных начальных училищ страны (97%) предназначалась для детей школьного возраста, остальные — для взрослых; в одних училищах преподавание велось только на государственном языке, в других (21% от общего числа училищ) — также и на местном. По сведениям 1896 г., из 32708 начальных училищ МНП 94% являлись учреждениями первой ступени начального образования, 4% — второй и 2% — третьей⁵⁷⁰. Все эти учебные заведения пользовались разнообразными программами, что объяснялось незавершенностью министерских реформ 1870-х гг., определивших ориентиры и саму постановку учебного процесса лишь в самых общих чертах. Разнообразие местных условий, отсутствие традиции начального обучения не позволили распространить училищные программы сразу на все учебные заведения. Только 7 февраля 1897 г. были изданы общие программы МНП для всех одноклассных училищ, по которым учебный курс становился трехгодич-

⁵⁶⁹ Всподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 год. Владикавказ, 1894. С. 57.

⁵⁷⁰ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 654-655.

ным с разделением учащихся на три последовательных отделения⁵⁷¹.

Основное бремя по содержанию «министерских» училищ лежало на обществах, сословиях и земствах. Судя по данным на 1896 г., из 31594 начальных школ МНП 27373 школы (т.е. 86,6%) содержались земствами, а также городскими и сословными обществами, и лишь 3094 (9,8%) существовали на казенные средства; оставшиеся 3,6% «министерских» школ содержались за счет фабрик, заводов и частных лиц⁵⁷².

Чтобы успешно противостоять духовному ведомству в деле народного просвещения, образовательному ведомству требовались значительные вливания из государственной казны. Однако за 15 лет, начиная с 1881 г., финансирование МНП на нужды начального народного образования не только не увеличилось, но заметно сократилось⁵⁷³. Эта же тенденция отмечалась и в Терской области. Здесь в течение 1890-х гг. доля государственного казначейства в общем объеме финансирования народного образования неуклонно понижалась: если в 1892 г. она составляла чуть более трети (39,6%), то в 1898-99 гг. — лишь около четверти (26,5% и 23,5% соответственно)⁵⁷⁴. В еще более плачевном состоянии находилось женское образование: в 1899 г. сумма казенных ассигнований составляла всего 8,77% общего бюджета женских учебных заведений, и при этом женские училища Кавказского учебного округа (наряду с женскими учебными заведениями в некоторых других учебных округах) находились в чуть более выигрышном материальном положении⁵⁷⁵.

⁵⁷¹ Там же. С. 658.

⁵⁷² Там же. С. 653.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ См.: Всеподданнейшие отчеты начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892-1899 г. Владикавказ, 1893-1900.

⁵⁷⁵ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 720.

Ощутимый недостаток финансовых средств заставил МНП не только отказаться от создания новых казенных начальных школ, но пойти на закрытие уже имеющихся. Как свидетельствовал С. В. Каханов, за четыре года (1888-1892) число учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения, не повышалось, а число учащихся даже понизилось на 718 человек, причем это понижение произошло «исключительно в низших училищах»⁵⁷⁶. А в 1896 г. здесь даже было закрыто четыре учебных заведения, подведомственных Терской дирекции народных училищ⁵⁷⁷. Весьма ограниченное государственное финансирование заставляло местную училищную администрацию требовать от населения постройки дорогостоящих школьных зданий и отказывать в открытии школы там, где для нее нанимались частные дома (как это случилось в сел. Зильги в 1895 г.). Естественно, не имея средств на постройку новых школьных зданий, жители вынуждены были обращаться к помощи ОВПХ, «ограничиваясь простыми школами грамоты, или отдавать детей в частные школы, где обучают писаря (как, например, в селении Балте Владикавказского округа) или прохожие учителя»⁵⁷⁸.

И лишь с 1896 г., в соответствии с высочайшей волей об оказании правительством существенной помощи ведомству народного просвещения, на его нужды стали поступать определенные суммы. Государственный совет также признавал эту меру необходимой и безотлагательной, постановив в 1897 г., что «достигнутые результаты представ-

⁵⁷⁶ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892. Владикавказ, 1893. С. 51.

⁵⁷⁷ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1896. Владикавказ, 1897. С. 60.

⁵⁷⁸ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895. Владикавказ, 1896. С. 66.

ляются совершенно недостаточными в сравнении с тем, что должно сделать. Число начальных школ не отвечает потребности. Даже обучение грамоте составляет счастливый удел относительно незначительного числа подрастающего поколения. Не может быть вопроса о необходимости пожертвований казны на нужды народного образования»⁵⁷⁹.

Безусловно, нехватка казенных ассигнований заметно тормозила развитие системы светского начального образования, что сказывалось прежде всего на окраинах империи. В то же время, официально признавая приоритет духовного ведомства в деле начального образования, государство мало способствовало и его продвижению в этом направлении. Однако стремление населения к получению знаний ставило и само Министерство, и духовную учебную администрацию перед необходимостью прикладывать все усилия для открытия начальных школ, руководствуясь при этом собственными соображениями. Так, духовное ведомство было заинтересовано в расширении поля для миссионерской деятельности, которая осуществлялась главным образом через церковно-приходские школы. «Если церковная школа имеет просветительское значение среди русских, то среди туземцев — это миссионерский стан, откуда единственно, можно сказать, распространяется свет веры Христовой, и в то же время школы в ауле единственное просветительное учреждение, откуда распространяется широкое знакомство с русской речью и влияние на улучшение нравов, — писали в 1898 г. в училищный совет при Св. Синоде из Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета. — Открытие министерских школ в Осетии прямо не желательно, ибо таковые школы обещают насадить прямо рационализм, далекий от христианского влияния, что имеет благоприятную почву у осетин и отчасти готовые семена от лиц, получивших образование в светских учебных

⁵⁷⁹ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 653.

Таблица 12

Ведомость
об образовании и грамотности в Владикавказском округе Терской области за 1898 года

Терской области	Учащихся						Грамотных		
	В местных учебных заведениях		Кроме того за пределами Терской области		Невойскового сословия				
	Войскового сословия	Других сословий	В средних учебных заведениях	В высших учебных заведениях	Муж.	Жен.	Об. п.		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Об. п.
1-го участка Селения:									
Кадагаронское	-	-	227	45	-	1	68	32	100
Ноткауское	-	-	40		1	1	35	4	39
Гизельское	-	-	128	40	2	-	380	80	460
Общества:									
Хидикусское	-	-	60	-	-	-	32	1	33
Даргавское	-	-	140	10	4	1	230	20	250
Даллагусское	-	-	74	-	-	-	104	3	107

Санибанский приход	-	-	38	-	-	-	-	-	-	-	-	68		68
Балтинское общество	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	41	3	44
Поселки по Военно-Гру- зинской Дороге	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого по 1 участку	-	-	737*	134	8				3			1328	206	1534
2-го участка Селения:														
Тулагово	-	-	60	-	1	1	1	1	1	-	-	79	10	89
Хумалаг	-	-	130	46	-	-	-	-	-	-	-	173	70	243
Ольгинское	1	-	135	72	11	-	-	-	5	-	-	430	210	640
Зильгинское	-	-	32	-	-	-	-	-	-	-	-	18	-	18
Багако-Юртовское	-	-	125	68	2	-	-	-	1	-	-	825	118	943
Шанаевское	-	-	44	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Дарг-Кохское	-	-	150	55	-	-	-	-	-	-	-	300	200	500
Карджин	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	-	13
Эльхотово	-	-	60	-	2	-	-	-	-	-	-	62	-	62
Заманкульское	-	-	110	-	2	-	-	-	-	-	-	30	-	30
Итого по 2 участку	1	-	846	241	18	1	7	1	7	-	-	1930	608	2538
3-го участка														
Слобода Алагир	-	-	115	46	-	-	-	-	1	-	-	126	12	138
Селения:														
Христианское	-	-	436	76	13	-	-	-	2	-	-	832	150	982

*В документе допущена ошибка — должно быть 707.

Ардонское	-	-	244	173	-	-	-	3	-	222	190	412
Магометанское	-	-	-	-	-	-	-	-	-	55	2	57
Приходы:												
Салугарданский	-	-	130	78	-	-	1	-	-	38	21	59
Ново-Урухский	-	-	45		-	-	-	-	-	29	-	29
Дагомский	-	-	71	6	-	-	-	-	-	-	-	-
Архонский	-	-	42	-	-	-	-	-	-	57	-	57
Мизурский	-	-	58	-	-	-	-	-	-	102	-	102
Садонский	-	-	146	4	-	-	-	-	-	160	-	160
Нузальский	-	-	30	-	-	-	-	-	-	24	-	24
Галиатский	-	-	78	-	1	-	-	-	-	92	3	95
Махчешский	-	-	132	20	4	-	-	-	-	-	-	-
Данифарский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	6
Стыр-Дигорский	-	-	108	20	-	-	-	-	-	10	-	10
Заромагский	-	-	-	-	3	-	-	-	-	150	3	153
Тибский	-	-	79		-	-	-	-	-	52	-	52
Нарский	-	-	51	4	-	-	-	-	-	81	4	85
Закинский	-	-	37	1	-	-	-	-	-	2	-	2
Итого по 3 участку	-	-	1802	133	-	-	7	-	-	2038	385	2423
Всего по округу	1		3385	511	47	1	17	-	-	5296	1199	6493

Источник: НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

заведениях... министерская школа в Осетии будет парализовать миссионерское дело»⁵⁸⁰. Поэтому, как считали в Ардонском отделении, «никакую другую, как строго церковную [школу] нужно насаждать в Осетии... И учителя поэтому здесь должны быть со строго церковным образованием и настроением»⁵⁸¹.

Аргументируя необходимость материального обеспечения текущей образовательной деятельности и прогнозируя расширение необходимых ассигнований на нужды школьного дела в Осетии, Ардонское отделение считало любую экономию в данном вопросе неуместной, поскольку в таком случае жители будут просить об открытии министерской школы, в чем «едва ли можно сомневаться»⁵⁸².

И в самом деле, жители осетинских селений настойчиво хлопотали об открытии у них школ — если не церковных, то «министерских», поскольку и те, и другие давали хотя бы элементарное образование и потому были одинаково значимы для сельчан. Министерские школы, относящиеся к ведомству Терской дирекции народных училищ, традиционно открывались в селах с преимущественно мусульманским населением, где не было православных церквей, и в казачьих станицах. Но со временем и жители тех селений Владикавказского округа, где уже действовали церковно-приходские школы, изъявляли желание об открытии у них школы светской, т.е. «министерской». Сельскими обществами Ногкау, Зильги, Хумалагского, Шанавского и Галиатского приходов были возбуждены ходатайства об открытии у них общеобразовательных школ, а ардонцы даже просили об учреждении у них низшей сельскохозяйственной школы⁵⁸³. Общественными приговорами в Карджине, Беслане, Заманкуле выносились решения об открытии в этих селениях школ Министерства народ-

⁵⁸⁰ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 29-30.

⁵⁸¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 164.

⁵⁸² НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

⁵⁸³ Всеподданнейший отчет начальника Терской области... за 1895 год. С. 65-66.

ного просвещения, которые сразу же стали осуществляться на практике⁵⁸⁴. Сельчане готовы были жертвовать на постройку школы всем самым необходимым, не только предоставляя для школы помещения, но и участвуя в постройке новых зданий⁵⁸⁵, ремонтируя уже использующиеся, в складчину обеспечивая содержание учителям и покупая для своих детей школьные учебники и необходимые принадлежности⁵⁸⁶.

Все эти факты свидетельствовали о несомненном оживлении школьного дела в Осетии и в Терской области в целом. Понимая практический интерес местного населения к школе и подразумевая при этом, что «народная школа, приспособленная к характеру и потребностям населения, является одним из могущественнейших орудий культуры и водворения гражданственности»⁵⁸⁷, областная администрация полагала, что этот интерес нужно поддерживать всеми имеющимися средствами и способствовать открытию возможно большего числа школ, ограничиваясь на первое время самыми необходимыми требованиями.

Конечно, далеко не все выглядело столь безоблачно — бедность самих сельских обществ зачастую заставляла бедствовать и учителей, порой надолго остававшихся без средств к существованию; не всегда помещения, отведенные под школу, были пригодны для занятий; школьным библиотекам недоставало учебников и учебных материалов и т.п.⁵⁸⁸ Но и в этих обстоятельствах тяга к просвещению, а через него — к приобщению к иной культуре была

⁵⁸⁴ Терские ведомости. 1896. № 82.

⁵⁸⁵ См., например: Селение Заманкул // Терские ведомости. 1889. № 16.

⁵⁸⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

⁵⁸⁷ Всеподданнейший отчет начальника Терской области... за 1893 год. С. 58.

⁵⁸⁸ См., например: Отчет о ревизии школ Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе в Северной Осетии в мае и июне 1892 г. // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 6-28.

для людей мощным стимулом, определявшим настроения в горской среде. Дать знания подрастающему поколению означало не только помочь ему адаптироваться к новым условиям быта и хозяйствования, но и открыть перед ним дорогу к новой жизни.

Характеризуя состояние школьного дела в регионе в последние десятилетия XIX в., нельзя особо не отметить подвижническую деятельность зарождающейся осетинской интеллигенции, для которой служение школе определялось критерием нравственности. Еще на заре школьного дела в Осетии определилось содержание понятия «народный учитель», и, как пишет автор заметки, освещающей в местной газете деятельность кавказской школы, «не было случая, чтобы учителя хотя малейшими проступками скомпрометировали свое звание». «Между тем, — говорится далее, — положение их в среде иногородцев, в исключительно сельской среде, требует от них некоторого нравственного героизма. И они выносят это положение»⁵⁸⁹.

Осетинское учительство сыграло значительную роль в развитии образовательного потенциала Осетии, особо значимую на фоне острой нехватки учебных заведений для неимущих слоев населения. Представители педагогической интеллигенции, вдохновляемые передовыми идеями русской демократической мысли, активно добивались открытия новых учебных заведений, отстаивали право народа на светскую школу, работали над созданием собственных учебных программ, учебников и учебных пособий, ставили вопрос о введении в начальную школу родного языка как языка обучения и т.п. Яркими представителями прогрессивно настроенной педагогической интеллигенции Осетии были учителя М. Гарданов, А. Кануков, С. Газданов, Е. Битаров, Х. Уруймагов, А. Цаллагов, М. Туриев, Е. Доева, сестры Газдановы и многие другие.

⁵⁸⁹ Тифлисский вестник. 17 февраля 1877 г. № 35.

*Харитон (Хуасгзау) Александрович
Уруймагов*

Алмахсиг Кануков в кругу семьи

Серафима Борисовна Газданова

К 1884 г. относится начало деятельности Группы распространения среди жителей гор Владикавказского округа школ и образования. В нее вошли лучшие представители осетинской интеллигенции. На протяжении многих лет группа проделала огромную работу для «насаждения образования и грамотности». В 1910 г., через 26 лет с момента начала деятельности группы, местная пресса отмечала: «Если образование и школы нужны кому, то они очень нужны нашим соотечественникам. Великое дело помочь молодежи, и “Дзауджикауская группа”... окунулась в решение этой задачи... Не щадя ни сил, ни возможностей, работают лучшие представители этой группы: Дз. Газданов, Дж. Шанаев, М. Беликов, Г. Баев, А. Кубалов, Ф. Голиев. Они уже построили... хорошее здание, пригодное под школу или под общежитие для ребят. Пока здание сдается в наем и плата за него идет на погашение средств, затраченных на строительство. Оно со временем окупится, и тогда будет приносить большую пользу...» На протяжении всей своей деятельности Дзауджикауская группа пыталась привлекать в свои ряды больше единомышленников с тем, чтобы расширить свои возможности⁵⁹⁰.

⁵⁹⁰ Туаева Б. В. Указ. соч. С. 211.

Известны своей благотворительной деятельностью Владикавказское общество вспомоществования учащимся (с 1880 г.) и Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области (с 1882 г.). Первое из них оказывало материальную поддержку «недостаточным» учащимся средних учебных заведений города, и, по мере финансовых возможностей, — остальных учебных заведений Владикавказа, а также тем, кто намеревался поступать в высшие учебные заведения⁵⁹¹. Другая организация видела свою задачу более широко, поставив целью содействие школьному образованию среди горского населения Терской области и распространение между ними технических и ремесленных знаний. В соответствии с указанными целями, Общество имело право открытия начальных школ в горских обществах с обучением в них по программам, изданным Кавказским учебным округом для «туземных» школ Закавказского края. Параллельно общеобразовательному курсу в таких школах вводилось обучение ремеслам, а также чтению и письму на русском и родном языке. По мере увеличения средств Общество получало возможность открывать одно-, двух- и трехклассные школы по образцу «министерских» училищ в городах и селах области и подготовительные школы для поступления в средние учебные заведения⁵⁹².

К концу столетия учебное дело в Терской области заметно подвинулось. Город Владикавказ как административный, культурный и образовательный центр области очень скоро стал лидировать и по темпам развития системы светского образования. Уже к 1889 г. в городе функционировало 21 учебное заведение, в то время как на все остальные города Терской области приходилось 19. Их число неуклонно возрастало: в 1897 г. в городе было 32 мужских и 12 женских начальных и средних учебных заведения⁵⁹³.

⁵⁹¹ Терский календарь на 1994 год. С. 104.

⁵⁹² Там же. С. 111.

⁵⁹³ Канукова З. В. Указ. соч. С. 118.

Все они существенно дополняли церковное образование, которое давали открытые в городе в конце 80-х — 90-х гг. XIX в. одноклассные церковно-приходские школы: при церкви Апшеронского полка (1889), при Владикавказском кафедральном соборе (1890), при церкви Свято-Троицкого братства (1895)⁵⁹⁴. Администрация Терской области особо отмечала, что основная масса городских сословий и низших чинов получала образование в низших учебных заведениях, а средние учебные заведения пополнялись преимущественно детьми дворян⁵⁹⁵.

Еще будучи крепостью, Владикавказ отличался пестрым составом населения, в котором помимо русских и осетин были армяне, грузины, греки, немцы, поляки, литовцы, персы, кумыки и др. С преобразованием Владикавказа в город 31 марта 1860 г. усложнилась не только его внутренняя административно-хозяйственная инфраструктура, но и общественно-культурная среда. В процессе ее развития оказались включены все без исключения этнические слои, стремившиеся к удовлетворению своих социокультурных потребностей, в том числе и в сфере образования. Исследователь дореволюционного Владикавказа З. В. Канукова подчеркивает, что каждая этническая группа горожан имела свои школы или училища, в основном духовные: «Немцы основали евангелическо-лютеранское училище, поляки и литовцы — римско-католическое, греки и армяне — церковно-приходские, персы — магометанское новометодное училище “Навруз”, у евреев была школа при синагоге, у татар и кумыков при суннитской мечети»⁵⁹⁶. Учебные заведения, создаваемые при храмах, были по существу приходскими школами, а сами храмы выполняли роль центра конфессиональной жизни, средства сохранения национальной самобытности и фактора внутриэтнической консолидации в иноэтничном окру-

⁵⁹⁴ Терский календарь на 1898 год. С. LV.

⁵⁹⁵ Терский календарь на 1891 год. Отд. IV. С. 250.

⁵⁹⁶ Канукова З. В. Указ. соч. С. 119.

жении. Национальные храмы выполняли также важную регулятивную функцию, особенно эффективно проявлявшуюся в первичной социализации молодежи, проходившей в стенах национальных учебных заведений⁵⁹⁷.

Учащиеся-владикавказцы

Быстрая урбанизация, формирование городского образа жизни и соответствующей социокультурной среды стимулировали людей к расширению кругозора и получению знаний, необходимых в новых условиях. И в национальных общинах появилось понимание нужности светского образования, приближенного к потребностям времени. Своеобразным феноменом общественного развития Осетии последней четверти XIX в. стало возникновение светских национальных школ, что, несомненно, свидетельствовало об активности полиэтничной социокультурной

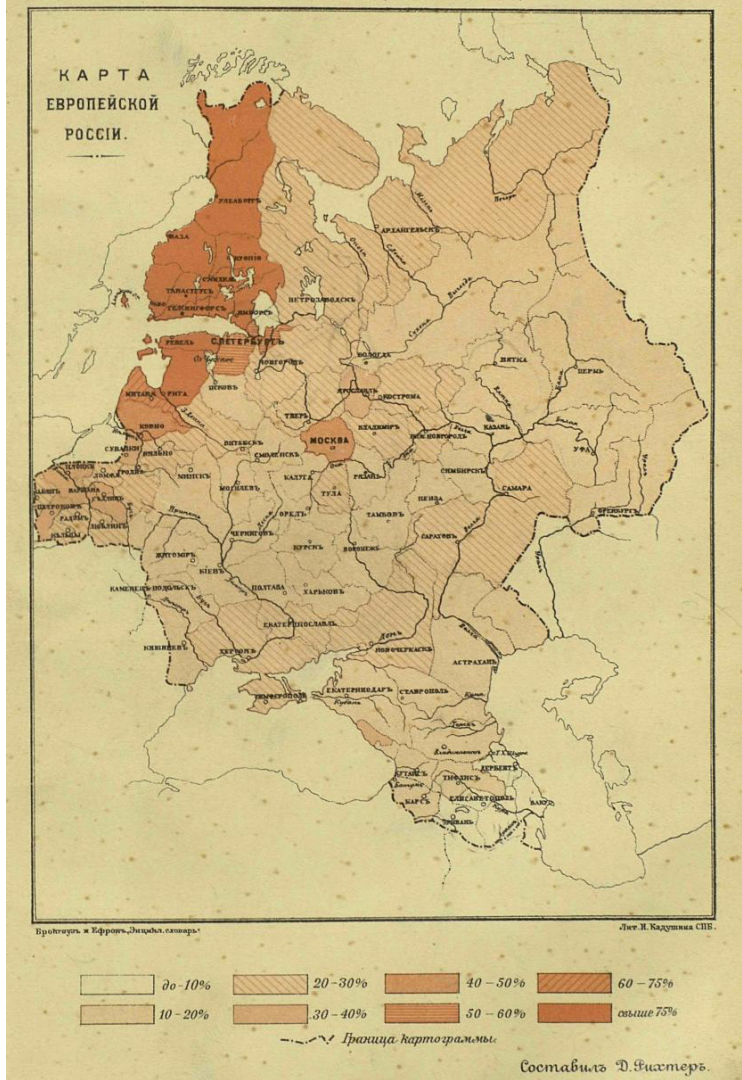
⁵⁹⁷ Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 73.

среды в Осетии. Старейшая из национальных светских школ Владикавказа — грузинская школа, основанная в ноябре 1888 г. известным публицистом и общественным деятелем М.З. Кипиани, с 1883 по 1890 гг. бывшим председателем Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. Школа существовала за счет средств, выделяемых Тифлисским обществом знаний, пожертвований владикавказских грузин и местных предпринимателей. Позже, в середине 1890-х гг., при ней начала действовать воскресная школа на 42 ученика. В 1894 г. греческой общиной Владикавказа было открыто одноклассное училище⁵⁹⁸. Для национальных общин Владикавказа эти школы являлись более чем просто учебно-просветительскими учреждениями — они становились центрами сохранения собственной самобытной культуры и в то же время способствовали интеграции национальных общин в полиэтничную городскую среду.

Как видно, последнее десятилетие XIX в. было отмечено заметным оживлением учебного дела в Кавказском учебном округе, расширением поля общественной и частной инициативы, значительным увеличением, несмотря на объективные материальные трудности, как количества учащихся, так и числа учебных заведений, в особенности — начального уровня. Но процессы эти отличались неравномерностью и противоречивостью. Недостаточное внимание центральных ведомств к образовательным нуждам местного населения негативно сказывалось на качестве образования, а усилия, предпринимаемые властями Терской области, не могли обеспечить растущие потребности в образовании различных слоев ее населения. Кавказ все еще оставался в числе регионов с крайне низким уровнем грамотности.

⁵⁹⁸ Канукова З.В. Старый Владикавказ. С. 119-120; Хубаева Л.К. Национальные школы в Северной Осетии второй половины XIX — первой трети XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013.

ГРАМОТНЫЕ ОБОЕГО ПОЛА ВЪ %% КЪ НАСЕЛЕНІЮ ВООБЩЕ
(по даннымъ переписи 1897 г.)

Грамотные по переписи 1897 г.

Источник: Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1907. Доп. т. Па. Пруссия — Фома. Россия. С. 485.

В осетинской сельской среде организация школьного дела была полностью возложена на духовное ведомство, представленное на Кавказе Обществом восстановления православного христианства. По мере собственных сил и материальных возможностей Общество открывало в осетинских приходах начальные школы, которые, несмотря на множество недостатков, приобретали все большую популярность в народе, о чем красноречиво свидетельствуют данные разных лет о количестве приходских школ и их учащихся. Стремлению населения Осетии к получению образования отвечали также реальные училища и гимназии, действовавшие во Владикавказе под управлением Терской дирекции народных училищ. Учебный процесс во всех учебных заведениях края находился в ведении Кавказского учебного округа, что обеспечивало определенное единство в постановке учебного дела.

Наращение централистских тенденций в управлении образованием, сворачивание правительственных программ по формированию в Кавказском учебном округе системы светского образования свидетельствовали о спаде активности в деле просвещения местных народов. Главная роль теперь отводилась церкви и духовенству. Успешность религиозного воспитания традиционно связывалась с начальным образованием, которое давали приходские школы.

Сформировавшийся в местной среде мощный социальный запрос на образование, который в целом характеризовал социокультурную ситуацию в Осетии в последней четверти XIX в., привел к появлению и функционированию в самых отдаленных уголках горного края начальных школ, пусть и дающих всего лишь элементарные знания. Открывавшиеся помимо церковно-приходских и казенных учебных заведений низшего уровня воскресные школы и школы грамоты некоторым образом отвечали возросшим образовательным потребностям населения, органично влившись в образовательную систему и расширив таким образом само образовательное пространство.

В 80-90-е гг. XIX в., отмеченные реакционной направленностью внутренней политики российского правительства, стремление к школьному образованию в Осетии стало «важным политическим полем», «глубоко национальным движением», объединившим практически все слои осетинского общества⁵⁹⁹. Огромную роль в этом процессе сыграла осетинская духовная и светская интеллигенция, в среде которой постепенно вызревали и кристаллизовались идеи национального возрождения и духовного единства. Возросший интерес к образованию со стороны самого общества и расширение частной и общественной инициативы, ориентированной на поддержку и развитие культурно-образовательного потенциала как в городской, так и в сельской среде, существенно повлияли на общий социокультурный фон в регионе.

* * *

Последняя четверть XIX в. отмечена поступательным развитием системы народного просвещения в Кавказском учебном округе, идущим по пути расширения сети образовательных учреждений за счет не только начальных школ, но и общеобразовательных учебных учреждений. Несмотря на то, что реформы начала 1870-х гг. определяли направление образовательного процесса лишь в самых общих чертах, они задали тон для развития кавказской школы в целом и школьного дела в Осетии в частности. Соответственно численности учащихся увеличивалось и число училищ, хотя это относилось преимущественно к низшим образовательным учреждениям в селах и уездах.

Количество гимназий, реальных училищ и городских учебных заведений в Кавказском учебном округе росло намного медленнее, а само среднее образование в силу ограниченного доступа к нему лиц из низших сословий становилось элитарным, предназначенным для обеспе-

⁵⁹⁹ Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000. С. 303, 335.

ченных горожан и местной социальной элиты. Общее среднее образование оставалось недоступным для подавляющего большинства кавказских жителей, для которых предназначались учебные учреждения, обеспечивающие начальное и низшее техническое образование. В целом же развитие учреждений среднего образования в системе кавказской школы пошло по пути углубления профессиональной специализации, завершившегося преобразованием реальных гимназий в реальные училища.

В эпоху российских контрреформ система образования на Кавказе и образовательный процесс в целом претерпели значительные изменения. Важным событием во внутривосточной жизни Российской империи стала реформа начального школьного образования (1884), в центре которой находилась приходская школа. Реформа превратила церковь в ведущую координирующую силу в деле начального образования, а церковно-приходская школа стала основным инструментом идеологического воздействия на низшие слои населения.

Клерикализация образования повлияла на конкретные организационные формы учебного дела и его конечные цели, что в наибольшей степени касалось начальной «народной» школы. Кроме того, после упразднения Кавказского наместничества образование перестало рассматриваться как средство решения важных внутривосточных задач в регионе, и все уровни образовательного процесса оказались механически интегрированы в общероссийскую образовательную систему.

Сдвиги в социальной структуре населения Терской области, увеличение доли городских сословий, имевших собственные социокультурные потребности, ускоренные процессы урбанизации, административные преобразования в сельских обществах стали дополнительными, но не менее существенными факторами, определившими изменения в системе образования в регионе к концу девятнадцатого столетия. К этому времени в Кавказском учебном

округе сложилось две образовательные системы, каждая из которых находилась под управлением соответствующего ведомства. Св. Синод ведал начальными церковными школами, к которым относились церковно-приходские (одноклассные и двухклассные) школы, школы грамоты, воскресные школы, семинарии, а также вечерние классы и дополнительные курсы при второклассных церковных школах. К ведению Терской дирекции начальных училищ Министерства народного просвещения относились начальные городские училища (общеобразовательные и реальные), сельские школы (одноклассные и двухклассные), учреждения среднего образования. При всей неоднозначности оценок деятельности учреждений начального образования (церковно-приходских школ, духовных семинарий, казенных учебных заведений, воскресных школ, школ грамоты) следует подчеркнуть, что все эти институты являлись не только единственными доступными для подавляющей массы местного населения очагами просвещения, но и необходимыми звеньями системы всеобщего начального образования, основы которой были заложены реформами 70-80-х гг. XIX в.

Несмотря на то, что церковь утвердилась в качестве ведущей силы в организации начального образования в Российской империи, она была не единственной, поскольку в этот процесс оказались вовлечены и сами общества, и общественные организации, и отдельные лица, совместными усилиями которых развивался и наращивался образовательный потенциал Осетии в последние десятилетия XIX в. Так разрешалось противоречие между образовательными потребностями населения и возможностями региональной системы образования.

Глава 4

УЧРЕЖДЕНИЯ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

Библиотеки и читальни

Административные, судебные и аграрные реформы на Северном Кавказе в 60-70-х гг. XIX в. создали предпосылки для становления капиталистических форм в экономике края и его культурного развития. Новая эпоха ставила перед северокавказским обществом новые проблемы и определяла новые экономические и культурные потребности, обуславливая расширение его духовных запросов. Административным, политическим, хозяйственным и культурным центром Терской области был город Владикавказ. В пореформенный период его общественно-политические и культурные функции все более расширяются и усложняются. Постепенно город становится средоточием интеллектуального потенциала Осетии и Терской области в целом. Высокая степень концентрации здесь административных, хозяйственных и финансовых учреждений, развитие предпринимательской, ремесленной и торговой деятельности, вовлеченность в нее подавляющего большинства горожан сыграли свою определяющую роль в социокультурном облике пореформенного Владикавказа.

Как уже говорилось, социально-экономические преобразования, происходившие в крае во второй половине XIX в., привели к существенным подвижкам в социальной структуре его населения. Рост городов, стремительная урбанизация городской жизни, усложнение и интенсификация городского хозяйства стали факторами формирования и увеличения доли городских сословий в общей массе местного населения. Их образовательные и культурные потребности оказали влияние на качественные изменения в общей социокультурной ситуации в регионе в целом и во Владикавказе в частности. Во многом эти

изменения стали также результатом проведения судебного-административных преобразований и формирования новой системы управления регионом, в том числе ее низовых уровней, следствием которых стало появление новых государственных институтов. Эффективность их работы зависела от уровня профессиональной специализации и общеобразовательной подготовки чиновников низшего звена. Кадровые проблемы этих учреждений нередко решались за счет местных уроженцев, и одним из критериев выдвижения на должность являлось владение русским языком. К примеру, еще в начале 1860-х гг. одним из заседателей Городового суда в только что преобразованном из крепости в город Владикавказе был избран местный уроженец Василий Коченов. Одним из аргументов в пользу его кандидатуры послужило как раз то, что он знает русский язык⁶⁰⁰.

Именно чиновничество зачастую являлось инициатором и активным участником многих общественно-культурных новаций в регионе, нацеленных на его «европеизацию». С другой стороны, просветительская деятельность представителей областной, окружной и городской администрации способствовала лучшему пониманию Кавказа общественностью России и вела в конечном счете к взаимопроникновению и взаимообогащению разных культур⁶⁰¹.

В новых обстоятельствах понятным и естественным выглядит все более возрастающий в среде горожан спрос на печатные издания — книги, газеты, журналы, не только столичные, но и региональные. Соответственно, с каждым годом росло и число подписчиков. «В 1873 г., — отмечает В. И. Ларина, — владикавказские жители получили 75 наименований газет и журналов, начиная от “Терских ведомо-

⁶⁰⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1927. Л. 30.

⁶⁰¹ См. подробнее: Фидарова К. К., Аликова З. Р., Тедеева У. Ш. Повседневный быт и участие в культурной жизни чиновничества Терской области (конец XIX — начало XX вв.) // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 8. С. 1009-1012.

стей” и кончая 24 наименованиями иностранных журналов и газет, всего 885 экземпляров (в среднем 1 экземпляр на 23 человека). В 1883 году город получал уже 1950 экземпляров (1 экземпляр на 19 жителей). Если число жителей города за 10 лет увеличилось на 60 процентов, то число подписчиков за это же время возросло на 122 процента»⁶⁰². После строительства во второй половине 70-х — 90-х гг. сети железных дорог, связавших кавказскую окраину со столичными центрами, заметно улучшилось информационное обеспечение Владикавказа. Центральные газеты и журналы поступали в город уже через пять дней после выхода.

Интерес к современной жизни в ее разнообразных проявлениях со стороны обычных горожан, потребность в расширении кругозора привели к спросу на печатные издания, на книгу. В городе стали появляться магазины, специализирующиеся на книжной торговле. Как и множество других торговых заведений города, книжные магазины принадлежали местным купцам, а о престижности торговли книгами свидетельствовал тот факт, что имеющиеся в городе книжные магазины (в начале 1890-х гг. их насчитывалось четыре⁶⁰³) располагались в центре города — на Александровском проспекте. В их числе — магазин купца К. Ф. Кнаппа, магазин М. М. Энкель и наиболее крупный, принадлежавший галантерейщикам братьям Зипаловым, где число книг («исключительно учебных») доходило до 1000 экземпляров⁶⁰⁴. В книжных магазинах предлагалась не только учебная литература, но также и произведения русских писателей.

В процессе формирования общегосударственной идеологии и нового социокультурного пространства в пореформенные годы особую роль играли учреждения просветительской направленности, дополнявшие систему школь-

⁶⁰² Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. С. 186.

⁶⁰³ Там же. С. 189.

⁶⁰⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 207. Л. 9об.-10об., 72об.-73.

ного образования. Среди них были такие внешкольные учреждения, как библиотеки, читальни, народные дома, воскресные школы и т.п., которые в контексте образовательных реформ начала 1870-х гг. стали восприниматься как важнейшие «средства народного просвещения». Все эти учреждения предназначались для информационного обеспечения государственных интересов, поэтому открывались они в «разрешительном порядке», и их деятельность строго контролировалась со стороны государства. Важность задачи, которая возлагалась на подобного рода учреждения, подчеркивалась тем обстоятельством, что уставы обществ по устройству публичных чтений и народных читален должны были утверждаться «не иначе, как через Комитет Министров», о чем в августе 1874 г. было дано высочайшее повеление⁶⁰⁵.

В течение второй половины XIX в. вышел целый ряд положений и указов, определяющих порядок открытия и деятельности культурно-просветительских учреждений «для народа». Между тем, формирование специальной законодательной базы, регламентирующей работу учреждений внешкольного образования, свидетельствовало о признании их в качестве основного канала распространения «в массах» социально значимой информации⁶⁰⁶, посредством которого решались вопросы образовательно-воспитательного характера. С другой стороны, рост политической активности и общественной инициативы, наблюдаемый в России со времени проведения Великих реформ, ставил перед правительством двойную задачу: распространения господствующей идеологии и соблюдения государственных интересов, с одной стороны, и модернизационного развития общества – с другой. Признавая необходимость

⁶⁰⁵ Сборник распоряжений... Первое пятилетие. С. 708.

⁶⁰⁶ Еремин А.И. Уставы и правила библиотек как источник по истории повседневной жизни провинции в конце XIX – начале XX века // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. Вып. 4. С. 250.

расширения сети общедоступных образовательно-воспитательных учреждений, правительство усиливало контроль над их деятельностью и разрабатывало для них унифицированные правила.

Перестройка системы начального образования в духе «господствующей церкви» и к «пользе государственной»⁶⁰⁷ имела следствием разработку общих правил для такой институциональной формы внешкольного просвещения, как народные чтения. С тем чтобы чтения имели «полезное влияние на народную нравственность», в самом начале 1870-х гг. совместными усилиями Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и военного ведомства при участии начальника III отделения е.и.в. канцелярии и обер-полицмейстера Санкт-Петербурга были разработаны правила, на которых должны были основываться «публичные чтения для народа». Тексты для них проходили через МНП, и никакие общества или частные лица к самостоятельному устройству подобных мероприятий не допускались.

Получив одобрение МНП и будучи рассмотрены Комитетом министров, новые правила о народных чтениях были высочайше утверждены 24 декабря 1876 г. Теперь Правила позволяли заниматься устройством народных чтений частным обществам и отдельным лицам, однако под надзором директоров народных училищ. В числе лекторов могли быть представители духовного сословия, преподаватели и «другие благонадежные лица». К публичному чтению допускались только те сочинения, которые были одобрены МНП или Св. Синодом, и лекторы не имели права отступать от утвержденного текста⁶⁰⁸.

Непосредственному ведению и контролю МНП были подчинены и народные читальни, которые рассматривались в качестве внешкольных средств просвещения. Как

⁶⁰⁷ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 557.

⁶⁰⁸ Там же. С. 562-563.

полагал глава министерства Д. А. Толстой, народные читальни могли иметь «несомненно важное значение в ряду образовательных средств, назначенных для массы». Чтобы устранить нежелательное влияние «посторонних обществ и лиц» и обеспечить за ними «направление, соответствующее видам правительства», министр настоял на передаче народных читален в ведение МНП⁶⁰⁹.

Таким образом, уже к середине 70-х гг. XIX в. в общих чертах было завершено оформление системы начального народного образования, в которую наряду с учебными заведениями были включены дополнительные учреждения внешкольного образования. Между тем, и читальни, и народные чтения как форма проведения досуга для низших слоев населения страны были доступны им в весьма ограниченном виде. По закону 1876 г. народные чтения устраивались только в губернских городах. Лишь спустя почти двадцать лет Положением Комитета министров от 11 октября 1894 г. разрешено было устраивать чтения в уездных городах и селениях, но под непосредственным наблюдением и ответственностью ближайших представителей духовного или учебного ведомства. При этом требовалось подтверждение нравственной благонадежности тех, кто занимался устройством народных чтений⁶¹⁰. Но, несмотря на охранительный характер законодательства и жесткий правительственный контроль, народные чтения и народные читальни превратились в массовое явление, став источником распространения культуры и просвещения и знакомым элементом российской повседневности конца XIX — начала XX в.

Немалая заслуга в их появлении принадлежала представителям городских сословий, выступающих в роли жертвователей и частных благотворителей. Кавказская провинция также дала замечательные примеры подвижничества представителей прогрессивно настроенной ин-

⁶⁰⁹ Там же. С. 563-564.

⁶¹⁰ Там же. С. 659.

телигенции. Их трудами открывались различного рода культурно-просветительские учреждения, охватывающие своей деятельностью не только город Владикавказ, но и всю Терскую область. Так, в 1897 г. здесь открылось Общество по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области, просуществовавшее до 1920 г. Членами общества являлись представители владикавказской интеллигенции — учителя, доктора, агрономы и т.п. Общество организовывало бесплатные чтения и лекции для взрослых и детей, учебные сельскохозяйственные курсы, устраивало детские площадки, бесплатные библиотеки-читальни на окраинах Владикавказа⁶¹¹.

В распоряжении Общества было несколько десятков аудиторий: при церквях, в учебных заведениях, военных частях, госпиталях, на заводах Владикавказа и Терской области. Ежегодно здесь устраивалось до 1000 чтений и лекций. Наибольший интерес у публики вызывали лекции по истории, литературе, географии, естествознанию, духовности и медицине. Даже несмотря на то, что общая тематика чтений носила «патриотически-пропагандистский характер и была направлена на привитие основ общегосударственной идентичности и формирование определенной идеологически ориентированной гражданской позиции среди населения»⁶¹², чтения стали одним из важнейших механизмов народного просвещения и значимым социально-культурным феноменом в жизни северокавказского общества.

Заметную роль в просвещении горожан, приобщении разных слоев городского населения к мировому культурному наследию сыграли такие институциональные формы городской культуры, как библиотеки.

⁶¹¹ Подробнее см.: Дзалаева К. Р. Народные чтения как социокультурный феномен северокавказского общества во второй половине XIX — начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 14 (53). С. 21-25.

⁶¹² Там же. С. 24.

Пушкинская народная аудитория

В 1860-х гг. в стране насчитывалось не более 50 провинциальных публичных библиотек, находившихся под наблюдением Министерства народного просвещения. Но лишь немногие из них поддерживали связь с министерством, присылая туда отчеты о своей работе. С другой стороны, само учебное ведомство не имело достаточных средств для поддержания и развития библиотек, ограничиваясь лишь отправкой некоторых своих изданий и дидактических материалов. В отдельных городах МНП разрешало объединять публичные библиотеки с библиотеками учебных заведений и открывать их, при условии платы за пользование, сторонним читателям⁶¹³.

Однако в России печатное дело и все, что было с ним связано (типографии, книжные магазины, кабинеты для чтения, библиотеки), составляло предмет особого внимания правительства, стремившегося установить над этой сферой более жесткий контроль, чем могло обеспечить Министерство народного просвещения. В исследованиях, посвященных истории отечественной библиотеки, пореформенный период в целом характеризуется усилением

⁶¹³ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 477-478.

цензурных и контролирующих аспектов правового регулирования библиотечного дела, которое рассматривалось как составная часть печатного дела в целом⁶¹⁴. Именным указом от 6 апреля 1865 г. «заведование делами цензуры и печати вообще» передавалось Министерству внутренних дел, при котором была создана особая структура — Главное управление по печати⁶¹⁵. Тем же числом датирован другой важный документ — «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях»⁶¹⁶. Документом устанавливался порядок надзора за печатным делом и оговаривались условия открытия типографий, книжных магазинов и кабинетов для чтения. Открывать подобные заведения дозволялось любому желающему, как отдельным лицам, так и акционерным обществам и товариществам, но только с разрешения начальников губерний, а для уличной книжной торговли требовалось не только официальное разрешение властей, но и дозволение местного полицейского начальства. В документе говорилось, что «книжные магазины, лавки и кабинеты для чтения имеют право держать у себя и продавать или давать в чтение все незапрещенные издания, напечатанные в России на русском или иностранных языках, а из числа книг, напечатанных за границею на русском и иностранных языках, все те, кои не значатся в общем каталоге запрещенных книг»⁶¹⁷. За нарушение запрета назначался штраф до 250 руб.

Вскоре, в продолжение курса на усиление цензурного надзора и контроля над учреждениями, распространяющими печатную продукцию, вышел именной указ от 12 июля 1867 г., согласно которому городские общественные и публичные библиотеки, прежде состоявшие под управлением Министерства народного просвещения, пе-

⁶¹⁴ Бойкова О. Ф., Клюев В. К. Правовая среда российской библиотеки. М., 2011. С. 10, 16.

⁶¹⁵ ПСЗ-II. Т. XL. Отд. 1-е. №41988. С. 396.

⁶¹⁶ ПСЗ-II. Т. XL. Отд. 1-е. №41990. С. 397-406.

⁶¹⁷ Там же. С. 403.

редавались в ведение Министерства внутренних дел⁶¹⁸. Таким образом, формы и содержание деятельности библиотек были включены в сферу приоритетных интересов государства.

Первая половина 1880-х гг. ознаменовалась наступлением в стране политической реакции. Смена правительственного курса сказалась и на состоянии библиотечного дела. Так, 5 января 1884 г. был опубликован широко известный указ, объявленный министром внутренних дел, — «О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения»⁶¹⁹. Прописанные в документе правила, на которых должны были основывать свою деятельность публичные библиотеки и общественные читальни, просуществовали вплоть до 1917 г. Согласно высочайшему повелению, кандидатура «ответственного лица», в ведении которого находились библиотеки, должна была утверждаться губернатором. Если у «начальствующих лиц» возникали сомнения в политической благонадежности «ответственных лиц», они могли отстраняться «собственной властью» губернатора. Министр внутренних дел получал право закрывать «всякого рода публичные библиотеки и общественные читальни», а также указывать местной администрации «те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». С этой целью в МВД начали издавать и распространять «Алфавитные списки произведений печати», включающие перечень запрещенных для библиотек и читален изданий. Первоначальный список состоял из 125 наименований книг, среди которых были труды по крестьянскому вопросу, истории революций и социальных учений в России и за рубежом, первый том «Капитала» К. Маркса, произведения Чернышевского, Писарева, Добролюбова, Спенсера,

⁶¹⁸ ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 1-е. №44841. С. 1154-1155.

⁶¹⁹ ПСЗ-III. Т. IV. №1941. С. 3.

Прудона и др. В числе запрещаемых к выдаче значились журналы «Отечественные записки» и «Современник». Позже, в 1894 г., существующий список был дополнен: теперь туда попал и второй том «Капитала», а также произведения Л. Н. Толстого, Э. Золя, В. Гюго и других русских и зарубежных писателей.

Общий правительственный курс на усиление контроля со стороны государства над общественной жизнью, проводившийся в 1880-90-е гг., отразился на устройстве читален и библиотек. 15 мая 1890 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново по согласованию с учебным и духовным ведомствами утвердил печально известные «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними», явно нарушавшие положения закона о печати и цензуре⁶²⁰. Правила детально регламентировали порядок работы и состав фондов народных библиотек. В эти читальни допускались только книги и периодические издания, одобренные Особым отделом Ученого комитета МНП. В 1888 г. этим отделом были пересмотрены каталоги существующих и предложенных к открытию народных читален⁶²¹. В результате в народных библиотеках допускались только разрешенные книги, в остальных (публичных, сословных, учебных) — все не запрещенные.

Правила распространялись на все без исключения заведения, предназначенные для бесплатного пользования книгами, «под каким бы названием они ни существовали и кем бы ни были учреждаемы». В то же время местному начальству предоставлялось право применять их и по отношению к платным библиотекам и читальням, которые из-за незначительности платы и «по другим условиям пользования находящимися в них книгами привлекают читателей преимущественно из лиц низших сословий

⁶²⁰ Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними [электронный ресурс]. URL: <http://nasledie.turgenev.ru/stat/exp01/stend3/part1/pravila.html>

⁶²¹ Георгиевский А. И. К истории Ученого Комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 144-145.

и из воспитанников средних и низших учебных заведений»⁶²².

В соответствии с Правилами, надзор за библиотеками возлагался на представителей учебного или духовного ведомства по согласованию с попечителем учебного округа или с епархиальным архиереем в тех случаях, когда библиотеки открывались при монастырях, церковно-приходских школах, школах грамоты и других учреждениях духовного ведомства. Фонды бесплатных народных читален должны были формироваться только из тех изданий, которые получили одобрение Ученого комитета МНП и вошли в специально изданный каталог. Прежде чем открыть читальню, ответственное лицо обязано было предоставить наблюдающему за библиотекой список всех имеющихся в наличии изданий с их полными выходными данными. Библиотека могла открыться только после заверения этого списка. Подобные списки должны были составляться и в уже действующих библиотеках.

При выборе книг и периодических изданий для бесплатных народных читален наблюдающим и заведующим рекомендовалось «принимать в соображение как средства читальни, так образовательные и воспитательные потребности низших сословий местного городского населения, образ жизни и занятий их, избегая при этом одностороннего подбора книг по известным отраслям знаний и в ущерб книгам религиозно-нравственного, патриотического и вообще назидательного содержания».

Изданные МВД Правила утратили свою силу лишь в период подъема революционного движения и были официально отменены 2 декабря 1905 г. После этого на бесплатные народные читальни и библиотеки распространялись законы о публичных библиотеках.

Во Владикавказе библиотеки стали появляться уже в начале 1860-х гг. Они открывались либо при учебных заве-

⁶²² Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними.

дениях, либо в частном порядке. В первое время библиотеки были закрытыми и недоступными широкому читателю, поскольку предназначались либо для привилегированных сословий, либо для учащихся. Так, первая библиотека, появившаяся в городе в 1862 г., была открыта с разрешения самого наместника Михаила Николаевича при городском собрании и предназначалась только для его членов — представителей городской элиты⁶²³. С 1875 г. она стала называться библиотекой Владикавказского дворянского собрания. Плата за пользование книгами была довольно высокой и составляла 15 руб. в год⁶²⁴.

Спустя несколько лет после открытия этой библиотеки, в 1868-69 гг., стала действовать библиотека при Ольгинском училище⁶²⁵, основанная в соответствии с циркуляром Министерства народного просвещения от 12 сентября 1867 г., который разрешал открывать библиотеки в некоторых из училищ Терской области для пользования учащимися⁶²⁶. Такой же закрытой была библиотека, созданная в начале 1890-х гг. при коммерческом клубе, имевшая довольно богатые фонды (около 800 томов), но обслуживавшая только членов клуба — представителей привилегированных городских сословий. Таким образом, существовавшие во Владикавказе библиотеки были преимущественно общественно-сословными либо учебными.

По примеру Владикавказа дворянское собрание Моздока в феврале 1878 г. открыло свою библиотеку. В нее поступала разнообразная газетно-журнальная периодика: журналы «Вестник Европы», «Дело», «Природа и охота», «Женское образование», иллюстрированный журнал «Мир», газеты «Терские ведомости», «Новое обозрение»,

⁶²³ История Северо-Осетинской АССР: Т. I. С. 345.

⁶²⁴ Цориева А. Т. Коста Хетагуров и открытие В. Г. Шредерс Общественной библиотеки (к 150-летию Коста Левановича Хетагурова) // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. Т. 9. № 1. С. 33.

⁶²⁵ История Северо-Осетинской АССР. Т. I. С. 345.

⁶²⁶ Сборник распоряжений... Пятое пятилетие. Ч. 2. С. 639.

а также издания на армянском языке⁶²⁷. В 1876 г. там же, в Моздоке, с разрешения Кавказского цензурного комитета и начальника Терской области была открыта библиотека литературы на восточных языках, в т.ч. учебники и произведения духовного и светского содержания⁶²⁸.

В 1870-х гг. Владикавказ охватил настоящий библиотечный бум. Потребности горожан в книге стали настолько очевидными, что прогрессивно мыслящие представители городской интеллигенции на собственные средства стали открывать библиотеки или кабинеты для чтения, предназначенные для открытого пользования⁶²⁹. В 1872 г. историком и этнографом Д. Я. Лавровым (впоследствии ставшим членом Владикавказского народнического кружка) было получено разрешение на открытие библиотеки, где, помимо официальных газет и журналов, была представлена русская и зарубежная классика. В библиотечных фондах находились произведения Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Островского, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрин, Л. Н. Толстого и др. Зарубежная литература была представлена сочинениями Шекспира, Данте, Гете, Байрона, Гюго, Мольера, Сервантеса, А. Дюма, Ж. Санд и др. Кроме поэзии и беллетристики фонды библиотеки включали исторические труды С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Г. Т. Бокля, Л. Блана и т.д., а также естественнонаучные сочинения М. Фарадея, А. Брема, Ч. Дарвина, И. М. Сеченова, Г. Спенсера и пр. Кроме того, в библиотеке нашлось место и трудам теоретиков социализма⁶³⁰.

Библиотека и кабинет для чтения были открыты в 1874 г. владикавказским нотариусом, мещанином Н. Д. Прохоро-

⁶²⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 207. Л. 5; Д. 188. Л. 15.

⁶²⁸ Там же. Д. 188. Л. 15.

⁶²⁹ Канукова З. В. Старый Владикавказ. С. 156; Терские ведомости. 1899. № 30.

⁶³⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 310. Л. 3-4.

вым. Ее основу составил фонд, собранный Д. Лавровым⁶³¹. Представленный Прохоровым городским властям список произведений отечественной и зарубежной литературы, а также газетно-журнальной периодики был сильно сокращен⁶³². Тем не менее, за три года владения библиотекой Прохорову удалось расширить книжный фонд до тысячи экземпляров.

В 1874 г. открылась библиотека при Терском областном правлении, для которой из жалования чиновников отчислялись специальные средства. Вскоре собственной библиотекой, насчитывавшей 148 томов при 104 названиях⁶³³, обзавелось и Владикавказское реальное училище, и был открыт еще ряд частных библиотек. Но все эти библиотеки лишь отчасти удовлетворяли читательские интересы горожан. Поэтому действительно важным событием городской жизни стало появление первой в городе частной публичной библиотеки, открытой с разрешения начальника Терской области 29 июля 1878 г. Основу библиотечного фонда составляло книжное собрание Н. Д. Прохорова, продавшего его хозяйке книжного магазина Елене Червинской. Библиотека Червинской насчитывала «разных авторов: русской беллетристики — 422 книги, переводных романов, повестей и проч. 679 книг, и научного содержания — 261 книга». Книги выдавались на дом с платой за право чтения по 7 руб. и по 12 руб. в год — по подписке⁶³⁴. Довольно высокая стоимость библиотечного абонемента и плата за пользование библиотекой заметно ограничивали круг потенциальных читателей и делали библиотеку недоступной для низших сословий. Поэтому 10 января 1887 г. при ней была открыта читальня, а сама библиотека пополнилась новыми изданиями. Этот факт для города, где прежде не было общественной библиотеки, имел большое

⁶³¹ Там же. Л. 1-1об.

⁶³² Там же. Д. 188. Л. 27об.

⁶³³ Ларина В. И. Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века. С. 15.

⁶³⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 207. Л. 9.

значение, поскольку наглядно демонстрировал, насколько расширились кругозор и культурные запросы горожан, основную массу которых составляли непривилегированные сословия.

В начале 1890-х гг. открылась читальня в другом книжном магазине, принадлежавшем Е. С. Ильиной. Плата за пользование читальней составляла от 4 до 12 руб. в год, а за посещение взималось 5 коп.⁶³⁵

В 1890-е гг. в стране стремительными темпами росло число бесплатных читален, и уже к концу столетия их количество достигло почти 3-х тысяч⁶³⁶. Среди них выделялось два разряда или категории бесплатных народных читален и библиотек: 1-е открывались для низших и всех вообще бедных слоев населения, 2-е — для малограмотных, преимущественно сельских простолюдинов, причем для каждого разряда народных читален составлялись отдельные каталоги.

Тенденция на открытие публичных библиотек, инициированная российской общественностью во всех уголках страны, была, наконец, поддержана и в правительстве. Распоряжением Министерства народного просвещения от 12 апреля 1896 г. при некоторых училищах Терской области разрешалось открывать публичные библиотеки: в женских двухклассных — во Владикавказе, Моздоке, Пятигорске, Георгиевске и Грозном, при двухклассном училище — в Кисловодске и при нескольких одноклассных училищах — в других поселениях и станицах региона (в т.ч. при Архонском училище)⁶³⁷. В 1898 г. из Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета в Училищный совет при Св. Синоде поступил запрос на финансирование церковно-приходских школ, от-

⁶³⁵ История Владикавказа. С. 111.

⁶³⁶ Георгиевский А. И. Указ. соч. С. 184.

⁶³⁷ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Шестое пятилетие. Ч. 2. 1895-1896. Тифлис, 1897. С. 639.

крытых в горских селениях Осетии, и на устройство в них библиотек⁶³⁸.

К концу XIX в. во Владикавказе существовало девять библиотек, открытых либо на частные средства, либо при городских учебных заведениях. Часть из них была доступна массовому читателю, но в целом библиотеки могли посещать лишь люди относительно высокого достатка из-за довольно высокой платы за пользование книгами — как по абонементу, так и за разовое посещение. Поэтому необходимость устройства общественных библиотек, обслуживающих широкий круг горожан, в т.ч. из непривилегированных сословий, хорошо понималась прогрессивно настроенной частью владикавказской интеллигенции.

Несмотря на достаточно жесткие условия, в которые были поставлены библиотеки, действовавшее законодательство оставляло место для проявления инициативы при открытии новых. В этом контексте примечательна деятельность заведующей 1-го Владикавказского двухклассного женского училища В. Г. Шредерс, усилиями которой в 1895 г. в городе открылась общественная библиотека. По мысли Варвары Григорьевны, библиотека должна была стать общедоступным очагом культуры и просвещения, открытым для народа.

Еще в 1893 г. В. Г. Шредерс и ее единомышленники из владикавказской интеллигенции, среди которых был и К. Л. Хетагуров, возбудила ходатайство, адресованное начальнику Терской области С. В. Каханову, об открытии городской общественной библиотеки с бесплатным читальным залом при ней. Однако предложенный проект устава не нашел поддержки в главном управлении казачьих войск. В особой записке организаторам и начальнику области было указано, что в соответствии с существующим порядком городские общественные библиотеки могли быть только платными, «причем размер платы должен быть таков, чтобы исключал возможность пользования биб-

⁶³⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

лиотекою для лиц низших сословий»⁶³⁹. Мнение войскового начальства вполне согласовывалось с заключением Ученого комитета МНП о том, что городские читальни следует признать городскими общественными библиотеками, изначально рассчитанными главным образом для более образованных посетителей, куда доступ представителям низших сословий и учащимся был запрещен. Для простолюдинов же предназначались особые народные читальни, книжные фонды которых следовало формировать в основном из книг, одобренных для ученических и учительских библиотек в средних и низших учебных заведениях⁶⁴⁰. Таким образом, идея Шредерс о совмещении городской общественной библиотеки с бесплатным читальным залом противоречила установленным правилам. В управлении предлагали пересмотреть проект устава, разработанный организаторами общественной библиотеки во Владикавказе, исключив из него статьи о бесплатной читальне, либо открыть библиотеку второй категории, бесплатную или с платой, предназначенную исключительно для низших слоев городского и сельского населения.

Очевидно, что при строгом соблюдении требований начальства значение городской общественной библиотеки, задуманной Шредерс и ее единомышленниками, заметно сужалось бы. В результате, на общем собрании организаторов библиотеки 2 октября 1895 г. было принято компромиссное решение: «подписчики четвертого разряда будут платить 1 рубль в год или 10 копеек в месяц и пользоваться правом брать на дом по одной книге из числа так называемых народных изданий»⁶⁴¹. Ответственным за соблюдение «местною общественною библиотекою установленных правил и правительственных распоряжений» был назначен супруг В. Г. Шредерс, председатель съезда мировых судей Владикавказского округа В. Д. Шредерс.

⁶³⁹ Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. С. 189.

⁶⁴⁰ Георгиевский А. И. Указ. соч. С. 150-151.

⁶⁴¹ Ларина В. И. Социально-экономическое развитие города Владикавказа. С. 16.

Варвара Григорьевна Шрегерс

Для устройства библиотеки был инициирован сбор благотворительных средств и пожертвований, причем в пользу заведения давались как деньги, так и книги, предназначенные для библиотечного фонда. Идея владикавказской просветительницы была поддержана не только в самом городе, но и за его пределами. Известны факты участия в формировании библиотеки представителей русской интеллигенции. Так, например, графиня П. С. Уварова, почетный член Российской академии наук, возглавившая после смерти мужа, графа А. С. Уварова, Московское археологическое общество, горячо поддержала инициативу владикавказской интеллигенции по созданию городской общественной публичной библиотеки. Она пожертвовала крупную денежную сумму и, кроме того, пообещала прислать из Москвы «дюжину пять-шесть книг современных авторов», которые посчитает «наиболее гуманными и нравственными»⁶⁴².

В ноябре 1895 г. при библиотеке стала действовать вечерняя читальня, а через несколько месяцев, в феврале 1896 г., состоялось официальное открытие библиотеки. К тому времени ее книжный фонд насчитывал 1200 томов,

⁶⁴²Цориева А. Т. Указ. соч. С. 34.

библиотека получала 30 журналов и 19 газет. Уже к концу 1896 г. у библиотеки было 337 подписчиков. Ее средства формировались из платы за подписку, пожертвований, лекций, любительских спектаклей и шли на хозяйственные расходы и приобретение газет и журналов. Однако своего помещения у библиотеки не было, и она несколько раз меняла адрес⁶⁴³.

Популярность городской общественной библиотеки была необычайно высока. Как и было задумано ее организаторами, библиотека стала действительным очагом культуры для самых широких общественных слоев. Сюда приходили учащиеся и преподаватели владикавказских учебных заведений, представители низших городских сословий. Для того чтобы узнать о новостях, в библиотеку приезжали жители горных селений и близлежащих сел. В одном только 1906 г. библиотеку посетило 14,5 тыс. чел., из которых около 6 тыс. были учащимися городских учебных заведений. Библиотека также служила местом, где обсуждались проблемы народного образования в Осетии, разрабатывались важнейшие программы просветительской деятельности, многие из которых воплощались в жизнь (например, связанные с развитием женского образования в Осетии).

⁶⁴³ Канукова З. В. Указ. соч. С. 157.

МУЗЕИ ВЛАДИКАВКАЗА КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Сдвиги в общественных настроениях и возросшая социальная активность различных слоев российского общества заметно повлияли на культурно-образовательную сферу. Повсеместно возникали новые институциональные формы просветительской деятельности (библиотеки, читальни, народные дома, воскресные школы и т.п.), «работающие» на формирование нового социокультурного пространства. Подобная активность была обусловлена как сугубо практической необходимостью адаптации к быстро меняющимся условиям быта и хозяйствования, так и формирующейся потребностью в самоидентификации в пестром этнокультурном пространстве Российской империи. Научный интерес вызывают уже не только естественные богатства региона, но и материальная и духовная культура, быт, языки местных народов, расширяются масштабы археологических изысканий, растет интерес к историческому прошлому и этногенезу народов северокавказской окраины. Начинается новый этап изучения истории края, в которой свидетельства ушедших эпох осознаются как уникальное национальное достояние, связывающее прошлое с настоящим и будущим. Для их сохранения и популяризации научных знаний создаются местные краеведческие и естественно-исторические музеи. Музейный бум охватил всю Россию, и уже в 60-70-е гг. XIX в. музеи страны заявили о себе как о весьма существенном факторе общественного развития, надежном средстве сохранения историко-культурного наследия, без них уже не мыслилось дальнейшее развитие науки, культуры, просвещения⁶⁴⁴.

Музеи были поставлены в один ряд с такими учреждениями внешкольного образования, как воскресные школы, библиотеки, читальни и т.п. И если библиотеки

⁶⁴⁴ Сафарова И. В. Возникновение и развитие музейного дела в Ставропольской губернии и Терской области в XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010. С. 82.

выполняли, наряду с просветительской, функции распространения господствующей идеологии, то музеи рассматривались прежде всего как учреждения образовательно-воспитательной направленности, актуализирующие историческую память и расширяющие представления человека о себе и окружающем мире.

Масштабная просветительская работа велась во всех крупнейших музеях страны: Императорском Российском историческом, Румянцевском. Политехническом — в Москве, Сельскохозяйственном — в Санкт-Петербурге и др. По Положению 1888 г., главная цель крупнейшего собрания древностей — Российского исторического музея — заключалась в том, чтобы «собирать и хранить разнообразные памятники древности и старины, которые в своей совокупности представляли бы наглядную и по возможности полную во всех частностях картину прошлой жизни как русского народа, так и народов, когда-либо обитавших в пределах Российской Империи»⁶⁴⁵.

Первыми музеями, ориентированными прежде всего на учебно-воспитательную деятельность и предназначенными главным образом для оказания методической помощи учителям, стали педагогические музеи, возникшие во второй половине XIX в. В 1864 г. в Петербурге был основан Педагогический музей военно-учебных заведений, а со временем педагогические музеи стали возникать при городских учебных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения. Эти музейные учреждения должны были способствовать «лучшей постановке учебного дела в народных школах и расширению приобретаемых народными учителями в учительских семинариях познаний путем представления им возможности постоянного ознакомления с новыми и лучшими сочинениями по всем отраслям педагогической науки»⁶⁴⁶. Для этого мини-

⁶⁴⁵ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 697.

⁶⁴⁶ Кавказский календарь на 1912 год, Тифлис, 1911. С. 852.

стру народного просвещения в 1899 г. было предоставлено право собственной властью учреждать педагогические музеи при дирекциях народных училищ⁶⁴⁷.

Во второй половине XIX в. к немногочисленным, преимущественно столичным, музеям добавились провинциальные музеи. Расширение музейной сети объяснялось общим либеральным духом эпохи и демократизацией общественной жизни, ростом культурного уровня и, соответственно, культурно-образовательных запросов населения России, появлением народнической и разночинной интеллигенции, глубоко озабоченной просветительскими идеями.

Именно педагогическими были первые появившиеся во Владикавказе музеи просветительской направленности. Они создавались при городских учебных заведениях с той же целью — оказание учебно-методической помощи учителям и их знакомство с передовыми достижениями современной педагогики.

Музей Терской дирекции народных училищ открылся во Владикавказе в 1888 г. при Николаевском городском трехклассном училище, в помещении его библиотеки. 23 сентября 1888 г. управляющий Кавказским учебным округом Н. Короваев утвердил «Правила о заведовании и порядке пользования книгами и учебными пособиями, находящимися в музее Терской дирекции народных училищ»⁶⁴⁸. Правила определяли состав экспозиции, порядок учета и пользования музейными экспонатами, обязанности заведующего музеем и т.п. Музей задумывался как собрание «руководств и учебных пособий» и должен был представлять не только учебники, но образцы школьной мебели, модели училищных построек, гимнастические приборы, некоторые из важнейших физических инструментов, в виде образца тех инструментов, какие могут быть приобретае-

⁶⁴⁷ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 724.

⁶⁴⁸ Сборник распоряжений... Пятое пятилетие. Ч. 1. С. 265-267.

мы двухклассными училищами, соответственно их курсу, модели машин, особенно сельско-хозяйственных, образцы технических производств и т.п.»⁶⁴⁹. Музей служил познавательным и учебно-методическим целям, а его посетители могли пользоваться книгами из каталога музея в самом помещении и на дому и высказывать свои соображения по поводу применимости того или иного пособия и руководства. Наблюдающий за музеем назначался руководством Терской дирекции народных училищ из числа училищных инспекторов, а непосредственное заведование музеем возлагалось на одного из преподавателей Николаевского училища.

Свой педагогический музей и библиотеку имело и одноклассное Константиновское училище во Владикавказе. В музее насчитывалось 500 предметов, а библиотечный фонд состоял из 2687 книг. Имущество музея оценивалось в 8537 руб. 25 коп., и на его содержание МНП выделяло 625 руб., а Терское казачье войско — 150 руб.⁶⁵⁰

Образовательным и просветительским целям служили и музеи иного рода, основу экспозиции которых составляли памятники истории и культуры. Их появление как в центре, так и в провинции знаменовало новый этап изучения исторического прошлого и также вызывалось необходимостью сохранения и популяризации историко-культурного наследия народов России в условиях перехода к новым формам жизнеустройства. Организаторами и учредителями естественно-исторических музеев выступали, как правило, губернские или областные органы статистики, располагавшие большими массивами информации по самым разнообразным областям хозяйственно-экономической жизни своего региона и ведущие интенсивную работу по его природно-географическому и историко-этнографическому изучению.

Примером такого музея в Терской области стал Тер-

⁶⁴⁹ Там же. С. 265-266.

⁶⁵⁰ Кавказский календарь на 1912 год. С. 853.

ский областной музей. История появления музея во многих отношениях показательна для характеристики общественной ситуации, сложившейся в крае к концу XIX в., в которой ведущей социальной силой выступала местная буржуазия и высшее чиновничество⁶⁵¹.

На одном из заседаний общего собрания Терского областного статистического комитета, состоявшемся 13 марта 1893 г., был поднят вопрос о необходимости создания музея, предназначенного для сохранения памятников быта народов Терской области. Накануне заседания секретарь статкомитета Г. А. Вертепов представил памятную записку председателю комитета, начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска С. В. Каханову, в которой и шла речь о подобном музее. Идею Вертепова руководство комитета поддержало, а сам вопрос был вынесен на обсуждение⁶⁵².

Приведем выдержку из журнала общего собрания комитета, где Кахановым аргументируется необходимость создания музея: «...г. Председатель... напомнил, что Терская область в настоящее время переживает момент, который, по всем признакам, будет рубежом между прошлым и будущим. Проведение новых железнодорожных путей, усилившаяся в последнее время колонизация области более культурным элементом, наконец, разные административные меры, предпринятые с целью направить народную жизнь горцев на более мирный путь и т.п., неизбежно отразятся на современном быте туземцев и повлекут за собою изменение его. Насколько глубоко коснутся все эти явления уклада народной жизни, в настоящее время определить невозможно; но с другой стороны невозможно также предположение, что все останется по-старому и что значительного переворота не произойдет. В виду это-

⁶⁵¹ См.: Кумыков Т. Х. Культура и общественная мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 14.

⁶⁵² Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» 1904 г. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 9.

го было бы полезно сохранить памятники современной жизни туземцев и уцелевшие реальные остатки их исторического прошлого: одежду, домашнюю утварь, оружие, украшения, предметы их ремесленного производства и т.п. Для этого необходимо образовать музей. Осуществление музея в желательном объеме потребует, без сомнения, более или менее крупных затрат, для чего Комитет в настоящее время не располагает никакими средствами, но это соображение не должно останавливать дела, так как можно упустить благоприятный момент. На первое время можно было бы обратиться к содействию представителей местной администрации и тех заботливых личностей из интеллигенции, которые уже имеют свои коллекции, собранные собственными усилиями. Те и другие не откажут, вероятно, как собирать новые предметы, так и поделиться излишками из имеющихся у них для областного музея»⁶⁵³.

Идея организации музея в Терской области возникла не случайно. Еще в феврале 1874 г. из канцелярии кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича в областные управления поступил циркуляр, предписывающий обеспечить работу по сохранности памятников древности. В нем говорилось: «...строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности под ответственностью, за нарушение сего, начальников губерний и местных полиций; а нашедший древние монеты, оружие и другие достопримечательные вещи, обязан представить местному начальству, за что получает приличную награду». Областное начальство обязывали принять меры «к безотлагательному и повсеместному распространению между населением... правил о древностях и находках с возложением как на уездных полицейских, так и на сельские власти наблюдения за их исполнением»⁶⁵⁴.

⁶⁵³ Журнал общего собрания Терского областного статистического комитета: заседание 13 марта 1893 года. Владикавказ, 1893. С. 2-3.

⁶⁵⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 12. Д. 363. Л. 14.

И хотя соответствующий закон на государственном уровне так и не был принят, областной статистический комитет активно взялся за сохранение «памятников старины и искусства края». Тогда же, на мартовском заседании 1893 г., была образована особая комиссия по устройству Терского областного музея. В нее вошли члены комитета М. О. Омаров, Н. С. Семенов, К. И. Ольшевский, Н. Ф. Грабовский, В. И. Долбежев и секретарь комитета Г. А. Вертепов⁶⁵⁵. Возглавил комиссию младший помощник начальника области и наказного атамана С. В. Каханова полковник С. И. Писарев⁶⁵⁶.

Для поддержания музея была открыта подписка⁶⁵⁷. В первый год (1893) поступила основная сумма на устройство музея — 1003 руб. 95 коп., но в последующие годы размер пожертвований заметно уменьшился: к примеру, в 1895 г. денежные средства музея увеличились всего на 83 руб. 3 коп., и то, как сказано в журнале годичного собрания комитета, искусственным путем — в основном от продажи изданных комитетом статистических таблиц и от Владикавказского музыкально-драматического кружка, устроившего спектакль в пользу музея⁶⁵⁸. Чтобы пополнить средства музея, Г. А. Вертепов начал выступать с публичными лекциями, в которых освещались новейшие исследования по археологии и этнографии Терской области⁶⁵⁹. Недостаточность финансовых средств для орга-

⁶⁵⁵ Журнал общего собрания Терского областного статистического комитета: заседание 13 марта 1893 года. С. 4.

⁶⁵⁶ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1893 год. Владикавказ, 1894. С. 2.

⁶⁵⁷ Терский календарь на 1898 год. Владикавказ, 1897. Вып. 7. С. LVII.

⁶⁵⁸ Журнал годичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. Владикавказ, 1896. С. 1-2.

⁶⁵⁹ Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 10.

низации музея побудила комитет обратиться к Терскому казачьему войску, городским учреждениям Терской области и местным горнопромышленникам с просьбой о материальной поддержке музея как «общеполезного предприятия», судьба которого «всецело зависит от посторонней помощи»⁶⁶⁰. И уже в 1897 г. городские общества Владикавказа и Пятигорска выделили для устройства музея по 100 руб., а от предпринимателей и частных лиц было получено 2800 руб. Терское казачье войско со своей стороны предложило составить план здания для областного музея и смету предстоящих расходов на его строительство⁶⁶¹.

Григорий Абрамович Вертепов

Тем не менее, несмотря на ощутимую нехватку денег для устройства полноценной экспозиции, работа по формированию коллекций областного музея не прекращалась. По всей Терской области собирались экспонаты по истории, археологии, этнографии, географии региона. В июне того же 1893 г. секретарь статистического комитета Вертепов был командирован для изучения кустарных промыслов населения области и сбора представляющих их предметов.

⁶⁶⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2002. Л. 1.

⁶⁶¹ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1898 год, Владикавказ, 1899. С. 3.

Одновременно начальник области Каханов предписал атаманам отделов и окружной администрации «принять меры к охране исторических памятников от расхищения их туристами и доставлять в Комитет наиболее интересные экземпляры отбираемого у туземцев оружия»⁶⁶².

По существу, меры, предложенные комитетом, оказались первой программой по охране памятников истории и культуры на территории Терской области. Эти меры предполагали запрет на самовольные археологические раскопки древних могильников и сооружений, которые могли производиться только по письменному разрешению самого начальника области; сбор информации о древних сооружениях — храмах, капищах, часовнях, башнях и пр. — и составление описей найденных в них предметов; каталогизацию памятников; принятие мер по охране существующих древностей и организацию надзора за ними⁶⁶³.

Командировка Вертепова оказалась во всех отношениях удачной. Помимо сведений о кустарных промыслах населения Терской области, собранных в ходе поездки, он привез для музея 62 предмета, в основном археологического характера, и 28 фотографий, сделанных с помощью специально купленного для этой цели фотоаппарата. Позже (в 1895 и 1896 гг.) в поездки по области вместе с Вертеповым отправлялся и владикавказский фотограф дворянин Л. И. Рогозинский, который безвозмездно передал музею сделанные в пути снимки достопримечательностей Осетии и Чечни. Его подвижничество, искренняя заинтересованность в судьбе музея и активное участие в деятельности Терского статкомитета стали основанием для включения его в 1896 г. в число членов комитета.

К этому времени в музее сформировалось уже несколько полноценных коллекций: «1) коллекция старинного азиатского оружия, 2) три витрины с коллекциями

⁶⁶² Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 10.

⁶⁶³ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 12. Д. 363. Л. 6.

археологических раскопок, 3) коллекция окаменелостей, 4) коллекция костей мамонта и других допотопных животных, 5) коллекция кавказских руд, содержащих золото, серебро, цинк, свинец, медь, ртуть и серу, 6) большая коллекция альпийских растений, 7) коллекция насекомых, 8) коллекция русских монет, 9) коллекция нерусских монет, 10) четыре коллекции фотографий, 11) четыре витрины с моделями кабардинских и осетинских построек со всею домашнею обстановкою и 12) модели орудий, туземных машин, кустарные изделия и др. разрозненные предметы»⁶⁶⁴.

Членов комитета волновала и судьба древних памятников истории и культуры населения области, среди которых особенной известностью пользовалось осетинское святилище Реком. То, что оно подвергалось безжалостному разграблению туристами, уносившими оттуда ценные для истории края предметы, вызывало опасения общественности. В заседании областного статистического комитета 10 февраля 1896 г. даже прозвучала мысль о переносе святилища в музей для того, чтобы сохранить его остатки⁶⁶⁵.

Таким образом возник вопрос о подходящем помещении для музея, где собранным экспонатам были бы обеспечены условия для безопасного хранения и где можно было бы развернуть постоянную экспозицию для осмотра. Еще в 1893 г. городское общество Владикавказа отвело бесплатно для постройки музейного здания участок земли на возвышенном месте напротив Михаило-Архангельского кафедрального собора. Однако несколько лет музейные коллекции размещались в доме начальника Терской области и в войсковой оружейной мастерской⁶⁶⁶. В ходе

⁶⁶⁴ Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 10-11.

⁶⁶⁵ Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. С. 2.

⁶⁶⁶ Журнал общего собрания Терского областного статистического комитета: заседание 13 марта 1893 года. С. 3.

упомянутого заседания 10 февраля 1896 г. было принято решение подыскать для канцелярии комитета и для музея одно общее помещение, в которых можно было бы отвести две комнаты для музейных коллекций и открыть к ним доступ всем желающим⁶⁶⁷. В комитете полагали, что «равнодушные» к музею жителей области и недоверие, которое существовало в общественном мнении по поводу того, что музей может состояться, исчезнут, когда все увидят, что «областной музей не пустая затея, а дело, получающее осуществление». Тогда могут найтись люди, желающие помочь музею как финансами, так и личным содействием. И даже если эта идея не принесет материальных результатов, будет достигнута другая, не менее важная цель — духовная⁶⁶⁸.

Мечта комитета о том, чтобы сделать музейные коллекции достоянием общественности, осуществилась 8 апреля 1897 г., когда Терский областной музей открылся для посетителей⁶⁶⁹. Для музея и канцелярии Терского областного статистического комитета было арендовано специальное помещение, причем музей занимал в нем две отдельные комнаты, в которых была устроена постоянная экспозиция. Для надзора и ухода за коллекциями музея назначались секретарь статкомитета и члены его канцелярии. В течение нескольких лет, пока музей располагался при статкомитете, он работал весьма нерегулярно: помещения с витринами, в которых были выставлены экспонаты, открывались для осмотра «по мере возможности», когда у секретаря выдавалось свободное время. За осмотр коллекций с посетителями взималась входная плата: 10 коп. в

⁶⁶⁷ Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. С. 2-3; Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 10.

⁶⁶⁸ Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. С. 2.

⁶⁶⁹ Терские ведомости. 1897. № 148.

праздничные и 20 коп. в будние дни. Собранные деньги предназначались на развитие музея⁶⁷⁰.

За несколько лет работы комиссии по сбору материалов для областного музея его коллекции значительно расширились и пополнились уникальными экспонатами, представляющими большой научный интерес и не менее значительную ценность. Наибольшего внимания среди них заслуживали бронзовые предметы из ставшего знаменитым могильника близ осетинского селения Кобан — памятника мирового значения, представляющего яркую и самобытную археологическую культуру Кавказа, открытого еще в 1869 г. и датируемого XII-XIII — IV вв. до н.э. О местном происхождении кобанской бронзы, в противоположность сформировавшемуся на тот момент мнению, впервые заявила председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова. Одним из оснований для ее выводов послужила каменная форма для отливки бронзовых топориков, единственный экземпляр которой хранился в коллекциях статистического комитета. Уникальной была признана и коллекция насекомых и растений Терской области, которая была удостоена высшей награды на Прохладненской сельскохозяйственной выставке в 1900 г.⁶⁷¹

Уже в эти годы Терский областной музей, как и городская общественная библиотека В. Г. Шредерс, стал одной из достопримечательностей Владикавказа. В то же время увеличение музейных коллекций и интерес к музейным экспозициям со стороны горожан делали вопрос о постройке собственного музейного здания еще более острым. Чтобы сэкономить денежные средства музея, комитет вынужденно отказался от найма специального помещения, а средства, выплачиваемые за аренду, предпо-

⁶⁷⁰ Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. С. 3.

⁶⁷¹ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1900 год. Владикавказ, 1901. С. 3.

лагалось направить на строительство здания музея. Сами коллекции были перенесены в дом нового председателя Терского областного статкомитета, начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска С.Е. Толстова. Здесь наиболее ценные мелкие предметы разместились в двух шкафах в парадном кабинете начальника области, а крупные экземпляры были упакованы в ящики и сложены в сухом сарае. Тогда же Толстов как наказной атаман ходатайствовал перед Терским казачьим войском о перечислении 15000 руб. из войсковых сумм на постройку музейного здания⁶⁷². Эти средства определялись сметной стоимостью работ по возведению здания музея, спроектированного инженером В.В. Грозмани⁶⁷³.

Однако решение вопроса об ассигновании войсковых денег затянулось, и судьба областного музея оставалась все еще неопределенной. Тогда в комитете возникла новая идея: разместить музей в одном здании с Обществом по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области, также ожидавшем постройки своего помещения. Строительные планы каждого из сооружений предусматривали большой зал для проведения народных чтений, но главное — и областной музей, и Общество преследовали одинаковые просветительские цели, что делало естественным объединение усилий обоих учреждений. Однако общество по устройству народных чтений отказалось от сотрудничества с комитетом, сославшись на неудобство места, отведенного для постройки здания музея⁶⁷⁴.

Чтобы еще более не затягивать со строительством музейного здания и не лишиться места, отведенного под постройку (теперь это был участок на Соборной площади, напротив новой колокольни), комитет принял решение начать строительство на собственные средства. Имеющейся суммы (5244 руб. 53 коп.) хватало только на то, чтобы от-

⁶⁷² Там же. С. 2-3.

⁶⁷³ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2002. Л. 3об.-4.

⁶⁷⁴ Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 11.

строить вчерне главную часть здания; приниматься за отделку и возведение остальных частей можно было лишь по мере поступления средств⁶⁷⁵. Весной 1902 г. комитет избрал строительную комиссию во главе с помощником председателя, уже генерал-майором, С.И. Писаревым, приступившую к подготовительным работам.

Сергей Евлампиевич Толстов

Новый проект музейного здания подготовил младший инженер строительного отделения Терского областного правления титулярный советник И. В. Рябикин. (Как лицо, «могущее оказать пользу своими трудами», Рябикин в 1904 г. стал действительным членом Терского областного статистического комитета⁶⁷⁶). Уже к началу осени 1902 г. были возведены и перекрыты бетонной крышей стены главного здания музея.

А в сентябре следующего, 1903 г., года были, наконец, получены запрашиваемые у Терского казачьего войска

⁶⁷⁵ Там же С. 12.

⁶⁷⁶ Журнал заседания Терского областного статистического комитета 2 апреля 1904 года. Владикавказ, 1904. С. 3.

15000 руб.⁶⁷⁷, что позволило завершить строительство. 21 января 1907 г. здание было передано Терскому областному музею⁶⁷⁸. Хранителем музея был назначен секретарь Терского областного статистического комитета Г.А. Вертепов. К этому времени фонды музея насчитывали 4000 предметов, а его библиотека имела свыше 1000 книг, размещенных по трем главным отделам: I — общий по России, II — общий по Кавказу и III — по Северному Кавказу. Теперь музей был открыт для посещений ежедневно с 11 до 2 часов дня. Его этнографическая коллекция знакомила с бытом местных народов: осетин, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, казаков и др. Материальную культуру древних обитателей Северного Кавказа представляла богатая археологическая коллекция. Музей стал местом проведения групповых экскурсий учеников владикавказских учебных заведений. Открытой для пользования была и библиотека музея.

Основные положения, касающиеся деятельности музея, были зафиксированы в проекте Устава Терского областного музея, разработанном в 1916 г. Устав определял цели и задачи музея прежде всего как просветительские и охранные: «Терский областной музей имеет целью содействовать распространению в населении познаний по истории, этнографии, естествознанию и промышленности, а равно собирать и хранить памятники старины и искусства края». В уставе прописывались структура музея, в которой было представлено семь отделов и библиотека, права и обязанности его хранителя и других должностных лиц, определялась принадлежность музея Терскому казачьему войску, на средства которого музей должен был существовать, и порядок принятия пожертвований (как деньгами, так и вещами) для расширения музейной деятельности. Общее заведование музеем возлагалось на Терское об-

⁶⁷⁷ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1903 год, Владикавказ, 1904. С. 3.

⁶⁷⁸ Терские ведомости. 1907. № 5.

ластное правление. Коллекции музея объявлялись его собственностью либо собственностью частных лиц, обществ или учреждений, передавших их музею на особых условиях, утверждаемых Терским областным правлением и наказным атаманом⁶⁷⁹.

Терский областной музей

Первая мировая война помешала реализации программы Распопова, да и посещаемость музея заметно понизилась (например, в 1907 г. музей посетило 153 человека, в 1912 — 4082, а в 1914 — 804)⁶⁸⁰. Тем не менее, Терский областной музей продолжал просветительскую работу среди широких слоев населения региона, имея самостоятельное значение в деле сохранения и популяризации богатейшего историко-культурного наследия народов Терской области.

⁶⁷⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2550. Л. 49-50.

⁶⁸⁰ Там же Л. 51.

Вторая половина XIX в. характеризуется формированием и распространением в Терской области и в частности во Владикавказе новых институциональных форм внешкольного образования, дополняющих начальные звенья системы народного просвещения. Среди них выделялись народные чтения, общественные библиотеки, народные читальни, деятельность которых основывалась на специально разработанной законодательной базе. Их инициаторами часто становились представители общестственности, выступающие в роли учредителей, жертвователей и частных благотворителей. Роль государства сводилась к контролю над формами и содержанием работы этих учреждений. К концу XIX в. отмечается усиление «охранительных» начал во внутренней политике. Но, несмотря на жесткий правительственный контроль, все учреждения внешкольного образования во Владикавказе стали настоящими центрами распространения культуры и просвещения для самых широких городских слоев.

Отдельное место в системе просвещения заняли музеи, ориентированные на учебно-методическую и культурно-просветительскую деятельность. Первыми учреждениями подобного рода во Владикавказе стали педагогические музеи, открывавшиеся при городских учебных заведениях и находившихся в ведении Терской дирекции народных училищ.

Совершенно особую роль в системе народного просвещения играли естественно-исторические музеи, создаваемые для сохранения и изучения памятников прошлого и широкой популяризации историко-культурного наследия. Ярким примером музея подобного рода явился Терский областной музей. Уже к началу XX в. он оказался одним из наиболее востребованных внешкольных учреждений в системе народного просвещения, занимавшимся изучением и популяризацией знаний об истории и культуре населения Терской области. И если такие организационные

формы внешкольного образования, как народные чтения, читальни и общественные библиотеки появлялись благодаря инициативе представителей прогрессивной городской общественности, то музеи возникали благодаря деятельности государственных учреждений и их руководителей, осознающих ответственность за сохранность богатого и самобытного историко-культурного наследия народов Северного Кавказа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реформы 60-70-х гг. XIX в. заложили основы для динамичного экономического и культурного развития Северного Кавказа. Проникновение в регион государственных начал неизбежно вовлекало местные общества в общероссийские процессы, ускоряло разложение традиционных основ их хозяйства и быта, формировало новые жизненные ориентиры и потребности. В их ряду одно из наиболее значимых мест все более и более настойчиво занимало образование. В новых социально-экономических обстоятельствах образование становилось важнейшим условием интеграции Осетии в российское экономическое, политическое и социокультурное пространство.

Процесс становления и развития образовательного потенциала Осетии является сложным и во многом противоречивым. Его определяли как внешние импульсы, связанные с кавказской политикой правительства, так и внутренние, обусловленные социокультурными характеристиками региона. Как и в других сферах общественной жизни, развитие и качественные изменения в области народного просвещения в Осетии во второй половине XIX в. происходили в русле общекавказских тенденций, в свою очередь определяемых ходом правительственных мероприятий по реализации государственной политики в сфере народного просвещения.

Формирование образовательного пространства на Северном Кавказе изначально являлось важной составляющей внутренней государственной политики по включению региона в российскую государственность не только в политико-административном, но и в социокультурном отношении. Еще со времени открытия Осетинской духовной комиссии и первой осетинской школы в Моздоке начальное образование, ведущееся в приходских школах, служило одним из важнейших инструментов распространения в местной среде иного мировоззрения, в котором на первый план выходили интересы государ-

ства. В то же время, сугубо утилитарные потребности в обеспечении кадрами формирующегося административно-управленческого аппарата стимулировали к созданию соответствующих образовательных учреждений. Однако вплоть до середины XIX в. процесс формирования образовательного пространства в регионе имел бессистемный характер.

С приходом на Кавказ в качестве наместника М. С. Воронцова ситуация изменилась. Начиная с 1848 г. можно говорить о становлении школьной политики на Кавказе как единого комплекса мер по развитию народного образования. Оформление организационной системы народного просвещения пошло по пути унификации учебного дела на Кавказе и сближения местных учебных заведений с российскими, что нашло отражение в Положениях о Кавказском учебном округе 1848 и 1853 гг.

Административная автономность наместничества определила независимость Кавказского учебного округа от центральных ведомств, что давало возможность учитывать в образовательном процессе местную специфику. Наряду с государственными и приходскими школами здесь повсеместно открывались учебные заведения иного типа, представленные школами военных воспитанников при штабах подразделений Кавказского военного округа и окружными горскими школами. Они предназначались для детей местной знати и военных чинов и дополняли систему светского образования. Создание полковых и горских школ приближало образование к населению и отвечало его образовательным запросам. Тогда же в регионе стали появляться и зачатки женского образования.

1860-е — первая половина 1870-х гг. отмечены заметным оживлением школьного дела в Кавказском учебном округе. Этот период насыщен преобразовательными мероприятиями, в ходе которых шел активный поиск механизмов интеграции кавказской школы в общероссийскую систему народного просвещения. Значительно воз-

росло общее количество учебных заведений, в систему образования влились женские училища, возникли предпосылки к появлению профессионального образования, уже в начале 1860-х гг. в три раза по сравнению с серединой 1850-х гг. выросло число учеников в учебных заведениях разного типа. Среди мер по вовлечению Кавказа в российскую государственность образованию отводилась важнейшая роль посредника и проводника государственных устоев. На это были ориентированы законоположения, касающиеся народного просвещения.

Основная цель правительственных мероприятий в области народного просвещения заключалась в сближении образовательного пространства наместничества с общероссийским, что отразилось в Положении об учебной части на Кавказе и за Кавказом (1867). Проведенные в первой половине 1870-х гг. образовательные реформы закрепили эту тенденцию и заложили основы стройной системы народного просвещения в Кавказском учебном округе, все уровни которой были унифицированы в соответствии с общероссийскими стандартами, но с учетом местной специфики. Благодаря реформам были созданы условия для появления и развития в регионе системы среднего образования, предназначенной для подготовки специалистов низшего звена, которые могли бы обеспечить экономическое развитие края в изменившихся условиях хозяйственной и политической жизни.

Особое место в региональной системе образования отводилось начальной школе. Однако основная задача — создание школы «для народа» — решалась не государственными учреждениями, а институтами духовного ведомства. Начиная с 1860-х гг. ведущую роль в процессе становления в Осетии начальной народной школы играет Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Находясь в непосредственном управлении кавказского наместника, ОВПХ согласовывало свои шаги в педагогической сфере с местной администрацией. От-

крываемые в приходах начальные школы для беднейших слоев населения сыграли значительную роль в формировании образовательного потенциала Осетии. В то же время приходские школы стали своеобразными центрами пропаганды идей российской государственности в среде горского крестьянства.

Хотя реформы определяли направление образовательного процесса лишь в самых общих чертах, они задали тон для развития кавказской школы в целом и школьного дела в Осетии в частности. При всей их противоречивости, реформы положительно сказались на состоянии образовательной среды в Кавказском учебном округе: расширилась сеть начальных школ, в том числе женских и профессиональных, в дело народного просвещения все активнее стали втягиваться городские и общественные слои. Наибольшую значимость для региона имела реорганизация средних и начальных учебных заведений. В Осетии возникли новые формы организации учебного процесса: горские, приходские, женские школы, реальная прогимназия. Постепенное увеличение количества учеников из горцев свидетельствовало о значительных сдвигах в системе потребностей самого населения, среди которых образование постепенно заняло совершенно особое место.

Вторая половина 1870-х — начало 1880-х гг. отличаются поступательным развитием принципов, заложенных реформами МНП: перестройкой системы образования в духе реформ МНП, унификацией типов образовательных учреждений и учебных программ. В эти годы расширение сети образовательных учреждений происходило за счет не только начальных школ, но и общеобразовательных учебных учреждений, открываемых в городах. Одновременно с увеличением численности учащихся росло и количество низших образовательных учреждений в осетинских селах и приходах.

Среднее образование в системе кавказской школы эволюционировало по пути углубления профессиональ-

ной специализации, завершившегося преобразованием городских реальных гимназий в реальные училища, которые рассматривались в качестве фундамента средней ступени образовательной системы. В то же время, ориентация МНП на специализацию среднего образования вела к разрыву между начальной и средней школой, который все более увеличивался в силу элитарности среднего общего образования. В результате число гимназий, реальных училищ и городских учебных заведений росло намного медленнее по сравнению с начальными училищами.

Организацией школьного дела в осетинской сельской среде занималось Общество восстановления православного христианства на Кавказе, которое по мере возможностей устраивало начальные школы в православных приходах. Несмотря на множество недостатков, приходские школы приобретали все большую популярность в народе, о чем красноречиво свидетельствуют данные о численности самих школ и их учащихся. Стремлению населения Осетии к получению образования отвечали также реальные училища и гимназии, действовавшие во Владикавказе под управлением Терской дирекции народных училищ. Теперь все учебные заведения в Осетии в педагогическом отношении находились в ведении Кавказского учебного округа, что обеспечивало определенное единство в постановке образовательного процесса.

Следующее десятилетие приходится на период контрреформ и характеризуется усилением централистских тенденций в управлении образованием, сворачиванием программ по формированию в регионе системы светского образования и спадом правительственной активности в деле просвещения местных народов. Реформа начальной школы 1884 г. превратила церковь в ведущую координирующую силу в деле начального образования, а церковно-приходская школа стала основным инструментом идеологического воздействия на низшие слои населения. Клерикализация образования повлияла на конкретные

организационные формы учебного процесса и его конечные цели, что отразилось и на состоянии начальных уровней системы образования в Осетии.

К концу XIX в. в Терской области сложилось две образовательные системы, находившиеся под управлением Св. Синода и Министерства народного просвещения. Синод ведал начальными церковными школами (церковно-приходские, школы грамоты, воскресные школы, духовные семинарии и т.п.). К ведению МНП, которое представляла Терская дирекция начальных училищ, относились начальные городские училища, сельские школы, городские гимназии. Все эти учебные учреждения являлись необходимыми звеньями системы всеобщего начального образования и единственными очагами просвещения для подавляющей массы населения.

В целом развитие системы народного просвещения в Осетии в последние два десятилетия XIX в. отличалось неравномерностью и противоречивостью. Недостаточное внимание центральных ведомств к образовательным нуждам местного населения негативно сказывалось на качестве образования, а предпринимаемые властями усилия не могли обеспечить растущие потребности в образовании различных общественных слоев. В то же время возросший общественный интерес к образованию и расширение социальной активности как городской, так и сельской среды оказали существенное влияние на поддержку и развитие образовательного потенциала Осетии.

В достижении образовательно-воспитательных целей правительства были активно задействованы дополнительные образовательные ресурсы в виде учреждений просветительской направленности: народные чтения, общественные библиотеки, народные читальни и т.п., в один ряд с которыми были поставлены и музеи, ориентированные на учебно-методическую и просветительскую деятельность.

В качестве основных содержательных характеристик этого периода можно выделить: определяющую роль цер-

ковных учреждений в организации низших уровней системы народного просвещения, выраженную сословность учебных заведений, увеличение численности начальных (церковно-приходских) школ для беднейших слоев населения, повышение социальной активности городских и сельских обществ, появление воскресных школ и школ грамоты, формирование национальной педагогической интеллигенции, появление новых институциональных форм, дополняющих и расширяющих систему народного просвещения.

Итак, в течение второй половины XIX в. в Осетии шли интенсивные процессы формирования и становления системы народного просвещения, в ходе которых нарастал ее образовательный потенциал. Наряду с государственными ведомствами в этом участвовали различные общественные слои, при поддержке которых в селах Осетии и в городе Владикавказе возникали и функционировали учебные заведения низшего и среднего звена. Многие существенные преобразования в сфере народного просвещения были инициированы со стороны государства и его отдельных институтов, однако их реализация нередко становилась делом общественной и частной инициативы. В ходе противоречивого взаимодействия государства и общества, которые выступали как взаимодополняющие системы, формировалась своеобразная результирующая, по которой пошло развитие в регионе народного образования. Таким образом разрешалось противоречие между возможностями региональной системы образования и образовательными потребностями местного населения. Усиливавшиеся процессы унификации региональной системы образования привели к тому, что уже к концу XIX в. Осетия оказалась полностью интегрирована в общероссийское образовательное пространство.

Стремление к образованию, отличавшее население Осетии, со временем оформилось в мощный социальный запрос, объединивший все общественные слои. В новых

социально-экономических условиях пореформенной Осетии образование рассматривалось как гарантия продвижения по социальной лестнице и достижения экономического и социального благополучия. Дать знания подрастающему поколению означало не только помочь ему адаптироваться к изменившимся условиям быта и хозяйствования, но и открыть перед ним новые перспективы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН (НА СОИГСИ)

Ф. 2. Оп. 1. Д. 16.

Ф. 10. Оп. 1. Д. 7, 22, 43, 63, 64, 66, 67, 69, 70, 71, 73, 74, 75.

Фонд Шанаева. Д. 41.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А)

Ф. 11. Оп. 12. Д. 363; Оп. 52. Д. 680.

Ф. 11. Оп. 58. Д. 2002, 2550.

Ф. 12. Оп. 1. Д. 427, 432; Оп. 2. Д. 188, 207, 310; Оп. 5. Д. 6; Оп. 7. Д. 13.

Ф. 53. Оп. 1. Д. 1927.

Ф. 123. Оп. 1. Д. 28, 219.

Ф. 136. Оп. 1. Д. 17.

Ф. 211. Оп. 1. Д. 189.

Опубликованные источники

Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1885. Т. X (1844-1854); 1904. Т. XII (1856-1862).

Всеподданнейшие отчеты начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892-1899 гг. Владикавказ: Типография Областного Правления Терской области, 1893-1900.

Всепогоднейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.

Главнейшие мероприятия по устройству Кавказского края. Тифлис, 1878.

Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1896.

Журнал заседания Терского областного статистического комитета 2 апреля 1904 года. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1904.

Журнал общего собрания Терского областного статистического комитета: заседание 13 марта 1893 года. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1893.

История Владикавказа (1781-1999 гг.): Сборник документов и материалов / Сост. М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. Майкоп: Изд.-полиграф. и книготорг. произв. объединение «Адыгея», 1991.

Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв.: Сборник документов и материалов / Сост. А. Я. Гордин и др. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005.

Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. Б. м., б. г.

Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. / Сост. Д. А. Дзагуров. Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1950. Т. III.

Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1942. Т. V.

Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В. С. Гальцев. Орджоникидзе: Государ-

ственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1942. Т. II.

Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX — начале XX в.: Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014.

Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Исторический ракурс: Сборник документов / Сост. Н. Чиплакова, Л. Зассеева, Л. Ленник. Владикавказ: Архивная служба РСО-Алания, 2012.

Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказскою армией. 1857, 1858, 1859. Тифлис, 1861.

Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880-1901. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1903.

Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем. 6 декабря 1862 — 6 декабря 1872. Тифлис, 1873.

Отчет по управлению Кавказским краем за 1846, 1847 и 1848 годы. Тифлис, 1849.

Отчеты о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1893, 1898, 1900, 1903 годы. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1894, 1899, 1901, 1904.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649-1825). СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825-1881). СПб., 1830-1884.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881-1913). СПб., 1885-1904.

Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871.

Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними [электронный ресурс]. URL: <http://nasledie.turgenev.ru/stat/exp01/stend3/part1/pravila.html>

Русско-осетинские отношения в XVIII в.: Сборник документов в 2-х т. / Сост. М. М. Блиев. Орджоникидзе: Ир, 1976. Т. I. 1742-1762 гг.; 1984. Т. II. 1764-1784 гг.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. III: Царствование императора Александра II. 1855-1864. СПб.: Тип. импер. Академии наук, 1876.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. X: Царствование императора Александра III. 1885-1888. СПб.: Тип. импер. Академии наук, 1894.

Сборник распоряжений, напечатанных в Циркулярах по Управлению Кавказским учебным округом. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890-1897. Т. 1-6.

Свод законов Российской империи. СПб., 1899. Т. IX. Свод законов о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных.

Периодические издания

Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. импер. Академии наук, 1847. Ч. LIV. Апрель.

Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. импер. Академии наук, 1869. Ч. СXLIII. Июнь.

Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. импер. Академии наук, 1877. Ч. СXCIII. Октябрь.

Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1877-1878. Т. V.

Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890.

Кавказский календарь на 1912 год. Тифлис: Типография Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1911.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1991. Т. V.

- Сборник сведений о Терской области. Владикавказ: Терск. обл. стат. ком., 1878. Вып. 1.
- Северный Кавказ. 1897. № 7.
- Северный Кавказ. 1901. № 69.
- Терские ведомости. Неофициальная часть. 1870.
- Терские ведомости. Неофициальная часть. 1875.
- Терский календарь на 1891 год. В 2-х кн. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1890.
- Терский календарь на 1894 год. В 2-х кн. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1893. Кн. 1. Вып. 3.
- Терский календарь на 1895 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1894. Вып. 4.
- Терский календарь на 1897 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1896. Вып. 6.
- Терский календарь на 1898 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1897. Вып. 7.
- Терский календарь на 1901 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1900. Вып. 10.
- Терский календарь на 1905 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1904. Вып. 14.
- Терский календарь на 1912 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1911. Вып. 21.
- Терские ведомости. 1896. № 82.
- Терские ведомости. 1889. № 16.
- Терские ведомости. 1899. № 30.
- Терские ведомости. 1897. № 148.
- Терские ведомости. 1907. № 5.
- Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» 1904 г. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1903. Вып. 6.
- Тифлисский вестник. 1877. № 35.

Литература

- Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб.: Типография М. Меркушева, 1900.
- Айларова С. А. Общественная мысль народов Северно-

го Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2003.

Аппоева Л. М. Становление и развитие женского образования в Терской области (вторая половина XIX — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.

Бекоева Е. Д., Кусова Л. Б. Становление и развитие начального образования в Северо-Кавказском регионе (конец XVIII — начало XX столетий) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 2. С. 292-296.

Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 30-77.

Блейх Н. О. Роль просветительских организаций в развитии школьного образования на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX века // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 217-219.

Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ: Ир, 2000.

Бозиев Р. С. Развитие образования народов Северного Кавказа в XIX — начале XX веков: этапы, движущие силы и механизмы: Дисс. ... докт. пед. наук. М., 2009.

Бойкова О. Ф., Ключев В. К. Правовая среда российской библиотеки: Учеб.-практ. пособие. М.: Либерия-Бибинформ, 2011.

Воротникова М. В. Женское образование в Северной Осетии во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 30-33.

Воротникова М. В., Шаламов В. В. Образование женщин на территории Северного Кавказа во второй половине XIX — нач. XX вв. // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 6-13.

Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по исто-

рии осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 3-24.

Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Учпедгиз, 1954.

Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: РИЦ «Россия молодая», 1993.

Георгиевский А. И. К истории Ученого Комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1902.

Гонтарева Е. Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965.

Гостиева Л. К. Борьба осетинской интеллигенции за сохранение Владикавказской Ольгинской женской школы в конце XIX века // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2014. С. 64-72.

Гостиева Л. К. Научно-координационная работа А. М. Шегрена по переводам учебной и богослужебной литературы на осетинский язык // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 13 (52). С. 105-110.

Гостиева Л. К. Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014.

Дзалаева К. Р. Народные чтения как социокультурный феномен северокавказского общества во второй половине XIX — начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 14 (53). С. 21-25.

Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX — начало XX вв.). 2-е изд., перераб. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

Дзалаева К. Р. Осетинское городское население в условиях пореформенной модернизации (вторая половина

XIX — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005.

Дзампаева Ж. Т. Развитие женского образования и воспитания у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс.... канд. пед. наук. Владикавказ, 2004.

Евангулов Г. Г. Местная реформа на Кавказе. Тифлис, 1914.

Еремин А. И. Уставы и правила библиотек как источник по истории повседневной жизни провинции в конце XIX — начале XX века // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. Вып. 4. С. 249-273.

Зубков И. В. Система начальных и средних учебных заведений в России (1890-1916 годы) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 88-149.

Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М.: Новый хронограф, 2009.

Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Издание Министерства Народного Просвещения, 1902.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1967. Т. 1.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 г.). М.: Наука, 1988. Т. 2.

История Осетии. В 2-х томах. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2012. Т. 2. История Осетии в XIX — начале XX века.

История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. 1.

Казарина М. А. Из истории развития образования в

Кабарде в конце XIX — начале XX вв. // Уч. зап. Кабардино-Балкарского государственного пед. ин-та. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 161-180.

Каймаразов Г.Ш. Из истории народного образования в Дагестане в XIX веке // Уч. зап. ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Махачкала, 1964. Т. 12. С. 58-63.

Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Изд. 2-е. Владикавказ: Иростон, 2002.

Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 71-82.

Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (конец XVIII — XIX в.) // Этнографическое обозрение. 2003. №5. С.123-134.

Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII — начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.

Кобахидзе Е.И. От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная практика России на Центральном Кавказе в конце 50-х — начале 70-х гг. XIX в. // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 107-128.

Кобахидзе Е.И. От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С. 13-29.

Кобахидзе Е.И., Дзотцоева А.А. К истории учреждения Владикавказского городского суда // Современные проблемы гуманитарной науки: Материалы Итоговой научной сессии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 143-148.

Копачев И. П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII в. — 30-е годы XX в.). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1964.

Корнилов А. А. Купечество Терской области во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012.

Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX — начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1991.

Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008.

Краснов М. В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь: Тип. губ. правления, 1887.

Краснов М. В. Просветители Кавказа. Ставрополь: Тип. губ. правления, 1913.

Кузьминов П. А. От войны к миру: Реформы на Северном Кавказе как альтернатива политического противостояния центра и периферии // Кавказская война: символы, образы, стереотипы / Отв. ред. Т. В. Коваленко. Краснодар, 2015. С. 179-190.

Кумыков Т. Х. Культура и общественная мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик: Эльбрус, 1991.

Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965.

Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX — начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996.

Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1960.

Ларина В. И. Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века и его влияние на окружающее горское население // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1958. Т. XXI. Вып. 1. (Отдельный оттиск)

Магомедов А. А., Чеджемов С. Р. Культура, интеллигенция, образование: история и теория (на материалах осетинского народа). Владикавказ: СОГУ, 2014.

Магомедова В. Д. Просвещение и школа в Северной Осетии во второй половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1973.

Макоева Л. С. Вклад культурно-просветительских и благотворительных обществ в становление и развитие образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX — начало XX веков): Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2006.

Марзоев И. Т. Общество по распространению образования и технических знаний среди горцев Терской области // Материалы международной Юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ». Владикавказ, 2010. С. 82-84.

Мельниченко Е. Х. Развитие русско-осетинских культурных связей во второй половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1984.

Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.

Невская В. П. Духовная жизнь и просвещение народов Ставрополя в XIX — начале XX вв. // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. В 2-х ч. Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 85-95.

Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: В 3 т. М.: МГУП, 2002.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т. 1. С древнейших времен по март 1917 года.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в. М.: Педагогика, 1991.

Пащенко И. В., Урушадзе А. Т. Образовательная по-

литика Российской империи на Кавказе как фактор преодоления конфликтного потенциала // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2012. С. 95-100.

Попов Н. П. Деятельность управления Кавказского учебного округа за последнее 20-летие (1879-1899) // Русская школа. 1901. № 2. С. 61-87.

Саблиров М. З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999.

Саблиров М. З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX в. Нальчик: Адыгэ Хэку, 2001.

Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009.

Сафарова И. В. Возникновение и развитие музейного дела в Ставропольской губернии и Терской области в XIX — начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010.

Созаев А. Б. Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. — 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.

Ткаченко Д. С. Национальное образование в Российской империи XIX — начала XX в. (на материалах северокавказского региона): Дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2006.

Ткаченко Д. С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX — начала XX вв. Ставрополь: Альфа Принт, 2009.

Тотоев М. С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1962.

Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957.

Туаева Б. В. Город в урбанизационных процессах в

России (XIX — начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 57-70.

Туаева Б. В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX — начала XX вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2013.

Туаева Б. В. Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5. С. 207-213.

Туаева Б. В. Социальные и культурные факторы российско-кавказского взаимодействия: Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Владикавказ, 2010.

Уадати А. С. Владикавказская Городская дума (1875-1917): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.

Урушадзе А. Т. Просвещение в политике М. С. Воронцова на Кавказе // История в подробностях. 2013. № 9 (39). С. 92-98.

Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. Отд. IV. С. 1-30.

Фидарова К. К., Аликова З. Р., Тедеева У. Ш. Повседневный быт и участие в культурной жизни чиновничества Терской области (конец XIX — начало XX вв.) // Фундаментальные исследования. 2013. № 8. С. 1009-1012.

Хмелева Л. Архитекторы Владикавказа: Самуил Уптон [электронный ресурс]. URL: <http://osradio.ru/personi/53100-arkhitektory-vladikavkaza-samuil-upton.html>

Хубаева Л. К. Национальные школы в Северной Осетии второй половины XIX — первой трети XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013.

Цориева А. Т. Коста Хетагуров и открытие В. Г. Шредерс Общественной библиотеки (к 150-летию Коста Левановича Хетагурова) // Вестник Владикавказского научно-

го центра. 2009. Т. 9. № 1. С. 33-35.

Чарнолуский В. И. Основные вопросы организации школы в России. СПб.: Знание, 1909.

Чеджемов С. Р. Интеллигенция и просвещение в Северной Осетии в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Владикавказ, 1992.

Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1958.

Чехов Н. В. Народное образование в России с начала 60-х годов XIX века. М.: Польза, 1912.

Шаповалов В. А., Любушкина Е. Ю. Общественные организации в социокультурной жизни Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41). С. 138-141.

Шафииков М. Т. Научно-образовательный потенциал как социальный феномен: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Уфа, 2006.

Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1907. Доп. т. Па. Пруссия – Фома. Россия.

Научное издание

КОБАХИДЗЕ ЕЛЕНА ИСААКОВНА
ЛАДОНИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОСЕТИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Дизайн обложки *Е.Н. Макарова*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*

Подписано в печать 18.12.2017. Бум. тип. №1.
Гарнитура шрифта *Mugiad*. Усл. п. л. 18,6.
Печать цифровая. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Тираж 100 экз. Заказ №63.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
"ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК "

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3